

Закомолдин Руслан Валериевич, выпускник юридического факультета Самарской гуманитарной академии.

Криминолог, преподаватель, ученый – кандидат юридических наук, доцент. Сфера научных интересов – уголовное право, уголовно-исполнительное право, криминология. Автор и соавтор более 100 научных и учебных работ.

Член Российской криминологической ассоциации (с 2005 г.), Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (с 2013 г.), Ассоциации юристов России (с 2017 г.).

Лауреат Всероссийского конкурса среди преподавателей вузов на лучшую научную книгу (Сочи, 2005, 2008, 2010, 2012 гг.).

За вклад в развитие высшего образования, подготовку высококвалифицированных специалистов и многолетнюю работу по воспитанию молодого поколения отмечен грамотой Минобрнауки РФ (2009 г.), нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2014 г.), нагрудным знаком «За успехи в высшем образовании и научной деятельности» (2018 г.).

Герман Сергей Эдуардович, выпускник Орловской специальной средней школы милиции МВД СССР и юридического факультета Тольяттинского государственного университета.

Служил в органах МВД СССР. Принимал участие в контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона. Имеет ранения и ведомственные награды.

С 2002 г. постоянно проживает в Германии.

Журналист, писатель, публицист. Автор военной и криминальной прозы: цикла рассказов, ряда повестей и романов. В своих работах пытается осмыслить философию человеческой жизни в условиях войны и в местах лишения свободы.

Член Союза писателей России и Международной федерации русскоязычных писателей (Венгрия, Будапешт).

Вошёл в шорт-лист Международного литературного конкурса «Русская премия» (2013 г.). Серебряный лауреат конкурса «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» (2014 г.). Номинант литературной премии им. А. Солженицына и лауреат Международного литературного конкурса русскоязычных авторов «Лучшая книга 2017 года» (Германия, Берлин). Дипломант конкурсов МВД РФ «Доброе слово» и ФСИН РФ «Система уголовного наказания России и зарубежных стран» (2018 г.).

Р.В. Закомолдин

С.Э. Герман

ТЮРЕМНО-ЛАГЕРНАЯ СИСТЕМА СССР В ТОТАЛИТАРНЫЙ ПЕРИОД (1930–1950-е ГОДЫ)

Монография

Р. В. ЗАКОМОЛДИН
С. Э. ГЕРМАН

Тюремно-лагерная система СССР
в тоталитарный период
(1930-1950-е годы)

монография

Самара
2020

Рецензенты:

доктор юридических наук, профессор

Я. И. Гилинский

*(Санкт-Петербургский юридический институт
Университета Прокуратуры РФ)*

кандидат исторических наук, доктор юридических наук, доцент

В. Г. Медведев

(Тольяттинский государственный университет)

Закомолдин, Р. В.

- 3 19 Тюремно-лагерная система СССР в тоталитарный период (1930-1950-е годы) : монография / Р. В. Закомолдин, С. Э. Герман. — Самара : Самарская гуманитарная академия, 2020. — 284 с.

ISBN 978-5-98996-234-1

В издании представлен комплексный историко-правовой анализ одного из этапов становления и функционирования отечественной уголовно-исполнительной системы периода сталинского тоталитарного режима в СССР (1930-1950-е гг.), который ознаменовался политикой насилия, террора и репрессий, а также деятельностью системы исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа. Отдельное внимание уделено исследованию режима и быта внутри лагерей. В основу издания положен хронологический порядок изложения материала.

Издание основано на правовой базе соответствующего исторического периода, архивных материалах, воспоминаниях очевидцев и непосредственных участников событий, исследованиях историков, социологов, политологов, правоведов и криминологов, современной публицистике.

Издание будет полезно для научных работников, студентов, магистрантов и аспирантов юридического и исторического профиля, курсантов и слушателей ведомственных учебных заведений ФСИН РФ, МВД РФ, ФСБ РФ, практических работников силовых, правоохранительных и судебных органов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей отечественного государства и права.

© Р. В. Закомолдин (предисловие, введение (совместно с Германом С.Э.), главы 1 и 2, заключение), 2020
© С. Э. Герман (введение (совместно с Закомолдиным Р.В.), глава 3), 2020

ISBN 978-5-98996-234-1

*Посвящается
памяти жертв советского тоталитарного режима*

- От авторов -

Данная работа стала результатом знакомства и общности интересов и взглядов ученого и писателя. Один из авторов преподает дисциплины криминального цикла и занимается научными исследованиями, другой пишет художественную прозу и занимается публицистикой. При этом каждый всегда стремился развиваться и хотел попробовать себя в новом качестве и в новой сфере. Так у авторов родилась общая идея — подготовить авторскую монографическую работу, которая, с одной стороны, содержала бы элементы научного анализа, а, с другой, была бы публицистической.

Безусловно, данная работа не претендует на признание ее в качестве всестороннего глубокого научного исследования. Это лишь наша попытка осознания масштаба ужаса и бесчеловечности тоталитарного периода нашей истории. Результат нашей работы мы представляем вниманию читателей.

Период сталинского террора уже более 30 лет является предметом и публицистических работ, и научных исследований правового, политологического, исторического, социологического, философского характера. Мы не претендуем на новизну и оригинальность. Мы лишь хотим донести до наших друзей, партнеров, коллег, студентов и детей наше отношение к этому периоду и к самому тирану, и хотим еще раз для себя убедиться в правильности своих взглядов, мнений и выводов, перенеся их на бумагу и взглянув на них со стороны.

Сталинская репрессивная машина покалечила судьбы огромного количества людей в нашей стране и во многих других странах. Не стали в этом плане исключением и семьи авторов этих строк. Последним местом службы деда Руслана Закомолдина по материнской линии — рядового Петра Олейничука была одна из штрафных рот 1-й Ударной Армии, в составе которой молодой парень, 1917 года рождения, воевал в должности стрелка и погиб в январе 1945 года. Вся семья Сергея Германа, этнического немца по происхождению, в 1941 году в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» была депортирована в товарных вагонах на вечное поселение в Сибирь.

На фоне вновь звучащего одобрения сталинского режима и личности самого тирана, мы хотим, и имеем на это полное моральное право, заявить о своем негативном отношении как к самому сталинскому режиму, так и к современным попыткам его одобрения и популяризации.

Всем нам следует помнить, что государственная безопасность не может быть превыше личной и общественной безопасности, интересы государства не могут быть отделены от интересов личности и общества и, уж тем более, идти вразрез с ними. Так, по данным исследования Аналитического центра «Левада-Центр», на вопрос о том, совпадают ли в России интересы госу-

дарства и общества, подавляющее большинство респондентов (72%) ответили отрицательно. При этом 11% из них отметили, что интересы общества и государства совпадают лишь в критические периоды, когда стране грозит опасность¹.

Культивирование в обществе враждебности, страха, недоверия, подозрительности, наказания без вины и кары без причины — это регресс и путь в никуда. Страдания и терпимость, ограничения и аскетизм, мечты о перспективе счастливой жизни только после смерти не должны являться теми социальными скрепами и идеологическими основами, которые объединяют наше общество. Мы должны стремиться быть свободными и счастливыми, богатыми и успешными здесь и сейчас, а задача государства — помогать нам в этом, создавать необходимые для этого условия. Абсурдно звучит постановка вопроса о доверии государства своему народу, а террор и геноцид государства в отношении собственного народа — это величайшее из преступлений — преступление против человечности.

Одна из идей, на основе которых учили нас и несколько поколений после нас, это то, что государство есть результат «общественного договора» и основное его назначение — это забота об обществе, обеспечение безопасности, процветания и благоденствия всех и каждого члена общества. Именно поэтому мы исходим из того, что, во-первых, общество первично и несменяемо, а государство вторично и сменяемо; во-вторых, государство существует для общества, а не общество для государства; в-третьих, нет более важной и значимой ценности, чем человек и его жизнь, и никакая идея или идеология не может этого отменить или изменить.

Руслан Закомолдин (Тольятти, Россия)
Сергей Герман (Бонн, Германия)

¹ В период с 24 по 30 октября 2019 г. было опрошено 1600 респондентов в 137 населенных пунктах РФ. По результатам аналогичного опроса в 2013 г. данный показатель составлял 67% // По данным официального сайта Аналитического центра Юрия Левады «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru/2019/11/28/obshhestvo-i-gosudarstvo/> (дата обращения: 28.11.2019)/

- Предисловие -

История становления и развития отечественной уголовно-исполнительной системы сложна, неоднозначна и противоречива, равно как и история нашего государства, и насчитывает, по некоторым данным, уже порядка 140 лет².

Являясь одновременно продуктом и орудием государственного воздействия, достаточно длительный период своего существования отечественная уголовно-исполнительная система была карательной и попирала права человека и личность как таковую, выступая лишь средством устрашения, кары и репрессии.

Весьма показателен в этом плане советский период существования российского государства, неотъемлемым элементом которого являлся террор власти в отношении собственного народа. Ключевыми характеристиками уголовно-исполнительной системы данного периода являлись реализация кары и причинение страданий в отношении лиц, к которым по определенным причинам и основаниям применялись меры государственного уголовно-правового воздействия. Приоритет отдавался эксплуатации труда осужденных, сопряженной с их физическим устраниением, а не перевоспитанию, исправлению и последующему их возвращению в общество.

Наиболее ярким примером такого функционирования государственной уголовно-исполнительной системы является период, так называемого, сталинского тоталитарного режима. Полное игнорирование человека в угоду государственных имперских интересов, террор в отношении собственного населения, массовые репрессии и казни, полное попрание всех основ правосудия и прав человека, политизация всех сфер общественной жизнедеятельности – вот те основные начала, на основе которых строилась советская уголовно-исполнительная система в этот период.

Сегодня, в условиях очередного этапа реформирования государственного управления и всех сфер общественной жизнедеятельности, выстраивания нового вектора взаимодействия государства

² Подробнее см., напр.: Уголовно-исполнительная система. 130 лет / М. Г. Детков, Г. В. Алексушин, П. В. Яценко, В. И. Селиверстов. М. : ИД «Юриспруденция», 2009. 302 с.

и общества, курса на обеспечение национальной безопасности и формирование общей идеологии, следует вновь осмыслить основные вехи нашей истории. Как справедливо отмечают исследователи, конструктивные преобразования невозможны без учета предшествующего опыта³. Необходимо критически взглянуть на отдельные ее этапы, роль и значение в истории отдельных государственных лидеров и вождей, принимаемых ими решений. А имеющая сегодня место позиция отдельных авторов по оправданию, популяризации, идеализации и даже героизации как самого Сталина, так и созданного им тоталитарного режима просто аморальна и бесчеловечна⁴.

Безусловно, социальный контроль за преступностью, противодействие преступности, уголовно-правовое и уголовно-исполнительное воздействие на лиц, совершающих преступления, важны и необходимы. Однако первичным и гораздо более важным является то, какова природа и критерии уголовно-правового запрета, какое поведение признается преступным, какие лица объявляются преступниками, какие средства, инструменты и меры используются, какие цели преследуются государством при воздействии на преступников и на преступность⁵. При этом важно учитывать, что в нашем обществе на генетическом уровне выработано не-гативное отношение к таким уголовно-правовым категориям как «кара» и «репрессии», несмотря на то, что современные исследователи придают им совершенно иное содержание и значение⁶.

³ См.: *Клеймёнов М. П.* Уголовно-правовое прогнозирование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / Свердловский юридический институт. Екатеринбург, 1992. С. 31.

⁴ См., напр.: *Север А.* Опыты Сталина с «пятой колонной». URL: <https://nice-books.ru/books/proza/istoricheskaja-proza/167988-aleksandr-sever-opyty-stalina-s-pyatoi-kolonnoi.html> (дата обращения: 25.02.2019); *Север А.* Сталин против «выродков Арбата». 10 сталинских ударов по «пятой колонне». URL: <https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/publicism/216382-aleksandr-sever-stalin-protiv-vyrodkov-arbata-10.html> (дата обращения: 25.02.2019).

⁵ Подробнее см.: *Гилинский Я. И.* Политическое (государственное) насилие // Социальное насилие : монография / Я. И. Гилинский. СПб. : Алефа-Пресс, 2013. С. 120—150.

⁶ См., напр.: *Дуюнов В. К.* Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. М. : Юрлитинформ, 2019; *Степашин В. М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : дис. ... докт. юрид. наук / Омский госуниверситет им. Ф. М. Достоевского. Омск, 2019.

Настораживает, что сегодня мы вновь сталкиваемся с явлениями, которые никоим образом не укладываются в рамки тех достижений и тех ценностей, которые были нами восприняты на протяжении всего постсоветского периода существования: на государственном уровне культивируется образ врага; уголовное право становится орудием политической борьбы; население из активного участника правоотношений превращается в объект государственно-правового воздействия; основными средствами государственно-правового регулирования становятся запреты, ограничения и санкции; на официальном уровне инициируется идея отмены моратория на смертную казнь; вводится ответственность за опасное состояние личности или организации; вводятся в оборот такие понятия как «нежелательная организация», «иностранный агент», «пятая колонна»; в качестве уголовного наказания введены принудительные работы; труд заключенных предлагается использовать в крупных госкорпорациях на стройках, в промышленности и в сельском хозяйстве.

Однако нам важно не повторять уже сделанных ранее ошибок, не принимать опрометчивых, поспешных и конъюнктурных решений и не давать популистских оценок, а делать выводы и двигаться вперед с учетом полученного опыта и знаний.

«Ни одна страна не овладела искусством калечить души людей с такой неотвратимостью»

Иосиф Бродский

«За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам»

*Преамбула Закона РФ от 18.10.1991 г. № 1761-1
«О реабилитации жертв политических репрессий»*

«...Russia remains the greatest victim of communist totalitarianism and... its development into a democratic state will be impeded as long as the government, the political elite and political propaganda continue to whitewash communist crimes and glorify the Soviet totalitarian regime...»

par. 15 of the European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe (2019/2819(RSP))

- Введение -

Вряд ли у кого-то возникнет обоснованное сомнение в необходимости изучения советской тюремно-лагерной системы тоталитарного периода.

Устройство и функционирование тюрем, лагерей и колоний в полной мере раскрывает структуру самого тоталитарного режима советского периода истории России, его сущность, механизм и последствия. Весь довоенный и послевоенный период (1930-1950-е годы) в отечественной истории прочно ассоциируется с эпохой ГУЛАГа. И очень показательно, что символом государственного террора в целом стал именно ГУЛАГ — крупная, но не единственная структура в советской репрессивной системе.

Изначальная аббревиатура ГУЛАГ (Главное управление лагерей), обозначавшая административный орган, управлявший исправительно-трудовыми лагерями, трансформировалась в сознании людей и стала отождествляться со всей советской тоталитарной пенитенциарной системой во всех ее формах и разновидностях: исправительно-трудовые учреждения, колонии, лагеря, тюрьмы, штрафные лагпункты, лагеря для уголовных и политических осужденных,

женские, детские, следственные и пересыльные тюрьмы, следственные изоляторы, спецлагеря, особлаги, спецпоселения, «шарашки», трудовые колонии для несовершеннолетних и т. д. и т. п. А затем в ещё более широком смысле ГУЛАГ стал означать всю советскую репрессивную систему в целом: НКВД, «тройки», особые совещания, «воронки», аресты, обыски, лагсуды, допросы, этапы, ссылки, пересылки, «стольпинские» вагоны, рабский труд заключенных, каторжные работы, массовые расстрелы, политические репрессии, пытки, нечеловеческие условия содержания, голод, болезни, смерть и пр.

В крайне сложной системе советского социума особое место принадлежало именно исправительно-трудовым учреждениям государства, которые представляли собой звено, в первую очередь, политической юстиции. Лагеря, тюрьмы, колонии, спецпоселения, следственные изоляторы являлись важным элементом репрессивного механизма, инструментом устрашения и запугивания населения.

При этом на протяжении многих лет запрещалось каким-либо образом изучать и давать оценку данной системе. Данная тема была однозначно вынесена за рамки научного изучения. Сегодня данная ситуация существенно изменилась. Несмотря на наличие «белых пятен» и все еще засекреченных отдельных архивов материалов и документов, изучение советских лагерей уже имеет длительную историографическую традицию, заслуживающую внимания и доверия. В многочисленных научных и художественно-публицистических работах с разных позиций, на основе разных источников и разными авторами описываются общие тенденции пенитенциарной политики СССР, ее механизм, средства, орудия, меры в обобщенных количественных показателях.

Примечательно, что сегодня ставятся и дебатироваются вопросы как в целом об экономической составляющей организации советской пенитенциарной системы⁷, так и непосредственно о месте, так называемой, лагерной экономики в развитии советской политико-экономической системы, а также об ее преимуществах⁸.

⁷ См., напр.: Желтов А. А. Экономические факторы в организации пенитенциарных систем // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов СЮИ ФСИН России. Самара : Изд. СЮИ ФСИН России, 2019. С. 87–88.

⁸ См., напр.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / под ред. Л. И. Бородкина, П. Грегора, О. В. Хлевнюка. М. : РОССПЭН, 2005; Федотова И. Н. Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечествен-

Советская лагерно-производственная система имела в своем подчинении сотни трудовых лагерей и колоний с миллионами заключенных. С использованием принудительного труда заключенных реализовывались крупные государственные стратегические экономические проекты, чаще всего военно-промышленного характера. Производственная база самого ГУЛАГа была относительно невелика, но именно от ГУЛАГа, в первую очередь, зависело выполнение плановых заданий всех лагерно-производственных управлений. Такая зависимость объяснялась тем, что ГУЛАГ был «главным хранителем» «рабочего фонда», он руководил учетом, распределением и перераспределением заключенных всех исправительно-трудовых лагерей, в его функции входило комплектование лагерей, обеспечение режима содержания и охраны заключенных, снабжение лагерей продуктовым и вещевым довольствием, направление заключенных на работы. Эти функции делали ГУЛАГ ключевым звеном в организационной структуре органов исполнения наказаний, ориентированных на трудовое (экономическое, промышленное) использование (эксплуатирование) заключенных⁹.

Начиная с перестроечных времен неизменным остается интерес к истории ГУЛАГа и к пенитенциарной системе СССР в целом. Начавшийся в этот период процесс рассекречивания архивных материалов создал условия и предпосылки к всестороннему, подробному, комплексному исследованию и анализу тоталитарного режима СССР 1930-х — 1950-х годов, уголовно-исполнительной системы данного периода, а также такого явления как ГУЛАГ. При этом если ранее это внимание имело скорее разоблачительный и публицистический характер, то в настоящее время эпоха ГУЛАГа становится предметом именно научного изучения. Это связано с тем, что Россия вновь продолжает переживать масштабные трансформации и реформирование системы государственного управления и правовой системы, в ходе которых значительные изменения затрагивают и уголовно-исполнительную сферу.

При этом необходимо отметить, что в отечественной науке тема ГУЛАГа изучалась практически только с точки зрения существова-

ной войны: народно-хозяйственный профиль ГУЛАГа // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 120–135.

⁹ Подробнее см., напр.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в советской государственной системе: конец 1920-х — середина 1950-х гг. : дис. ... докт. ист. наук. М., 2002.

ния значительной по своему количеству группы политических заключенных. История ГУЛАГа сама стала использоваться как инструмент идеологической борьбы против тоталитарного режима, порождением которого он был. При этом из сферы научного изучения была изъята определенная часть этой истории — исследователи отдавали предпочтение «высокой» теме политических заключенных и игнорировали существование «низкой темы» — темы уголовного мира и криминальной субкультуры в системе ГУЛАГа. Между тем, в данной системе крайне сложно отделить «высокое» от «низкого», поскольку все было тесно переплетено и взаимосвязано.

Примечательно, что в свете опубликованных мемуаров, воспоминаний и исследований о ГУЛАГе среди политзаключенных никак не просматривается мятежный образ. Люди, обвиняемые якобы в подготовке покушений на первых лиц советского государства и свержения власти, измене, шпионаже и антисоветской пропаганде в местах лишения свободы в основном вели аморфный образ жизни и думали лишь о собственном выживании. Большинство политзаключенных не только не имели никаких политических притязаний и не помышляли о свержении советской власти, но даже не смели сопротивляться произволу лагерного начальства и представителям криминала. Криминальная же часть лагерного населения была априори абсолютно аполитична и никак не идентифицировала себя в политической сфере, уделяя внимание лишь удовлетворению своих примитивных, прежде всего, плотских потребностей, паразитируя на остальных заключенных.

Ярчайшим примером и иллюстрацией внутрилагерного существования уголовников стали так называемые «сучьи войны», оказавшие огромное влияние на становление криминальной субкультуры в нашей стране, которая, в свою очередь, оказала влияние на многие сферы жизнедеятельности общества.

В современных условиях социальная значимость изучения пенитенциарной системы СССР велика еще и потому, что люди, которые прошли через тюремно-лагерную систему, сыграли весьма значительную роль в дальнейшей жизни российского общества и отчасти в становлении российского государства. Пропустив через себя миллионы людей, ГУЛАГ превратился в машину по воспроизводству и тиражированию лагерного уклада, став рассадником уголовной преступности и криминальной культуры и обычаев в стране.

Наследие того периода накладывало отпечаток на общество и в гораздо более поздний период. Так, например, по данным исследова-

телей, уже в 1980-х года бывшие осужденные в купе с лицами, находящимися в местах лишения свободы, составляли до 25% активного населения страны¹⁰.

В настоящее время в обществе также весьма распространена и популярна тюремная субкультура. Воровской жаргон стал естественной частью нашей повседневной речи, шансон — один из популярных музыкальных жанров, бизнес по-прежнему подвергается прессингу со стороны криминала. Соответственно, переоценить это явление невозможно ни в контексте исторического развития, ни в современном его значении и влиянии как на общество, так и на государство¹¹. По этим причинам криминальная субкультура в России является объектом и криминологического, и оперативно-розыскного, и художественного познания.

Предметом исследования в рамках данной работы стала тюремно-лагерная система и тюремная субкультура в довоенный, военный и послевоенный периоды, которые ассоциируются в нашем сознании, прежде всего, со сталинским террором и репрессиями. Отдельное внимание также уделяется такому явлению как «сучьи войны» - внутрилагерному противостоянию между криминальными группировками в послевоенный период. Об этой войне писали и продолжают писать многие авторы, в том числе мемуаристы — как непосредственные участники тех событий, так и их потрясенные наблюдатели, а иногда и жертвы.

¹⁰ См.: *Юрченков Р. В.* ГУЛАГ и пенитенциарная система в СССР в 1930-х — первой половине 1980-х годов: на примере ТЕМЛАГа-ДУБРАВЛАГа : дис. ... канд. ист. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Саранск, 2013.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М. : ИНФРА-М, 2001.

- Глава I -

Уголовно-исполнительная система и уголовно-исполнительное законодательство СССР в тоталитарный период

I.1. Уголовно-исполнительная политика советского государства в конце 1920-х - начале 1930-х гг.

С конца 1920-х годов политика Советского государства имела исключительно карательный характер. Это было обусловлено как внутренними, так и внешними причинами. С одной стороны, имелась необходимость в укреплении личной власти И. В. Сталина, а также в подавлении внутренних оппонентов и врагов как лично вождя, так и в целом советской власти и формирующегося нового государственного строя. С другой — молодому советскому государству необходимо было занять и укрепить свое положение на международной арене. Главными средствами достижения политических целей новая власть избрала «классовый подход» и насилие. Данные политические процессы, безусловно, затрагивали все направления государственной политики, в том числе уголовно-исполнительную политику и политику противодействия преступности.

Прежде всего, 28 марта 1927 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили новое Положение о народном комиссариате внутренних дел РСФСР¹², в котором были определены структура, полномочия и функции НКВД. В состав НКВД входили Общее управление, Центральное административное управление (ЦАУ), Главное управление мест заключения (ГУМЗ), Главное управление коммунального хозяйства. На комиссариат были возложены следующие функции: обеспечение охраны революционного общественного порядка и общественной безопасности; общее администрирование; производство розыска и дознания по уголовным преступлениям; регистрация и учет преступлений и преступников; борьба с преступностью; изучение преступности и преступников. Таким образом, функции и направления деятельности НКВД были значительно сокращены. Кроме того, при НКВД РСФСР был создан и функционировал специ-

¹² СУ РСФСР. 1927. № 47. Ст. 315.

альный Государственный институт по изучению преступности и преступников, который занимался исследовательской, методической, аналитической и иной работой в данной сфере¹³.

Советская тюремно-лагерная система стала неизбежным продуктом советского государственной политики данного периода, основанной на каре, терроре, насилии и репрессиях.

В пенитенциарной системе данного периода основными учреждениями, предназначенными для отбытия лишения свободы, являлись исправительно-трудовые колонии, тюрьмы и исправительно-трудовые лагеря. Тюрьмы и колонии находились в ведении НКЮ, а лагеря — НКВД.

Однако сформировалась лагерная система именно в недрах Особого государственного политического управления (ОГПУ), восприняв принципы, выработанные еще на раннем этапе становления советской власти. Прежде всего, это содержание заключенных в лагерных условиях в удалении от населенных пунктов с обязательным привлечением к принудительному труду. При этом давалась установка на то, что доходы от труда осужденных должны были превышать расходы на их содержание. Формально всеми местами заключения ведало Главное управление мест заключения (ГУМЗ) НКВД РСФСР, однако фактически в них распоряжались чекисты.

Концептуальным актом, регламентирующим исправительно-трудовую сферу в данный период, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. по итогам доклада НКЮ и НКВД о карательной политике и состоянии мест заключения¹⁴. В данном документе четко и однозначно был сформулирован курс на ужесточение уголовно-исполнительной политики в целом и непосредственно работы мест заключения. Прежде всего, отмечалось, что в отношении как преступников-профессионалов (бандитов, воров, убийц и пр.), равно как и в отношении политических осужденных (классовых врагов) применять суровые меры репрессии и создавать суровые условия исполнения приговоров, допуская их смягчение только в исключительных случаях.

НКЮ и НКВД РСФСР предписывалось использовать принудительные работы в качестве средства уголовной репрессии на началах бесплатности и экономической выгоды. Фактически требо-

¹³ См., напр.: Камалова Г. Т. Эволюция правового статуса советской милиции (1925-1929 гг.) // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 28. С. 12.

¹⁴ Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417—448.

валось осуждать мелких преступников к принудительным работам без содержания под стражей. В результате доля осужденных к принудительным работам в общем числе осужденных судами (т. е. без учета осужденных органами ОГПУ) возросла с 15,3% в 1928 г. до 57,7% в 1929 г. и оставалась выше 50% в 1930 г. В дальнейшем в 1930 г. дошло до того, что к принудительным работам без содержания под стражей судами были приговорены 20% всех убийц, 31% насильников, 46,2% грабителей и 69,7% воров¹⁵, в итоге только в РСФСР принудительные работы отбывали порядка 300000 осужденных¹⁶.

Кроме того, ГУМЗу НКВД было предложено принять меры к ужесточению режима в местах заключения в отношении политзаключенных и опасных уголовных элементов.

В постановлении признавалось нецелесообразным строительство новых мест заключения и рекомендовалось НКВД РСФСР увеличить наполняемость сельскохозяйственных, ремесленных, фабричных трудовых колоний на базе бездействующих и нуждающихся в существенном ремонте предприятий.

Планировалось использование рабочей силы из числа заключенных для освоения отдаленных районов страны и использования имевшихся там природных богатств в интересах индустриализации.

Для этих целей ОГПУ надлежало создать сеть исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ).

28 апреля 1928 г. прошел Второй съезд административных работников НКВД РСФСР, на котором также была обозначена и одобрена концепция на ужесточение режима содержания в местах лишения свободы, что было отражено в итоговой резолюции съезда.

Ключевым основанием для обоснования и оправдания произвола и насилия в отношении населения стала позиция лично И. В. Сталина, который 9 июля 1928 г., выступая на заседании Пленуму ЦК ВКП(б), заявил: «По мере нашего продвижения вперед сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться, а Советская власть... будет проводить политику подавления сопротивления..., ... ибо не бывало и не будет того, чтобы отжившие классы сдавали добровольно свои позиции, не пытались

¹⁵ *Джекобсон М., Смирнов М. Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР (1917-1929). URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Gulag1917_1929.htm (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁶ Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода // Сов. юстиция. 1931. № 25. С. 25.

организовать сопротивление, ... а сопротивление эксплуататоров не может не вести к неизбежному обострению классовой борьбы»¹⁷. В связи с этим карательному воздействию и репрессиям должны были подвергаться не столько преступные общеуголовные элементы, сколько политические оппоненты, а в конечном итоге, широкие слои населения, так называемые, «классовые враги».

При этом именно в данный период на государственном уровне обсуждались планы «большого скачка», форсированной индустриализации экономики страны и коллективизации сельского хозяйства. Перед страной ставилась амбициозная задача — за 10 лет пройти такой путь развития, который развитые капиталистические страны преодолевали за 50-100 лет¹⁸. В совокупности с репрессивной карательной политикой это дало толчок идее о массовом использовании труда осужденных.

При этом места заключения были призваны не только выполнять функции обеспечения правопорядка в стране и изоляции социально опасных элементов, но и решать задачи народно-хозяйственного значения. Данные установки привели к тому, что в ведении НКВД, НКЮ и ОГПУ стали появляться подчиненные им специализированные места лишения свободы. Именно в этих условиях ОГПУ начало формировать собственную систему исправительно-трудовых лагерей, которые впоследствии стали основой ГУЛАГа. Так, уже в марте 1928 г. начала функционировать первая лесозаготовительная колония, перед которой, равно как и всеми остальными аналогичными учреждениями, ставились задачи исправления заключенных трудом и обеспечения растущих потребностей промышленных предприятий ресурсами¹⁹. А 11 июля 1929 г. было принято Постановление СНК СССР № 16 «Об использовании труда уголовно-заключенных»²⁰,

¹⁷ Уголовно-исполнительная система. 130 лет / М. Г. Детков, Г. В. Алексушин, П. В. Яценко, В. И. Селиверстов. М. : ИД «Юриспруденция», 2009. С. 85.

¹⁸ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М. : Госполитиздат, 1951. С. 39.

¹⁹ Подробнее см.: *Тимофеев В. Г.* Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события : учеб. пособие. Чебоксары, 1999. URL: // <http://lib.ru/PRAWO/timofeew.txt#foot379> (дата обращения: 12.11.2019); Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 85, 91–93.

²⁰ ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сб. документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 2000. URL: <https://document.wikireading.ru/17922> (дата обращения: 11.11.2019).

которым непосредственно ОГПУ поручалось создание в отдаленных малонаселенных, неосвоенных и экономически неразвитых районах страны ряда крупных исправительно-трудовых лагерей.

Предписывалось всех лиц, осужденных к лишению свободы на срок от 3 лет и выше, направлять для отбытия наказания в исправительно-трудовые лагеря ОГПУ. В местах заключения, подведомственных ГУМЗ НКВД, оказывались только осужденные к лишению свободы на срок до 3 лет — «малосрочники».

Таким образом, ОГПУ получило преимущество в использовании труда заключенных, так как «большесрочники» работали, как правило, интенсивнее, надеясь на сокращение срока за хорошую работу, и у них было достаточно времени, чтобы освоить новые профессиональные навыки.

В свою очередь, НКВД в октябре 1929 г. провел Всесоюзную конференцию работников республиканских ГУМЗов, на которой было предложено направлять заключенных в те районы и на те работы, от которых отказывались вольнонаемные рабочие. Кроме того, был сделан акцент на особой значимости лесоповальных работ.

Таким образом, появились правовые основания и организационные возможности для использования в уголовно-исполнительной системе труда осужденных к лишению свободы. Начался этап формирования системы исправительно-трудовых лагерей, деятельность которых со временем охватила все сферы народного хозяйства страны.

Карательная политика советского государства была реализована и в уголовном законодательстве. Так, 6 ноября 1929 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК СССР «Об изменении статей 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»²¹, которым были предусмотрены новые виды уголовного наказания. В ст. 13 Основ теперь было предусмотрено, что к судебным-исправительным мерам относятся: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и изгнание навсегда за пределы СССР; б) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленной местности СССР; в) лишение свободы в общих местах заключения; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение прав; е) удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, либо с

²¹ СЗ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.

запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового. При этом лишение свободы в отдаленных местностях устанавливалось на срок от 3 до 10 лет, а в местах общего заключения — до 3-х лет (ст. 18 Основ)²².

При этом нормативно четких определений понятий «классовый враг», «классово чуждый элемент», «деклассированные преступники-профессионалы» не было, их понимание отдавалось на откуп революционного сознания и усмотрения правоприменителя, что, безусловно, влекло массовый произвол и злоупотребления.

Таким образом, только в 1929 году за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления было осуждено 56220 человек, в том числе к высшей мере наказания — 2109 человек, к лишению свободы с направлением в лагерь, колонии и тюрьмы — 25853 человек, к ссылке и высылке — 24517 человек, к иным мерам наказания — 3741 человек²³.

При этом исследователи отмечают, что до 1930 года советская власть не рассматривала заключенных как массовую дешевую рабочую силу, в лучшем случае государство рассчитывало на то, что труд заключенных покрывает затраты на содержание мест лишения свободы²⁴.

На 1 января 1930 г. только в пяти лагерях особого назначения ОГПУ СССР (Северный, Соловецкий, Карело-Муромский, Свирский, Вишерский) содержалось 179000 человек²⁵.

10 января 1930 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято Постановление «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам»²⁶, в котором определялись виды и формы данных мер, а также основания их применения. Так, предусматривались следующие виды высылки и ссылки: а) высылка из места проживания лица с запрещением проживать в отдельных местностях или без такового;

²² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 г., в ред. на 08.11.1929 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204; 1929. № 72. Ст. 686.

²³ Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Чебоксары, 1999.

²⁴ См., напр.: *Джекобсон М., Смирнов М. Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР (1917-1929). URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Gulag1917_1929.htm (дата обращения: 12.11.2019).

²⁵ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

²⁶ СУ РСФСР. 1930. № 5. Ст. 63.

б) ссылка в определенную местность; в) ссылка в определенную местность в соединении с принудительными работами (п. 1).

В связи с этим появилась еще одна категория репрессированного населения — спецпоселенцы, которые массово принудительно выселялись и переселялись в специальные трудовые поселения.

К 1930 году относится также начало еще одной массовой насильственной кампании советской власти — это коллективизация и раскулачивание, которые проводились в сельской местности. Связано это было с тем, что к числу стратегических задач советского государства на тот период относилась также необходимость социалистического переустройства сельского хозяйства. Этому активно противилось крестьянство, особенно зажиточная его часть. Крестьянство составляло большинство населения страны. В начале 1930 г. деревню охватили массовые восстания и волнения, продолжавшиеся с разной степенью интенсивности несколько лет. Соответственно, советская власть вынуждена была противодействовать этому явлению. Зажиточные крестьяне, «кулаки» также объявлялись врагами советской власти и социально чуждыми элементами.

Так, 15 января 1930 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение об образовании специальной комиссии, которой было поручено выработать меры в отношении кулачества. По итогам работы комиссии уже 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»²⁷, в котором была поставлена задача о ликвидации кулачества как класса. К решению данной задачи были подключены органы ОГПУ, милиции и отдельные части РККА. В целом намечалось заключить в концентрационные лагеря или расстрелять 60000 глав кулацких (крестьянских) хозяйств, а членов их семей выслать в отдаленные районы страны. Кроме того, 150000 крестьянских кулацких семей предполагалось подвергнуть ссылке без уголовного наказания, из них примерно 70000 человек намечалось сослать в округа Северного края, 50000 — в Сибирь, а остальных — на Урал и в Казахстан. Все имущество кулацких хозяйств подлежало конфискации. В целом данный документ представлял собой одновременно директиву и подробную инструкцию

²⁷ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепяков ; под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999. Часть 1.

по уничтожению целой социальной группы населения — зажиточных крестьян, которые, по сути, были оплотом сельского хозяйства. При этом в документе подчеркивалась оперативность и срочность проведения данной работы в связи с приближением сельско-хозяйственной кампании.

Во исполнение данных предписаний только за 1930-1931 гг. из различных регионов страны в отдаленные районы в так называемую «кулацкую ссылку» было направлено 361027 крестьянских семей²⁸.

В связи с массовостью спецпереселенцев 1 апреля 1930 г. при СНК СССР была создана специальная секретная комиссия, которая занималась вопросами организации труда и быта выселенных и переселенных кулаков и их семей.

7 апреля 1930 г. Постановлением СНК СССР было утверждено Положение об исправительно-трудовых лагерях²⁹, которым было определено, что «исправительно-трудовые лагеря имеют своей задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно-полезным трудом, и приспособления этих правонарушителей к условиям трудового общежития» (п. 1). Было установлено, что такие лагеря находятся в ведении ОГПУ и в них направляются лица, осужденные к лишению свободы на срок от 3-х лет, а также осужденные особыми актами ОГПУ (п.п. 2-3). Примечательно, что в лагерях устанавливались три вида режима: первоначальный, облегченный и льготный. То есть изначально для заключенных устанавливался наиболее жесткий и карательный режим, послабление которого еще надо было заслужить.

24 апреля 1930 г. при СНК СССР было образовано Управление лагерей ОГПУ СССР, а в структуре ОГПУ было создано Управление исправительно-трудовых лагерей (УЛАГ), которое достаточно быстро развивалось и уже в октябре 1930 г. получило статус Главного управления, то есть став ГУЛАГом.

По состоянию на 1 мая 1930 г. в системе ГУМЗ НКВД РСФСР функционировало 279 исправительных учреждений, где содержался 171251 осужденный, а в системе исправительно-трудовых лагерей ОГПУ — 100 тысяч человек. Так, например, в шести лагерях (Пинюгинском, Устьвымском, Котласском, Архангельском, Сыктывкарском и Ухтинском), находившихся в ведении Управления северных лаге-

²⁸ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

²⁹ СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 249.

рей особого назначения ОГПУ СССР, содержалось 22000 человек, в том числе 700 шпионов, 2000 лиц из числа духовенства и сектантов, 5000 осужденных за политический бандитизм. А на 1 января 1931 г. в исправительно-трудовых лагерях СССР уже находились 212000 заключенных³⁰.

В декабре 1930 г. республиканские НКВД были ликвидированы, и заключенные, осужденные к принудительным работам и к лишению свободы на срок менее 3-х лет, перешли в ведение НКЮ.

В 1931 г. в ведение ГУЛАГа ОГПУ были переданы все спецпоселения, и в его структуре был создан отдел трудовых поселений. В связи с этим в ноябре 1932 г. вводилось новое штатное расписание ГУЛАГиТП, которое предусматривало такие штатные единицы как начальник, его заместитель, два помощника, всего 253 сотрудника (в 1930 г. их было 87). Структурно Главк включал секретариат и десять секторов³¹.

Правительством на систему ГУЛАГа возлагались большие надежды в связи с решением стратегических экономических задач, поскольку это была огромная армия рабочей силы.

Первый опыт эффективного управления в условиях массового лагерного принудительного труда был реализован при строительстве Беломор-Балтийского канала, начатого в 1931 г. Для обеспечения строительства на данном объекте рабочей силой был образован Беломор-Балтийский исправительно-трудовой лагерь ОГПУ, усилиями которого на строительстве было задействовано в 1931 г. 64100, в 1932 — 99095, в 1933 — 84504 заключенных. В итоге в рекордно короткие сроки — за 20 месяцев был сооружен гигантский по своим масштабам объект, включавший канал протяженностью 227 километров, 128 сложных гидротехнических сооружений, в том числе шлюзов — 19, плотин — 15, водоспусков — 12, дамб — 49, искусственных каналов — 33³².

1930-е годы также связаны с появлением в советской пенитенциарной системе такого специфического элемента как особые конструкторские бюро (ОКБ) или научно-технические тюрьмы ОГПУ (на жаргоне — «шарашки»).

Безусловно, во всех экономических трудностях и неудачах этого периода руководство страны обвиняло «вредителей» и «саботажни-

³⁰ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

³¹ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 105.

³² Там же. С. 101–102.

ков». Так, 25 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклад ОГПУ, приняло Постановление «О ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности»³³, в котором были отмечены недостатки в работе военной промышленности и указаны виновники неудач в хозяйственной деятельности — «вредители». При этом непосредственными виновниками признавались отнюдь не рядовые работники, которые в большинстве своем были плохо обученными и некомпетентными выходцами из сельской местности, в связи с чем портили оборудование и срывали план. Однако, обвинять их было политически неверно в связи с их происхождением, поэтому вина ложилась на узких квалифицированных специалистов — конструкторов, инженеров, ученых, испытателей, геологов и др., которым припоминали их буржуазное происхождение и объявляли вредителями. По всей стране прогремели крупные политические дела против представителей интеллигенции о вредительстве в сфере промышленности, машиностроения и прочих сложных отраслях (например, «Дело Промпартии», «Шахтинское дело», по которым были арестованы порядка 2000 человек). В связи с этим в лагерях среди заключенных ежегодно увеличивалось число квалифицированных специалистов, знания, умения и навыки которых должным образом не применялись в условиях неволи, но которые были остро необходимы на воле.

Комплекс данных обстоятельств привел к тому, что в декабре 1929 г. в Бутырской тюрьме было организовано первое особое конструкторское бюро с прикрепленным к нему коллективом соответствующих специалистов из числа осужденных, перед которыми была поставлена задача разработать истребитель с двигателем воздушного охлаждения, не уступающий западным аналогам. Руководителем и главным конструктором ОКБ был назначен Д. П. Григорович. Было получено разрешение ОГПУ набирать также в бюро специалистов из числа вольнонаемных. В итоге в кратчайшие сроки данный самолет был сконструирован, получил название «И-5», успешно прошел испытания, был запущен в серийное производство и поступил на вооружение ВВС СССР³⁴.

Положительный опыт был воспринят ОГПУ, в структуре которого было создано Экономическое управление (ЭКУ), возглавившее борьбу с вредителями. В его составе было организовано Техничес-

³³ Информационный портал «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info/node/30358> (дата обращения: 20.09.2019).

³⁴ Подробнее см.: *Хвощевский Г. И.* Страницы истории Авиационного завода № 39 имени Менжинского. Иркутск, 2009. С. 113–116.

кое отделение, руководившее работой ОКБ и непосредственно использованием труда квалифицированных специалистов из числа заключенных. 15 мая 1930 г. Высшим советом народного хозяйства и ОГПУ был подписан Совместный циркуляр «Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство». ОКБ («шарашки») стали создаваться и в других городах Союза.

В целом «шарашки» под контролем органов госбезопасности стали эффективным средством форсирования научно-технического прогресса и эксплуатации наряду с общей массой также квалифицированного труда заключенных³⁵.

Однако в целом такие методы управления привели к кризису в начале 1930-х гг., который охватил страну в 1932-1933 гг. и проявился, прежде всего, в обнищании населения, массовых волнениях и социальной напряженности, массовом голоде и увеличении смертности, провалах в индустриальных отраслях экономики и невозможности выполнения международных финансовых обязательств³⁶.

Таким образом, сталинская политика «большого скачка» имела ярко выраженный насильственный характер. Именно в данный период сформировалась по своей сути и постепенно внедрялась в аппарат и механизм советского государства тюремно-лагерная система, становясь, с одной стороны, инструментом решения политических, а, с другой — экономических задач.

1.2. Карательная политика советского государства в период массовых репрессий 1930-х годов

Идея «большого прорыва» — форсированной индустриализации экономики страны и коллективизации сельского хозяйства определила направленность репрессивной государственной политики советской власти в отношении населения в последующие годы. Одновременно решалась задача по территориальной экспансии, заселению, колонизации, освоению и развитию отдаленных, малонаселенных и экономически неразвитых районов СССР.

³⁵ Подробнее см., напр.: *Нуриев Р. Т.* Появление первых особых конструкторских бюро в пенитенциарной системе Советского Союза // Казанский Вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. № 2. С. 99–107.

³⁶ Подробнее см.: *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2010. URL: https://royallib.com/read/hlevnyuk_oleg/hozyain_stalin_i_utvergdnie_stalinskoy_diktaturi.html#0 (дата обращения: 11.11.2019).

Эффективным инструментом в достижении поставленных целей стал принудительный труд заключенных. Именно в 1930-е годы репрессии стали массовыми, поскольку уголовно-правовому воздействию подвергалось огромное количество населения. Основным видом наказания в этот период стало лишение свободы на срок от 3-х лет и выше с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях. При этом ключевое значение имело физическое здоровье осужденных, поскольку оно напрямую связывалось с выполнением ими трудовой повинности. Поэтому при явной непригодности осужденных для физического труда даже при осуждении на срок свыше 3-х лет они направлялись судом для отбытия наказания в общие места заключения (колонии, тюрьмы, трудовые поселения)³⁷.

Таким образом, законодательно было обеспечено основное назначение системы исправительно-трудовых лагерей — использование принудительного труда заключенных в качестве массовой дешевой рабочей силы для решения задач по подъему экономики страны.

Особыми полномочиями в отношении исправительно-трудовых лагерей наделялось ОГПУ, в ведении которого они находились. ОГПУ являлось административным органом, который, с одной стороны, осуществлял общее руководство системой исправительно-трудовых лагерей, а, с другой, своими особыми постановлениями обеспечивал внесудебные репрессии. Так, право вынесения особых постановлений о направлении граждан в исправительно-трудовые лагеря на срок не менее 3-х лет имела Судебная коллегия ОГПУ, что давало ОГПУ неограниченную власть в отношении осужденных.

Примечательно, что уголовно-исполнительная сфера имела две формы и два направления. С одной стороны, это были исправительно-трудовые лагеря системы ГУЛАГа ОГПУ, функционирование которых регламентировалось Положением об исправительно-трудовых лагерях 1930 г., а с другой — иные исправительно-трудовые учреждения, которые были подведомственны НКЮ РСФСР. Ключевым ак-

³⁷ См. об этом, напр.: Предложение комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче осужденных к лишению свободы на сроки 3 года и выше в лагеря ОГПУ и организации новых концлагерей (приложение № 3 к п. 11 протокола Политбюро № 86) // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сб. документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 2000. URL: <https://document.wikireading.ru/17922> (дата обращения: 11.11.2019).

том, определяющим исправительно-трудовую политику в этой сфере стал новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утвержденный Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г.³⁸ В качестве ключевой задачи уголовной политики на данный период кодекс определял защиту новой власти от посягательств со стороны деклассированных элементов и неустойчивых элементов из числа трудящихся (ст. 1). В этой связи цели исправительно-трудовой политики сводились к следующим: а) ставить осужденных в такие условия, которые будут препятствовать возможности совершения ими вредных действий; б) привлекать осужденных к принудительному общественно полезному труду (ст. 2).

На 1 января 1933 г. в исправительно-трудовых лагерях страны отбывали наказание 334300 заключенных, а спецпереселенцев насчитывалось 1142084 человека. В целом система ГУЛАГа к тому времени насчитывала 14 лагерей: Белбалтлаг, Свирлаг, Соловецкий, Сиблаг, Дальлаг, Карлаг, Сазлаг, Темлаг, Дмитровлаг, Бамлаг, Прорвлаг, Вишлаг, Севвостлаг, Ухтижемлаг.³⁹

При этом, на фоне беспощадной эксплуатации и тяжелых бытовых условий в лагерях ГУЛАГа отмечалась высокая смертность, которая ежегодно нарастала. Так, например, в 1933 году умерло 67297 заключенных (в 5,1 раза больше, чем в 1932 г.), в том числе по отдельным лагерям: Белбалтлаг — 8870 человек, Соловецком — 3482 человека, Свирлаге — 6623 человека, Сиблаге — 7736 человек, Дальлаге — 4095 человек, Карлаге — 3454 человека, Сазлаге — 4766 человек, Темлаге — 4578 человек, Бамлаге — 4768 человек, Дмитровлаге — 8873 человека и в других лагерях — 10052 человека. В целом средний уровень смертности в лагерях составил 15,7% с колебаниями от 10% в Белбалтлаге до 34,6% в Вишлаге и 27% в Сазлаге. Выше среднего уровня смертность заключенных была в Карлаге (18,7%), Соловецком (18,1%), Дмитровлаге (17,2%), Сиблаге (16,1%) Свирлаге (15,8%). Спецпереселенцев в том же году умерло 151601 человек.⁴⁰

В этих условиях НКВД вынуждено было пополнять число заключенных лагерей. Так, в том же 1933 году за контрреволюционные и другие особо опасные государственные преступления было осуждено 239664 человека, в том числе к высшей мере наказания — 2154 человек,

³⁸ СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

³⁹ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

⁴⁰ Там же.

к лишению свободы — 138903 человек, к ссылке и высылке — 54262 человек, к иным мерам наказания — 44345 человек⁴¹.

На 1 января 1934 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа находилось уже 510307 заключенных, из них в Белбалтлаге — 70375, в Бамлаге — 62130, в Дальлаге — 47767, в Сиблаге — 45422, в Севвостлаге — 29659, в Темлаге — 25541, в Карлаге — 24148, в Ухтижемлаге — 23840, в Сазлаге — 22170, в других лагерях — 159255 человек. По видам преступлений состав заключенных лагерей был следующим: контрреволюционные преступления — 135190 человек; бандитизм и разбой — 20038 человек; спекуляция — 6655 человек; расхищение социалистической собственности — 93284 человека; должностные и хозяйственные преступления — 38296 человек; преступления против личности — 24124 человека; имущественные преступления — 81372 человека; социально вредные и опасные преступления — 40629 человек; воинские преступления — 3037 человек; иные преступления — 67682 человека. Спецпереселенцев значилось 1072546 человек⁴².

Согласно архивным данным на начало 1935 года хозяйственная специализация исправительно-трудовых лагерей выглядела следующим образом: Дмитровлаг — строительство канала Москва-Волга; Бамлаг — строительство вторых путей Забайкальской и Уссурийской железных дорог и Байкало-Амурской магистрали; Беломоро-Балтийский комбинат — обустройство Беломоро-Балтийского канала; Сиблаг — строительство Горно-Шорской железной дороги, добыча угля на шахтах Кузбасса, строительство Чуйского и Усинского трактов, работа на Кузнецком металлургическом комбинате и Новосибирском лесоперерабатывающем комбинате, содержание собственных свиновхозов; Дальлаг — строительство железной дороги «Волочаевка-Комсомольск», добыча угля на рудниках «Артем» и «Райчиха», строительство Седанского водопровода и нефтехранилищ «Бензостроя», строительные работы на «Дальпромстрое», рыбный промысел; Свирлаг — заготовка дров и делового леса для Ленинграда; Севвостлаг — трест «Дальстрой», работы на Колыме; Темлаг — заготовка дров и делового леса для Москвы; Сазлаг — работы на «Текстильстрое», «Чирчикстрое», «Шахрудстрое», «Хазарбахстрое», «Чуйском новлубтресте», совхозе «Пахта-Арал», собственные хлопковые совхозы; Карлаг — животноводческие совхозы; Ухтпечлаг —

⁴¹ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

⁴² Там же.

работа на «Ухто-Печерском тресте», добыча угля, нефти, асфальта, радия; Прорвлаг — рыбная промышленность; Саровский лагерь — лесозаготовки и лесопиление; Вайгач — добыча цинка, свинца, платинового шпата; Охунлаг — дорожное строительство⁴³.

Дуализм в организации и управлении уголовно-исполнительной системой продолжался недолго. Был принят курс на централизацию и организационное упрощение системы. 10 июля 1934 г. Постановлением ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел»⁴⁴ был создан общесоюзный орган — НКВД СССР, который объединил в себе целый ряд функций и направлений деятельности. В состав НКВД СССР вошло также и ОГПУ, став Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ). В ведение данного органа были переданы все исправительно-трудовые учреждения, а в его составе было выделено специальное подразделение — Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений, устоявшаяся аббревиатура которого — ГУЛАГ — при этом не изменилась⁴⁵.

Помимо этого при наркоме внутренних дел предусматривалось создание такого административного органа внесудебной репрессии как Особое совещание (ОСО). Во исполнение данного предписания 5 ноября 1934 г. ЦИК и СНК СССР Постановлением «Об Особом совещании при НКВД СССР»⁴⁶ утвердили соответствующее Положение, создав данный орган. Особое совещание получило право рассматривать дела во внесудебном порядке и применять к общественно-опасным лицам наказания в виде высылки, ссылки, заключения в ИТЛ на срок до 5 лет, а также высылки за пределы СССР.

Таким образом, управление всей уголовно-исполнительной системой было сконцентрировано в руках НКВД СССР, а ключевым ее элементом стал ГУЛАГ.

Одновременно было введено новое штатное расписание ГУЛАГа. Центральный аппарат Главка теперь включал начальника, двух

⁴³ Пыхалов И. В. Каковы масштабы «сталинских репрессий»? URL: <https://ss69100.livejournal.com/2400901.html> (дата обращения: 09.09.2019).

⁴⁴ СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283.

⁴⁵ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР № 110/2467 от 27.10.1934 г. «О передаче исправительно-трудовых учреждений народных комиссариатов юстиции союзных республик в ведение Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 56. Ст. 421.

⁴⁶ СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 84.

заместителей и трех помощников, а в структура входили секретариат, радиостанция, коммутатор, восемь отделений (кадров, учетно-распределительное, охраны, культурно-воспитательное, снабжения, трудовых поселений, санитарное, контрольно-инспекторское), производственно-строительный отдел и отдел мест заключения. Расширение производственно-хозяйственной сферы использования рабочей силы заключенных ГУЛАГа привело к тому, что уже в 1935 году производственно-строительный отдел был реорганизован в восемь секторов по отраслям промышленности (гидротехнического строительства, дорожного строительства, горный, лесной, гражданского строительства, промышленных предприятий, подрядных работ, сельского хозяйства), общая штатная численность данных подразделений стала составлять 102 единицы, а в целом в Главке было предусмотрено 527 штатных должностей⁴⁷.

23 октября 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР № 23/2406 «О передаче Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта в Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР»⁴⁸ ведомство ЦУДОТРАНС также было передано в ведение НКВД СССР.

На 1 января 1936 г. в СССР в местах лишения свободы находились 1296494 заключенных, в том числе в лагерях — 839406 человек, в колониях и тюрьмах — 457088 человек. Помимо этого в спецпоселениях находились еще 1017133 человека⁴⁹.

1937-1938 гг. ознаменовались пиком политических репрессий. В этот период состоялась целая серия репрессивных кампаний, которые получили общее название «большой террор». Для этого опять же имелись две основные группы причин. Первая группа — политические причины. Прежде всего, обострилась внешнеполитическая ситуация: в Испании в ходе войны терпели поражение коммунисты, усиливала свое влияние нацистская Германия, было осознание и ощущение близости новой большой мировой войны. На этом фоне внутри страны развернулась шпиономания, поиск, разоблачение и нейтрализация потенциальных внутренних врагов. Вторая группа — экономические причины. На пороге новой мировой войны СССР должен был укрепить экономику в целом и отдельные сферы про-

⁴⁷ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 105—106.

⁴⁸ СЗ СССР. 1935. № 56. Ст. 452.

⁴⁹ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

мышленности и народного хозяйства, а для этого требовалось много дешевой рабочей силы.

В период с 23 февраля по 5 марта 1937 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором для НКВД СССР была четко сформулирована задача на уничтожение «врагов народа», которые представляли угрозу для партии и для страны. Уже непосредственно в ходе Пленума и сразу после его окончания начались массовые аресты. По итогам Пленума был принят ряд постановлений, направленных на реализацию поставленных задач и, прежде всего, на ужесточение репрессий.

23 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «Вопрос НКВД» (протокол № 49)⁵⁰, которым предписывалось высылка из Москвы, Ленинграда и Киева всех бывших членов партии, уличенных в принадлежности к антисоветским формированиям, в отдаленные непромышленные районы СССР и прикреплении их к определенным пунктам (п. 1). Та же участь ожидала и семьи лиц, обвиненных в участии в антисоветских, террористических и шпионских организациях и приговоренных к высшей мере наказания или к лишению свободы на срок от 5 лет и выше (п. 4). При этом ставилась задача обеспечивать всех трудоспособных из числа высланных работой (п. 5).

2 июля 1937 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антисоветских элементах» (протокол № 51)⁵¹, в котором по линии НКВД давалось указание взять на учет всех возвратившихся после отбытия наказания кулаков и уголовников, при этом наиболее враждебно настроенных арестовать и расстрелять в порядке оперативного административного проведения их дел через «тройки», а менее активных выслать в отдаленные районы. В 5-дневный срок ЦК ожидал от исполнителей предлагаемые составы «троек», а также количество лиц, подлежащих расстрелу и высылке. Таким образом, административные (внесудебные) комиссии (тройки) при органах НКВД получили чрезвычайные репрессивные полномочия, имея возможность оперативно принимать решения и выполнять приказы вышестоящего начальства. В состав тройки входили по одному представителю от органа НКВД, отделения ВКП(б) и органа прокуратуры.

⁵⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. М. : МФД, 2004. С. 189–190.

⁵¹ Там же. С. 234–235.

30 июля 1937 г. был издан Приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»⁵², которым определялись сроки, задачи и порядок проведения операции по массовым репрессиям «врагов народа», утверждались составы «троек». Начало активной фазы операции было назначено на 5 августа 1937 г. и в целом на ее проведение отводилось 4 месяца.

Репрессии подлежали следующие категории населения, представлявшие угрозу и потенциальную опасность для советской власти: а) бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания; б) бывшие кулаки, бежавшие из лагерей и трудпоселков; в) кулаки, скрывшиеся от раскулачивания; г) бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест лишения свободы; д) члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, итихадисты, дашнаки), бывшие «белые», жандармы, чиновники, каратели периода царизма и гражданской войны, бандиты, бандпособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения; е) наиболее враждебные и активные участники казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований (в том числе находящиеся под стражей и следствием, но чьи дела еще не рассмотрены судом); ж) наиболее активные антисоветские элементы из числа бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, содержащихся в лагерях, тюрьмах, колониях и трудовых поселках; з) уголовники (бандиты, грабители, воры-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой (в том числе находящиеся под стражей и следствием, но чьи дела еще не рассмотрены судом); и) уголовные элементы, находящиеся в лагерях и трудпоселках и ведущие там преступную деятельность. Таким образом, репрессии подлежали все перечисленные категории населения, где бы они не находились и чем бы не были заняты: в местах заключения, под стражей, в колхозах, совхозах, сельско-

⁵² Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая» операция в Украинской ССР 1937-1940 гг. Т. 1: 1937 г. М.: РОССПЭН, 2010. С. 99–115.

хозяйственных и промышленных мероприятиях, в торговле, на транспорте, в строительстве, в государственных учреждениях.

При этом все перечисленные категории подлежащих репрессии в зависимости от степени их враждебности и опасности, а также мер воздействия на них были дифференцированы на две категории: 1) наиболее враждебно настроенные элементы, подлежащие немедленному аресту, рассмотрению их дел в «тройках» и расстрелу; 2) все остальные элементы (враждебные, но менее активные), подлежащие аресту, рассмотрению их дел в «тройках» и либо заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, либо в тюрьмы на тот же срок. Распределение и перераспределение репрессированных по категориям отдавалось на усмотрение органов НКВД.

При этом в приказе указывалось планируемое количество человек, подлежащих репрессии. Данные цифры были разбиты по республикам, краям, областям, отдельной строкой были прописаны лагеря ГУЛАГа НКВД. Всего планировалось репрессировать 268950 человек, однако оговаривалось, что данные цифры являются ориентировочными и самовольно превышать их органам НКВД запрещалось. Однако уже в том же 1937 году были продлены сроки операции и увеличены в два раза лимиты числа репрессированных, поскольку многие руководители органов НКВД докладывали о выполнении плановых цифр и просили об их увеличении⁵³.

Так, 8 сентября 1937 г. руководитель НКВД СССР Н. И. Ежов в Спецсообщении № 59750 о первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов доложил Сталину о том, что на 1 сентября 1937 г. всего арестовано 146225 человек, из них 69172 бывших кулака, 41603 уголовника, 35454 контрреволюционных элемента. По итогам работы «троек» 31530 человек осуждены к расстрелу, 13669 человек — к заключению в лагеря и тюрьмы. При этом отмечалось, что работа еще далеко не закончена, вскрыто еще значительное количество разного рода вражеских групп, организаций и формирований (всего 2677), которые ликвидируются, а их участники репрессируются⁵⁴.

Параллельно подвергались репрессиям и семьи «врагов народа».

⁵³ Подробнее см., напр.: Политические репрессии в СССР 1937-1938 годов: причины, масштабы, последствия. URL: <http://memorial.krsk.ru/Public/00/20>

⁵⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 337–343.

Так, 5 июля 1937 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопрос НКВД» (протокол № 51)⁵⁵, которым было одобрено предложение НКВД СССР о заключении в лагеря жен осужденных «врагов народа», было решено организовать для этих целей специальные лагеря. В этом же документе была определена судьба детей осужденных «врагов народа»: не достигших 15 лет надлежало помещать в детские дома и закрытые интернаты, расположенные в удаленных от столиц, портов и границы районах, а относительно достигших 15 лет решать вопрос индивидуально. Во исполнение данного постановления уже 15 августа 1937 г. был издан Оперативный Приказ НКВД СССР № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины»⁵⁶, в соответствии с которым жены осужденных изменников родины подлежали заключению в исправительно-трудовые лагеря на срок не менее 5 лет, а дети в зависимости от возраста и степени опасности подлежали либо помещению в детские дома особого режима, находящиеся в ведении Наркомпроса (в возрасте до 15 лет), либо заключению в исправительно-трудовые лагеря или исправительно-трудовые колонии (достигшие 15 лет).

По некоторым данным исследователей, только за следующие 5 месяцев было репрессировано порядка 43 тыс. жен и детей осужденных «врагов народа»⁵⁷.

В период «большого террора» имел место также целый ряд репрессивных операций по, так называемым, «национальным линиям».

Так, 25 июля 1937 г. Оперативным приказом НКВД СССР № 00439 «Об операции по репрессированию германских подданных, подозреваемых в шпионаже против СССР»⁵⁸ было дано указание в 5-дневный срок провести операцию по выявлению и аресту германских подданных. По германским эмигрантам, получившим советское гражданство надлежало представить подробные отчеты с изложением компрометирующих материалов и фактов для принятия решения

⁵⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 238–239.

⁵⁶ ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сб. документов.

⁵⁷ Политические репрессии в СССР 1937-1938 годов: причины, масштабы, последствия.

⁵⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. С. 267–268.

об их аресте. В дальнейшем окончательные решения по данным арестным материалам рассматривались Военной коллегией Верховного Суда или Особым совещанием НКВД. Всего, по данным исследователей, в рамках данной кампании в августе — сентябре 1937 г. было осуждено 55005 человек, из них 41898 были приговорены к расстрелу⁵⁹.

11 августа 1937 г. по Оперативному Приказу НКВД СССР № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ»⁶⁰ началась еще одна национальная кампания по репрессированию польских шпионов и диверсантов. Более того, предписывалось не освобождать из тюрем и лагерей осужденных польского происхождения, срок заключения которых истекал. Материалы по ним должны были передаваться на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР. В рамках данной операции в течение 1937-1938 гг. было осуждено 139815 человек, из них 111071 были приговорены к расстрелу⁶¹.

17 августа 1937 г. НКВД СССР был издан Оперативный Приказ о проведении «румынской операции», по которому репрессированию подлежали эмигранты и перебежчики из Румынии в Молдавию и Украину. В рамках данной операции было осуждено 8292 человека, в том числе 5439 человек были расстреляны⁶².

21 августа 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П51/734 было утверждено Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1647/377 с «О выселении корейского населения с территории пограничных районов Дальневосточного края»⁶³. Началась кампания по тотальному поголовному выселению корейцев с Дальнего Востока: было выселено 124 эшелона с корейцами в составе 36442 семей в количестве 171781 человек.

⁵⁹ По данным информационного портала <http://www.timenote.info/ru> (дата обращения: 14.01.2018).

⁶⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 301—303.

⁶¹ По данным информационного портала «Бессмертный барак». Официальный сайт. URL: http://www.bessmertnybarak.ru/article/operativnyy_prikaz_00485/ (дата обращения: 08.08.2018).

⁶² См.: *Игнатов В. Д.* Палачи и казни в истории России и СССР: Историческое расследование. М. : Вече, 2013. С. 93.

⁶³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. / под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1. С. 240—241.

Циркуляром НКВД СССР от 22 августа 1937 г. «Об иностранцах, живущих в СССР»⁶⁴ констатировалось как установленный факт, что «подавляющее большинство иностранцев, живущих в СССР, является организующим звеном шпионажа и диверсий». В связи с этим документом предписывалось отказывать иностранным гражданам в продлении вида на жительство и выдавать выездные визы, при этом порядок ареста и привлечения к уголовной ответственности иностранцев оставался прежним.

20 сентября 1937 г. Оперативным Приказом НКВД СССР № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го»⁶⁵ было объявлено о начале операции по репрессированию, так называемых, «харбинцев», которых насчитывалось по оперативным данным НКВД порядка 25000 человек. В отношении их семей было предписано руководствоваться Приказом № 00486 от 15 августа 1937 г. Завершить данную кампанию надлежало до 25 декабря 1937 г. Всего в рамках этой операции было осуждено 29981 человек, из них были приговорены к расстрелу 19312 человека⁶⁶.

30 ноября 1937 г. по согласованию с ЦК ВКП(б) была разослана шифротелеграмма (Меморандум) наркомвнутдела Н. И. Ежова № 49990, в которой предписывалось приступить к операции по аресту всех латышей, подозреваемых в антисоветской деятельности. Исходя из данных оперативного учета, таких насчитывалось 5000 человек. Однако в ходе «латышской операции» по имеющимся данным было осуждено 21300 человек, из которых 16575 человек были приговорены к расстрелу⁶⁷.

11 декабря 1937 г. аналогичная телеграмма (Директива) наркомвнутдела Н. И. Ежова № 50215 с приказом о начале «греческой операции»⁶⁸, суть которой сводилась к оперативному аресту всех

⁶⁴ Портал «Исторические материалы». Официальный сайт. URL: <http://www.istmat.info/node/60003> (дата обращения: 22.11.2019).

⁶⁵ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. М. : РОССПЭН, 2004. С. 281—283.

⁶⁶ См.: *Игнатов В. Д.* Палачи и казни в истории России и СССР: Историческое расследование. М. : Вече, 2013. С. 93.

⁶⁷ По данным информационного портала. URL: <http://www.timenote.info/ru> (дата обращения: 14.01.2018).

⁶⁸ По данным информационного портала «Бессмертный барак».

греков (греческих поданных и принявших гражданство СССР). Предписывалось начать операцию 15 декабря и руководствоваться при ее проведении приказом НКВД № 00485. В итоге данной операции были осуждены 12557 человек, из которых 10545 человек приговорены к высшей мере наказания⁶⁹.

14 декабря 1937 г. органы НКВД СССР получили Директиву о распространении репрессий по «латышской линии» также на эстонцев, финнов, литовцев и болгар. В итоге по «эстонской линии» было осуждено 9735 человек (7998 человек приговорены к расстрелу), а по «финской линии» — 11066 и 9078 человек соответственно⁷⁰.

29 января 1938 г. органам НКВД СССР была разослана Директива № 202 о начале «иранской операции», в которой предписывалось с 5 февраля одновременно во всех союзных республиках начать аресты всех подозреваемых в шпионской, вредительской, диверсионной, повстанческой, националистической и другой антисоветской деятельности иранцев и иранских армян как советского, так и иностранного подданства. Отмечалось, что по оперативным данным таких лиц насчитывается порядка 2,5 тыс. человек. Однако в рамках данной операции было осуждено 13297 человек, из которых 5994 человека были признаны шпионами, а 2046 человек — приговорены к расстрелу⁷¹.

31 января 1938 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности»⁷² карательные операции в отношении всех перечисленных национальностей были продлены до 15 апреля 1938 г. в порядке, установленном ранее принятыми приказами НКВД СССР. Соответственно, данные дела по-прежнему надлежало рассматривать в упрощенном внесудебном порядке. Кроме того, органам НКВД предписывалось провести аналогичную операцию в отношении болгар и македонцев. И уже 1 февраля 1938 г. органам НКВД на места

⁶⁹ По данным информационного портала <http://www.timenote.info/ru> (дата обращения: 14.01.2018).

⁷⁰ См.: Игнатов В.Д. Палачи и казни в истории России и СССР: Историческое расследование.- М.: «Вече», 2013. С. 93.

⁷¹ По данным Информационного портала «Международная энциклопедия людей, мест и событий». URL: <https://timenote.info/ru/events/Direktiva-NKVD-ob-iranskoj-operacii> (дата обращения: 19.09.2019).

⁷² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 468—469.

была разослана соответствующая Директива, 16 февраля — Директива о проведении «афганской операции». В итоге по этим операциям было осуждено 14455 человек, из которых 2412 человек — приговорены к расстрелу⁷³.

Одновременно 31 января 1938 г. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР № 00447 от 30.07.1937 г.»⁷⁴ было утверждено дополнительное количество бывших кулаков, уголовников и активного антисоветского элемента подлежащих репрессированию. По первой категории устанавливалась цифра в 57200 человек, по второй категории — 9200 человек. Сама операция продлилась до 1 апреля 1938 г., одновременно продлилась работа «троек» для внесудебного рассмотрения дел. Работа по выполнению данных предписаний была фактически закончена уже к марту 1938 г.

Самостоятельным направлением было репрессирование заключенных тюрем и лагерей. Изначально суть этой работы была разъяснена органам НКВД в директиве от 5 августа 1937 г. № 409. Данным документом предусматривалось распространение приказа № 00447 на исправительно-трудовые лагеря и тюрьмы. На начальном этапе планировалось, что операция продлится два месяца и коснется в общей сложности 10000 заключенных. Однако первоначальные сроки и лимиты также пересматривались, в итоге было расстреляно более 30000 человек⁷⁵.

1 февраля 1938 г. Постановлением ЦК ВКП(б) «Вопросы НКВД по Дальнему Востоку»⁷⁶ была инициирована операция по очистке Дальне-Восточных лагерей, что объяснялось также комплексом политических и экономических причин. С одной стороны, Дальний Восток был важной стратегической, а потому уязвимой, приграничной территорией, а с другой, — исправительно-трудовые лагеря занимали значительное место в социальной и хозяйственной структуре данного края. В связи с этим к репрессированию было намечено 12000 заключенных, осужденных за шпионаж, террор, диверсию, измену Родине, повстанчество и бандитизм, а также отдельные катего-

⁷³ См.: *Игнатов В. Д.* Палачи и казни в истории России и СССР: Историческое расследование. М. : Вече, 2013. С. 93.

⁷⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938-1939. М. : РОССПЭН, 2006. С. 34—35.

⁷⁵ Там же. С. 35.

рии уголовников-профессионалов. Впредь же заключенных таких категорий предписывалось не направлять в Дальне-Восточные лагеря. Всех надлежало репрессировать по первой категории, то есть расстрелять. На проведение операции отводилось два месяца. В частности, в рамках данной операции только в Бамлаге было расстреляно 937 заключенных и 24 медицинских работника, еще 349 заключенных — в Амурлаге и 2400 — в Севвостлаге. Позднее сроки и лимиты этой операции также пересматривались в сторону увеличения. В частности, на Колыме был установлен дополнительный лимит еще на 10000 заключенных, из которых к ноябрю 1938 г. было казнено 5801 человек⁷⁷.

Таким образом, в условиях международной напряженности и угрозы мировой войны реализовывалась государственная политика партии и правительства по национальному регулированию национального состава и численности населения. Массовые карательные репрессивные операции национального характера проводились в активной фазе до ноября 1938 г. В общей сложности в период с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. в рамках всех национальных операций было осуждено 335157 человек, из них 247157 человек приговорены к расстрелу⁷⁸. Кроме того, были проведены массовые высылки «неблагонадежного элемента» иностранного происхождения из приграничных районов.

Постоянный приток осужденных, а также необходимость решения новых экономических задач в промышленности и строительстве требовали расширения системы ГУЛАГа. Так, 16 августа 1937 г. по секретному Приказу НКВД СССР № 078 «Об организации лесозаготовительных лагерей»⁷⁹ были созданы семь новых исправительно-трудовых лагерей: Ивдельский, Каргопольский, Кулойский, Локчимский, Тайшетский, Томско-Асинский и Усть-Вымский, куда долж-

⁷⁶ Там же. С. 35.

⁷⁷ *Чернолуцкая Е. Н.* Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию антисоветских элементов». Дальний Восток. 1937-1938 гг. // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 55—65.

⁷⁸ См.: *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937-1938 гг. URL: <http://www.old.memo.ru/history/polacy/filipp1.htm> (дата обращения: 10.05.2019).

⁷⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М. : РОССПЭН, 2004. С. 131—132.

ны были направляться, прежде всего, заключенные, осужденные к лишению свободы в рамках репрессивных операций. Начальнику ГУЛАГа предписывалось к 1 октября подготовиться к приему в каждый лагерь по 5 тыс. заключенных. 22 сентября 1937 г. Распоряжением Наркомвнутдела СССР № 791 «тройкам» запрещалось приговаривать репрессированных к тюремному заключению и надлежало направлять их исключительно в лагеря. При этом предписывалось в данном свете пересмотреть уже вынесенные на момент принятия данного документа приговоры. Таким образом, предполагалось усилить репрессивное воздействие на осужденных, разгрузить тюрьмы, заполнить лагеря и шире и эффективнее использовать массовый и дешевый труд заключенных. В декабре 1937 г. СНК СССР принял решение о строительстве вторых железнодорожных путей Байкало-Амурской магистрали протяженностью 5 тыс. км. В зоне строительства дороги были созданы еще шесть новых лагерей. Огромный объем предстоящих работ и планирование использования массового труда заключенных лагерей потребовали создания специализированного железнодорожного строительного управления в составе ГУЛАГа НКВД СССР⁸⁰.

В целом, на данный период, по оценкам специалистов, заключенные выполняли около 40% от всего объема строительных работ в стране. Так, например, 14 июля 1937 г. состоялось открытие канала Москва-Волга протяженностью 128 километров, который был возведен силами заключенных Дмитровлага.

Также активно использовался труд спецпоселенцев, причем не только в строительстве и промышленности, но и в сельском хозяйстве. В частности, в 1937 году трудпоселенцы посеяли яровые культуры на площади 377352 га, озимых — 83248 га, вспахали 308939 га. На обслуживании сельхозартелей трудпоселенцев были задействованы 24 машинно-тракторные станции и 21 машинно-тракторная мастерская, в распоряжении которых имелось значительное число единиц техники: порядка 1000 тракторов, 100 комбайнов и 200 машин. Валовой сбор урожая спецпоселенцами за 1937 год составил: зерна — 294859,3 тонн, хлопка — 14119,4 тонн, масленичных и технических культур — 4161,3 тонн, риса — 496 тонн, картофеля — 167800,5 тонн, овощей — 38274,1 тонн, грубых кормов — 229583,3 тонн. При этом у

⁸⁰ Подробнее см.: *Панков С. А.* Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 / отв. ред. В. А. Исупов ; Сиб. отд. РАН. Новосибирск, 1997. С. 26 и далее.

трудоселенцев было 56326 голов рабочего скота, 196338 — крупного рогатого скота, свиней — 6 303, овец и коз — 224036, птицы — 194675 голов.

По итогам проделанной работы 1-м спецотделом НКВД СССР была подготовлена «Справка о количестве осужденных за время с 1 октября 1937 г. по 1 ноября 1938 г.»⁸¹, в основу данного документа была положена «Справка НКВД СССР о количестве осужденных за время с 1 октября 1936 г. по 1 июля 1938 г.», а также первичные донесения, текущие статистические сводки и отчеты.

Всего было арестовано 1565041 человек (помимо этого, привлечено к ответственности без ареста 17297 человек), из них в порядке приказа НКВД № 00447 — 702656 человек, в порядке приказов НКВД №№ 00485, 00593 и др. — 365805 человек. Осуждено было всего 1336863 человека, в том числе к смертной казни приговорено 668305 человек, к смертной казни с заменой лишением свободы — 634 человека, к лишению свободы с различными сроками — 632510 человек, к высылке за пределы СССР — 9529 человек, к иным наказаниям (ссылка, высылка, принудительные работы, условное осуждение и др.) — 20437 человек, освобождены — 12903 человека.

Позднее, 11 декабря 1953 г., 1-м спецотделом МВД СССР также была подготовлена «Справка о количестве осужденных по делам органов НКВД СССР за 1937-1938 гг.»⁸², где также приводились несколько уточненные данные по итогам проделанной органами НКВД СССР работы. В данном документе приводилось число арестованных по категориям преступлений: за контрреволюционные преступления — 1372382 человека, в том числе за антисоветскую агитацию — 291667 человек; за прочие преступления — 202877 человек. При этом отмечалось, что уголовные элементы составляли 30% от общего числа осужденных за данный период. В зависимости от порядка рассмотрения и субъектов правоприменения результаты работы распределялись следующим образом:

— в судебном порядке — 134751 (Военная коллегия Верховного Суда СССР, трибуналы, суды);

⁸¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937-1939. Кн. 1, 2. 1938-1939. М.: РОС-СПЭН, 2006.

⁸² Портал «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/17751> (дата обращения: 07.08.2019).

— во внесудебном порядке — 1210172 (из них: спецкомиссия — 45060; особое совещание — 63679; «тройки» НКВД — 1101433).

Помимо этого активно работали также «милицейские тройки», созданные в соответствии с приказом НКВД СССР от 27 мая 1935 г. № 00192 при управлениях рабоче-крестьянской милиции для внесудебного рассмотрения дел злостных нарушителей паспортного режима, уголовных и деклассированных элементов. «Милицейские тройки» в 1937-1938 гг. осудили к лишению свободы на срок до 5 лет порядка 450000 человек⁸³.

При этом следует заметить, что исследователи указывают на большую долю вероятности того, что статистические данные этих справок в соотношении с иными источниками меньше реальных на 8,5%⁸⁴.

Кроме того, в итоге репрессий практически полностью обновился партийный аппараты ВКП(б) и самого НКВД, в которых практически не осталось «старой гвардии» — людей с дореволюционным стажем. Также был обновлен руководящий состав РККА в связи с тем, что были репрессированы порядка 40000 офицеров и более 500 командиров в звании от комбрига до маршала, из них 29 скончались под стражей, а 412 были расстреляны⁸⁵.

Помимо этого в данный период весьма существенной была, так называемая, естественная убыль тюремно-лагерного населения по причине нещадной эксплуатации и нечеловеческих условий содержания. Так, если в 1937 г. в местах заключения умерло 33499 человек, что составило 2,18% от общего числа заключенных, из них в исправительно-трудовых лагерях — 25376 человек (2,79%), в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах — 8123 человек (1,29%), то в 1938 г. количество умерших было уже практически в три раза больше: всего умерло 125774 человека (6,45%), из них в лагерях — 90546 (7,83%), в колониях и тюрьмах — 35228 (5,67%)⁸⁶. Вместе с тем, данная убыль компенсировалась поступлением новых этапов заключенных, в связи с чем общая численность заключенных, преж-

⁸³ *Игнатов В. Д.* Палачи и казни в истории России и СССР... С. 93.

⁸⁴ *Виноградова В. К.* в кн. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2. 1938-1939.

⁸⁵ *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937-1938. М.: Терра, 1998. С. 317.

⁸⁶ *Пыхалов И. В.* О масштабах «сталинских репрессий». URL: <https://fishki.net/2068937-masshtaby-stalinskih-repressij-tochnye-cifry.html> (дата обращения: 09.09.2019).

де всего, в лагерях (как и само количество лагерей и их филиалов) стабильно увеличивалась. Помимо этого, в трудпоселениях в 1937 г. умер 15961, а в 1938 г. — 16691 человек.

В целом, на 1 января 1938 г. по официальным данным в СССР всего насчитывалось 1881570 заключенных, в том числе в колониях и тюрьмах содержалось 885203 человек, в лагерях — 996367 человек. По лагерям заключенные распределялись следующим образом: Бамлаг — 200907, Дальлаг — 100875, Севвостлаг — 90741, Белбалтлаг — 79882, Сиблаг — 78838, Волголаг — 73100, Ухтижемлаг — 54792, Сазлаг — 33936, Карлаг — 31548, Темлаг — 17921, Норильсклаг — 7927, другие лагеря — 225900 человек. Всего в составе ГУЛАГА НКВД СССР функционировало 42 исправительно-трудовых лагеря. Состав заключенных лагерей по видам преступлений был следующим: контрреволюционные преступления — 185324, бандитизм и разбои — 24909, нарушение закона о паспортизации — 22916, расхищения социалистической собственности — 33876, должностные и хозяйственные преступления — 79710, преступления против личности — 60778, имущественные преступления — 178349, воинские преступления — 5978, иные преступления — 244112, социально вредные и социально опасные элементы (за опасное состояние) — 160415 человек. Мужчин среди заключенных лагерей насчитывалось 927618 (93,1%), женщин — 68749 (6,9%)⁸⁷.

На ту же дату из 877651 трудпоселенца, проживавших в 1741 трудпоселке, в народном хозяйстве было занято 353912 человек, из них в золотодобывающей промышленности — 16818, в угольной — 37360, в металлургической, химической, рудной и вагоностроительной — 88133, в лесной и других отраслях промышленности — 63296 человек. В целях освоения поселенцами востребованных рабочих профессий в трудпоселениях функционировало 230 школ профтехобразования и 12 техникумов⁸⁸.

В целом кампания большого террора и репрессий привела к увеличению заключенных и населения спецпоселений, к переполнению мест заключения и трудпоселений. Физическое состояние заключенных ухудшалось в связи с недостатком питания, тяжестью работ, суровостью климата, неблагоприятными бытовыми условиями. Порядка 9% заключенных были нетрудоспособными из-за немо-

⁸⁷ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

⁸⁸ Там же.

щи, травм, болезней и инвалидности. Как следствие, имели место стабильно высокие показатели смертности осужденных.

Так, по опубликованным воспоминаниям одного из заключенных А. Шалганова⁸⁹, находившегося с января по май 1938 г. в Мариинском распределительном пункте Сиблага, можно оценить типичные условия содержания заключенных. Распределительный пункт «состоял из одного здания, в котором могло поместиться от силы человек 250-300. Сейчас в нем, как говорили, находилось около 17 тысяч. Для того, чтобы хоть как то разместить заключенных, вырыли несколько землянок с печками, наскоро изготовленными из ржавых бидонов, да поставили с десяток “палаток”: ледяные, кое-как обшитые тесом стены, покрытые сверху брезентом. В землянке... творилось что то жуткое. Люди валялись на нарах, под нарами, в проходах — впритык. Шагу нельзя было сделать, чтобы не наступить кому-нибудь на руку. Вонь стояла страшная. Люди боялись выйти на улицу, потому что их место тотчас занимал другой (а на дворе трещал мороз градусов под сорок). Вповалку лежали туркмены, азербайджанцы, татары, мордва и... москвичи и ленинградцы... Халаты туркменов, ветхая одежда заключенных, как маком, были обсыпаны вошью. Ни мисок, ни ложек не было и в помине. К четырем котлам, в которых варили суп из мерзлой картошки, по-здешнему называемый баландой, выстраивалась очередь: заключенные подставляли кепки, треухи, а то и просто калоши и хлебали прямо из них... В феврале в лагере начался мор. Картошка кончалась, а воду не подвозили совсем. Мучаясь жаждой, люди горстями собирали покрытый кровавыми пятнами снег и отправляли в рот. Ослабшие не могли добраться до отхожего места и садились тут же, около землянок. Дизентерия свирепствовала повсюду. Сначала умирало по 18-20 человек в день. Потом по 50-70. Я делал гробы: на два, на восемь человек. Потом кончился лес. Мы соорудили сарай и складывали там трупы; гора росла и росла и вскоре на два метра возвышалась над землей... С января по май в Мариинском распределительном пункте погибло около десяти тысяч человек...»⁹⁰

К концу 1938 года стало очевидно, что политика массовых репрессий исчерпала свои социальные, демографические, идеологи-

⁸⁹ См.: Реабилитирован посмертно. Серия «Возвращение к правде». Вып. 2. М. : Юрид. лит., 1988. 368 с.

⁹⁰ Приводится по кн.: *Панков С. А.* Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. С. 30.

ческие и экономические ресурсы. В связи с этим наметилось торможение, а затем и окончание «большого террора». 17 ноября 1938 г. СНК и ЦК ВКП(б) приняли Постановление № 81/П4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия»⁹¹, а 26 ноября 1938 г. в его развитие был принят Приказ НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 г.»⁹². В данных документах, прежде всего, была оценена значимость проделанной работы по очистке страны от всякого рода врагов народа. Вместе с тем было указано на крупнейшие недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры, грубые нарушения законности. При этом указывалось, что это стало следствием того, что в органы также проникли враги народа. Предписывалось отказаться от массовых арестов и выселений, все «тройки» ликвидировались. Аресты теперь следовало проводить строго в индивидуальном и дифференцированном порядке и только с санкции прокуратуры, за все нарушения работники органов НКВД и прокуратуры должны были нести личную ответственность. С этого момента сотрудники органов НКВД и прокуратуры сами стали объектом репрессий. Возглавивший НКВД Л. П. Берия начал чистку вверенного ему ведомства.

Параллельно совершенствовалась структура и организация работы уголовно-исполнительной системы в целом и непосредственно ГУЛАГа.

Наряду с системой исправительно-трудовых лагерей и колоний в самостоятельную организационно-правовую систему НКВД СССР были выделены тюрьмы. Приказом НКВД СССР от 9 июня 1938 г. № 00362, изданным во исполнение решения Политбюро ВКП(б) от 28 марта 1938 г. о новом организационном устройстве НКВД и ликвидации ГУГБ, была объявлена новая структура управлений центрального аппарата НКВД, в составе которого был образован самостоятельный тюремный отдел⁹³. Уже 29 сентября 1938 г. Приказом НКВД СССР № 00641 «Об изменении организационной структуры

⁹¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 305–308.

⁹² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. С. 612–617.

⁹³ Портал «Исторические Материалы». URL: <http://istmat.info/node/38985> (дата обращения: 07.08.2019).

Наркомвнутдела СССР»⁹⁴ тюремный отдел был преобразован в Главное тюремное управление, а Главное управление лагерей, трудпоселений и мест заключения соответственно было переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений. 27 октября 1939 г. Приказом НКВД СССР № 001289 «Об объявлении Положения о Главном Тюремном управлении НКВД СССР»⁹⁵ было утверждено соответствующее Положение о Главном тюремном управлении НКВД Союза ССР, которым на данную структуру было возложено руководство всеми тюрьмами страны.

С весны 1938 года в структуре ГУЛАГа были выделены специализированные производственные управления. Так, например, 9 марта 1938 г. было образовано Управление лесной промышленности ГУЛАГа.

13 июля 1938 г. было введено новое штатное расписание центрального аппарата ГУЛАГа, в котором было предусмотрено 42 отдельных подразделения, в том числе 9 — исключительно производственного назначения (Управление лесной промышленности, Управление ИТК и сельхозлагерей, 1-й отдел железнодорожного строительства, отдел гидротехнического строительства, отдел морского строительства, отдел топливной промышленности, отдел цветной металлургии, отдел целлюлозно-бумажной промышленности). Всего штатное расписание предусматривало 1562 штатные единицы, из них 581 — производственного профиля⁹⁶.

В ноябре 1938 г. общий контингент вольнонаемных сотрудников лагерей, колоний и тюрем НКВД СССР составлял порядка 150000 человек, начсостав лагерей насчитывал 4500 человек, сотрудников аппарата госбезопасности — 3500, оперативно-административных работников лагерей — 1500, административно-хозяйственных работников лагерей — 20500, военизированной охраны лагерей — 60000. В тюрьмах и колониях руководящий и оперативно-административный состав насчитывал 23500, административно-хозяйственный состав — 6500, начсостав охраны — 5000 и рядовой надзирательный состав — 25000 человек⁹⁷.

⁹⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. М. : РОССПЭН, 2004. С. 150—151.

⁹⁵ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-КВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 1997. С. 244—246.

⁹⁶ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 106.

⁹⁷ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

Административное управление трудпоселениями осуществляли 150 районных и 800 поселковых комендатур, которые подчинялись отделам мест заключения и трудовых поселений управлений НКВД, а в центре — ГУЛАГу НКВД СССР⁹⁸.

25 августа 1938 г. на заседании Президиума Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о том, как заставить досрочно освобождаемых заключенных оставаться в лагерях в качестве вольнонаемных. Сталин в своем выступлении по данному поводу отмечал: «Они уходят с работы. <...> Мы делаем плохо, мы нарушаем работу лагерей. <...> Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться худшие. <...> С точки зрения государственного хозяйства это плохо». Было принято решение о необходимости выработки мер по добровольно-принудительному оставлению досрочно освобождаемых заключенных на строительствах НКВД⁹⁹.

В итоге вопрос был решен кардинально и однозначно. В целях обеспечения максимально эффективного использования рабочей силы заключенных и повышения производительности труда на строительстве объектов промышленности и народного хозяйства Указами Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. № Вс-30/с «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР»¹⁰⁰ и от 20 июня 1939 г. «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в НТК и тюрьмах НКВД СССР»¹⁰¹ была отменена возможность условно-досрочного освобождения заключенных от наказания. С этого момента заключенные должны были отбывать наказание в виде лишения свободы полностью. Кроме того, запрещалось практика зачета одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания. Предписывалось в качестве мер стимулирования повышения производительности труда заключенных использовать улучшение снабжения и питания, облегчение режима с общим улучшением бытового положения хороших производственников, даю-

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Стенограмма выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25.08.1938 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. М. : РОССПЭН, 2004. С. 113.

¹⁰⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960. С. 116.

¹⁰¹ Там же. С. 117.

щих высокие показатели производительности труда. 15 июня 1939 г. во исполнение данных предписаний был издан Приказ НКВД СССР № 0168 «О прекращении практики зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождении»¹⁰². Предполагалось, что заключенные должны были незамедлительно прочувствовать на себе плюсы самоотверженного труда, а не в каком-то отдаленном будущем. Такая политика привела к увеличению числа побегов, проявлений саботажа на производстве, срывов выполнения норм выработки, неподчинений приказам администрации мест заключения, в ответ на которые последовали репрессии в отношении заключенных¹⁰³.

Существенное увеличение числа заключенных, начавшиеся волнения среди заключенных, напряженная международная обстановка и неизбежность новой мировой войны, острая необходимость решения ряда промышленных и производственных экономических задач силами заключенных потребовали от руководства страны принятия ряда организационных и стратегических решений, направленных на обеспечение должного функционирования всей пенитенциарной системы.

29 июля 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00859 «Об объявлении Положения о тюрьмах НКВД СССР для содержания подследственных»¹⁰⁴ были утверждены соответствующее Положение и Инструкция по его применению, которые стали правовой основой функционирования тюремной системы.

Параллельно 2 августа 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00889¹⁰⁵ была введена в действие Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях, которая ставила перед органами НКВД задачи по обеспечению надежной изоляции преступников и по наиболее эффективному использованию труда

¹⁰² Там же. С. 116.

¹⁰³ Подробнее см., напр.: *Дашин А. В.* Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // *Общество и право.* 2012. № 2(39). С. 97–102; *Кузьмин С. И.* О протестных действиях заключенных при организации их труда в предвоенные годы (1937 г. — июнь 1941 г.) // *Пенитенциарная наука.* 2017. № 1(37). С. 10–15.

¹⁰⁴ Содержание под стражей в РСФСР и СССР. Сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Тюмень : Изд. Тюменского ЮИ МВД РФ, 2003. С. 168–207.

¹⁰⁵ ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сб. документов. С. 456–475.

заклученных. Документ представлял собой подробную инструкцию, включающую 12 разделов и 152 статьи, в которых регламентировались все стороны организации и деятельности по содержанию заключенных в ИТЛ. С принятием данного документа ИТЛ окончательно стали закрытыми исправительно-трудовыми учреждениями, где заключенные находились в строгой изоляции на огражденной замкнутой территории под непрерывной вооруженной охраной.

В условиях тоталитарной командно-административной системы особое значение имело также обеспечение политической благонадежности личного состава сотрудников и вольнонаемных работников пенитенциарной системы, привитие им чувства внутренней убежденности в правоте того дела, которому они служат, законности тех методов, которыми они пользуются, беспрекословного выполнения возложенных на них партией и правительством задач, безусловной преданности идеалам правящей партии. Помимо этого была установка на проведение соответствующей политико-воспитательной работы среди родственников и членов семей личного состава, а также среди заключенных. В связи с этим обеспечивалось существенное расширение и усиление политического аппарата органов внутренних дел, в том числе в системе органов исполнения уголовных наказаний. Соответственно, политические отделы были созданы во всех структурных подразделениях НКВД СССР, в том числе в Главном тюремном управлении, Главном управлении лагерей и Главном управлении конвойных войск. По сути в системе органов внутренних дел и непосредственно в пенитенциарной системе была создана подсистема партийно-политических органов, деятельность которых основывалась, прежде всего, на решениях ЦК ВКП(б), и которые были призваны обеспечить партийный контроль и руководство относительно деятельности системы органов внутренних дел и пенитенциарных органов¹⁰⁶. Более того, сетью партийно-политических органов и отделов была опутана вся система государственного управления.

22 октября 1937 г. Приказом НКВД СССР № 00690 «Об организации политотдела в составе ГУЛАГа НКВД и политотделом в

¹⁰⁶ Подробнее см., напр.: *Кудрявцев С. В.* Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х годов (на материалах областей Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ярославский гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль, 2000. С. 17–28; Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 120–122.

составе Управлений лагерей»¹⁰⁷ в целях усиления руководства парторганизациями лагерей НКВД и управлений строителей, улучшения политической работы среди начальствующего и рядового состава лагерей, военизированной охраны и вольнонаемных работников строителей в составе ГУЛАГа был организован политический отдел, на который было возложено партийно-политическое руководство деятельностью парторганизаций лагерей и строителей. 15 сентября 1939 г. ЦК ВКП(б) утвердил Положение о политическом отделе Главного управления (отдела) НКВД СССР, а также Инструкцию о работе политотделов главных управлений и отделов НКВД СССР. Политотделы работали в тесном контакте с территориальными партийными органами — обкомами (крайкомами), горкомами, райкомами ВКП(б), регулярно докладывали им о состоянии партийно-политической работы с личным составом.

Таким образом, кадровый состав системы органов исполнения наказаний был поставлен под строгий контроль партийного аппарата с тем, чтобы быть надежным проводником политического курса ВКП(б), а также надежным и эффективным инструментом в ее руках.

Также был принят ряд решений по оптимизации и обеспечению надлежащей охраны и конвоирования заключенных. 2 февраля 1939 г. СНК СССР было принято Постановление «О реорганизации управления пограничными и внутренними войсками», в соответствии с которым Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД СССР подлежало разделению на шесть отдельных главков, в том числе выделялось Главное управление конвойных войск НКВД СССР. Во исполнение данного документа 8 марта 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00206 были созданы конвойные войска НКВД СССР, на которые непосредственно возлагалась наружная охрана мест заключения и конвоирование заключенных. 27 марта 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00296 «Об объявлении Положений о главных управлениях войск НКВД СССР» было утверждено Положение о Главном управлении конвойных войск НКВД СССР¹⁰⁸. 29 сентября 1939 г. Приказом НКВД СССР № 646 «О введении в

¹⁰⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 134.

¹⁰⁸ Лубянка. ВЧК-ОГПУ-КВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960 : справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 1997. С. 280—295.

действие Устава службы конвойных войск НКВД СССР» соответствующий документ УСКВ-39 был введен в действие¹⁰⁹, а 20 ноября 1939 г. было утверждено Положение о конвойных войсках НКВД СССР. Конвойные войска получили статус специальных войск, на которые возлагалось решение задач по конвоированию подсудимых и заключенных, осуществлению наружной охраны тюрем, обеспечению полной изоляции осужденных, пресечению побегов. Численность конвойных войск на тот момент составляла 28800 человек. В целом конвойные войска в конце 1930-х — начале 1940-х являли собой отлаженный и нормативно закреплённый инструмент сдерживающего государственного воздействия на заключенных¹¹⁰.

Обострение международной обстановки, активное участие страны в военных действиях, агрессивная внешняя политика также способствовали принятию адекватных решений относительно системы органов внутренних дел и пенитенциарной системы. 19 сентября 1939 г. Приказом НКВД СССР № 0308 «Об организации лагерей военнопленных»¹¹¹ в структуре НКВД СССР было образовано Управление по делам военнопленных (УПВ). Структура УПВ включала пять отделов (политический, режимный, учетно-регистрационный, снабжения и санитарный), штатная численность составляла 56 человек. Одновременно было утверждено Положение об УПВ. С этого момента в СССР началось зарождение новой подсистемы лагерей для военнопленных и интернированных.

Первое время при создании и развертывании деятельности лагерей новое Управление обращалось за помощью к ГУЛАГу, у которого имелся большой опыт такой работы, и сотрудники ГУЛАГа оказывали УПВ такую помощь. Непосредственно через ГУЛАГ осуществлялось вещевое, продовольственное и медико-санитарное обеспечение лагерей УПВ. Кроме того, охрана лагерей военнопленных была поручена конвойным войскам НКВД СССР.

На начальном этапе были созданы 8 приемных пунктов и 2 лагеря на территории западных районов страны. После этого воинские части РККА передали УПВ НКВД СССР более 125400 военноплен-

¹⁰⁹ Информационный портал «Рабоче-крестьянская красная армия. 1918-1945». URL: <http://rkka.ru.docs/real/uskv-39.pdf> (дата обращения: 02.11.2019).

¹¹⁰ Подробнее см.: *Стариков Н. Н.* Войска НКВД на фронте и в тылу. М.: Алгоритм, 2014. 320 с.

¹¹¹ Информационный портал «Документы XX века». URL: <http://doc20vek.ru/node/2718> (дата обращения: 02.12.2019).

ных польской армии, в связи с чем созданная лагерная инфраструктура сразу же оказалась переполненной. Уже 3 октября 1939 г. СНК СССР было принято решение (п. 260 протокола № 7) о направлении военнопленных на строительство дороги Новоград-Волынский-Корец-Львов. Далее система приемных пунктов и лагерей УПВ НКВД СССР разрасталась в геометрической прогрессии. Через несколько месяцев в ведении УПВ НКВД СССР находилось уже 13 лагерей, 7 из которых являлись действующими и были укомплектованы, а еще 6 — резервными¹¹².

В дальнейшем в связи с развертыванием военной кампании УПВ НКВД стремительно и прочно занимало свое место в тюремно-лагерной системе СССР. В июле 1940 г. в связи с отнесением к ведению УПВ также интернированных лиц оно было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных — УПВИ.

Таким образом, параллельно развивалась еще и система органов и учреждений военного плена и интернирования, а также механизмов трудового использования подведомственной ей категории заключенных.

Заслуживает отдельного внимания также исправительно-трудовая политика советского государства, реализовывавшаяся по отношению к несовершеннолетним. В целом несовершеннолетних пытались «перевоспитывать» и «исправить» теми же, уже отработанными, способами — непосильным трудом и нечеловеческими условиями содержания.

Вместе с тем, карательная и репрессивная политика по отношению к взрослой части населения оборачивалась проблемами и с несовершеннолетними. Так, в 1930-е годы в стране насчитывалось порядка 7 млн. беспризорных — «социально опасных и ущербных» детей. Детприемники и детские дома были переполнены. Например, по состоянию на 4 августа 1938 г. у репрессированных родителей были изъяты 17355 детей и намечались к изъятию еще 5000. И это не считая детей, рожденных в лагерях, которых переводили в детские дома из лагерных деткомбинатов, а также многочисленных детей спецпереселенцев — раскулаченных крестьян.

Данный контингент, с одной стороны, требовал к себе постоянного внимания государства, поскольку представлял, по его мнению, потенциальную опасность, а, с другой, эти подростки часто попадали

¹¹² Подробнее см.: *Кузьминых А. Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939-1956 гг.) : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 15–31.

в сферу криминала, совершая преступления различной степени тяжести — от краж до убийств.

Формально на тот период в соответствии со ст. 50 УК РСФСР 1926 г. при назначении несовершеннолетним лишения свободы или принудительных работ срок таковых подлежал уменьшению для лиц от 14 до 16 лет — наполовину, а для лиц от 16 до 18 лет — на одну треть против срока, предусмотренного на случай совершения преступления взрослым, причем срок в любом случае не мог превышать половины предельного срока, устанавливаемого кодексом за данное преступление. Максимальный срок лишения свободы для взрослых составлял 10 лет, а принудительных работ — 1 год. Таким образом, несовершеннолетние могли быть лишены свободы на срок не более 5 лет. Одновременно УК закреплял запрет на применение высшей меры наказания к несовершеннолетним.

Однако общий курс на террор, репрессии и усиление карательного воздействия затронул и данную сферу.

7 апреля 1935 г. было подписано совместное Постановление ЦИК и СНК СССР № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»¹¹³, вносившее кардинальные изменения в УК РСФСР. Согласно данному акту, за кражи, насилие и убийства можно было привлекать к уголовной ответственности с 12-летнего возраста «с применением всех мер наказания».

20 апреля 1935 г. специальным совместным Циркуляром Генпрокуратуры СССР и Верховного Суда СССР № 1/001537-30/002517 «Разъяснение прокурорам и председателям судов о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним» органам прокуратуры и судам разъяснялось: «К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел)»¹¹⁴.

9 июня 1935 г. Приказом НКВД СССР № 074 «О порядке применения Постановления ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. “О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних”»¹¹⁵ были даны указания органам НКВД относительно ареста, содержания под стражей, конвоирования и расследования дел в отношении несовершен-

¹¹³ СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф Р-8131. Оп. 38. Л. 6. П. 47а. Подлинник.

¹¹⁵ Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кукурин, Г. В. Атамашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 2002. С. 192.

полетних. При этом предписывалось несовершеннолетних преступников, осужденных к лишению свободы, направлять в специальные закрытые колонии по указанию ГУЛТПиМЗ НКВД СССР.

25 ноября 1935 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью»¹¹⁶ была отменена ст. 50 УК, которая предусматривала смягчение уголовного наказания в отношении несовершеннолетних.

Таким образом, все гуманные послабления относительно уголовной ответственности несовершеннолетних были отменены.

Наряду с этим, исследователи отмечают, что с принятием Постановления «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» практика применения судами лишения свободы в отношении несовершеннолетних значительно расширилась. Так, в 1936 году к лишению свободы были приговорены 15031 несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет, в 1937 — 17324, в 1938 — 20203¹¹⁷. При этом часть несовершеннолетних фактически содержалась в исправительно-трудовых лагерях. Так, на 1 января 1939 г. в лагерях ГУЛАГа НКВД содержалось 14980 несовершеннолетних, из них не достигших 16 лет — 759 человек, не достигших 18 лет — 14251 человек¹¹⁸.

Требовалось расширение системы специальных учреждений для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы. Трудовые дома, которые имелись на тот момент в распоряжении НКЮ и использовались для исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, в новых условиях не годились. Требовалась новая как по организации, так и по вместительности система специализированных учреждений для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы¹¹⁹.

¹¹⁶ СУ РСФСР. 1936. № 1. Ст. 2.

¹¹⁷ Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / отв. ред. А. К. Соколов. М. : РОССПЭН, 1998.

¹¹⁸ Справка 2-го отдела ГУЛАГа о численности и составе заключенных в лагерях НКВД на 1 января 1939 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. М. : РОССПЭН, 2004. С. 75—78.

¹¹⁹ См., напр.: *Кудимов А. Ф.* Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 3. С. 13—19; *Угоров И. В.*

31 мая 1935 г. Постановлением СНК и ЦК ВКП(б) СССР «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹²⁰ была установлена система специализированных госучреждений для несовершеннолетних правонарушителей, которая включала изоляторы, приемники-распределители и трудовые колонии. Во исполнение данного документа 7 июня 1935 г. был издан Приказ НКВД СССР № 071 «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»¹²¹.

В результате принятых решений трудовые дома трансформировались в трудовые колонии, которые были переданы в ведение НКВД СССР, в связи с чем в Административно-хозяйственном управлении НКВД СССР был сформирован отдел трудовых колоний несовершеннолетних преступников (ОТК), который получил в свое ведение все приемники-распределители, трудкоммуны и трудовые колонии, кроме трудовых колоний при лагерях, которые изначально были и оставались в ведении ГУЛАГа. Иные несовершеннолетние правонарушители попадали в приемники-распределители и детские дома особого режима. Прежде всего, это были подростки, занимавшиеся нищенством, бродяжничеством, попрошайничеством, приставанием к гражданам и проституцией. Функция приемников-распределителей заключалась в приеме и фильтрации несовершеннолетних правонарушителей с последующим их распределением в соответствующие госучреждения, подведомственные Наркоматам просвещения, здравоохранения и внутренних дел.

23 июля 1935 г. секретным Распоряжением начальника ОТК НКВД СССР № 886503 «О типизации трудовых колоний НКВД»¹²² была определена система пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних преступников, которая включала: трудовые колонии обычного типа (отдельно для мальчиков и для девочек), трудовые колонии особого режима (без разделения по полу), изоляторы для подследственных в тюрьмах, подведомственные ОМЗ НКВД. При этом администрациям трудовых колоний давались абсолютно негуманные и бесчеловечные указания, которые нарушали всякие цивилизованные правовые нормы. В частности, предписывалось:

Уголовная и исправительно-трудовая политика советского государства в отношении несовершеннолетних преступников в предвоенный период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 44. С. 134–141. URL: <http://e-koncept.ru/2017/570161.htm> (дата обращения: 07.07.2019).

¹²⁰ Известия. 1935. 1 июня.

¹²¹ Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 187–191.

¹²² Там же. С. 194–195.

а) деление несовершеннолетних преступников по степени социальной запущенности не производить, что предполагало совместное содержание лиц с несколькими судимостями, с одной судимостью и впервые судимых;

б) разделение колоний по возрастному признаку заключенных не производить, что вело к совместному содержанию несовершеннолетних разных возрастных категорий;

в) обязательного раздельного содержания мальчиков и девочек не требовалось;

г) направлять беспризорных несовершеннолетних и несовершеннолетних преступников в одни и те же трудовые колонии;

д) не ограничивать пребывание осужденных несовершеннолетних в трудовых колониях сроком судебного приговора, содержать их столько, сколько будет необходимо в пределах срока судимости.

При этом трудовая колония особого режима утверждалась только одна, в Архангельске, и в ней предполагалось содержание как мальчиков, так и девочек.

Одновременно 29 июля 1935 г. Приказом НКВД СССР было утверждено и объявлено Положение о трудовой колонии НКВД СССР для несовершеннолетних¹²³, где было определено, что в трудовых колониях содержатся только несовершеннолетние в возрасте от 12 до 16 лет. Соответственно, несовершеннолетние в возрасте старше 16 лет несли уголовную ответственность наравне со взрослыми и направлялись для отбытия наказания в виде лишения свободы в тюрьмы, ИТЛ и ИТК ГУЛАГа на общих основаниях¹²⁴.

Жак Росси отмечал, что в трудовые колонии попадали и дети младше 12 лет, поскольку довольно часто задержанный неблагополучный подросток скрывал свой возраст, информацию о себе и о родителях, милицию же это обстоятельство особо не заботило и в протокол записывалась фраза «возраст около 12 лет», что формально позволяло осудить ребенка и направить в колонию. А местные власти устраивало, что на вверенной им территории становилось одним асоциальным элементом меньше¹²⁵. Так, например, в результа-

¹²³ Там же. С. 195—197.

¹²⁴ См., напр.: Приказ НКВД СССР от апреля 1938 г. № 054 «О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа НКВД» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 282—283.

¹²⁵ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 частях. 2-е изд., доп. М. : Просвет, 1991.

те проверки в 1935 году одной из трудколоний Иркутской области было установлено, что 25% от общего числа содержащихся в ней несовершеннолетних составляли подростки младше 12 лет¹²⁶.

Обязательным условием пребывания в трудовой колонии, безусловно, являлось привлечение к труду. Труд выполнял несколько функций. Во-первых, привлечение к труду обеспечивало занятость осужденных и служило средством их исправления и перевоспитания; во-вторых, колонии должны были окупать все расходы на свое содержание; в-третьих, заключенные должны были приносить пользу. В связи с этим в каждой трудовой колонии организовывалось производство, к которому привлекались все осужденные. При этом, имея подобный опыт в связи с привлечением к труду взрослых заключенных, НКВД СССР также стал формировать для трудовых колоний производственные планы, выполнение которых требовалось от администраций. Как правило, речь шла об изготовлении определенной продукции надлежащего качества.

Так, например, по результатам проверки трудовых колоний для несовершеннолетних Западно- и Восточно-Сибирского краев по итогам работы в 1936 году наркомвнутдел Г. Ягода выразил свое возмущение и недовольство бесхозяйственностью и безответственностью как руководства АХУ, ОТК и краевых управлений НКВД СССР, так и непосредственно администраций колоний. В частности, указывалось на систематическое невыполнение производственных планов и огромные убытки из-за систематического брака продукции на музыкальной фабрике Томской трудовой колонии. В целом отмечалось, что трудовые колонии Западно-Сибирского края выполняют производственный план лишь на 48,2%¹²⁷. И это были отнюдь не единичные случаи. Высказывались подобные претензии к Архангель-

¹²⁶ *Афанасова Е. Н.* Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД СССР на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг. // Сибирь и ссылка: Siberia and the Exile. История пенитенциарной политики российского государства и Сибирь XVII-XXI веков. Проект кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1096 (дата обращения: 15.04.2019).

¹²⁷ См.: Приказ НКВД СССР от 27 сентября 1936 г. № 406 «О результатах обследования трудовых колоний для несовершеннолетних УНКВД Западно- и Восточно-Сибирского краев» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 200.

ской (Северный край), Южской (Ивановская область), Александровской (Восточно-Сибирский край) трудколониам. При этом отмечались и приводились в пример колонии-передовики производства, перевыполняющие план — Покровская (Московская область), Краснославянская (Ленинградская область), Броварская (УСССР)¹²⁸.

Таким образом, приоритеты НКВД СССР в данной сфере были очевидны, традиционны и неизменны. Соответственно система трудовых колоний также была ориентирована не столько на воспитание и исправление, сколько на экономический результат посредством эксплуатации труда осужденных несовершеннолетних¹²⁹.

В 1937 году в целях ужесточения режима содержания рецидивистов, лиц, склонных к побегам, хулиганов и дезорганизаторов производства из числа несовершеннолетних осужденных было принято решение о создании трудовых колоний для несовершеннолетних закрытого типа. В этой связи 10 апреля 1937 г. НКВД СССР утвердил Положение о трудовых колониях закрытого типа, а 23 мая 1937 г. Приказом НКВД СССР № 205 «Об организации трудколоний закрытого типа»¹³⁰ для этих целей были реорганизованы несколько открытых трудколоний: Пензенская (Куйбышевская область), Верхотурская (Свердловская область), Пушкинская (Ленинградская область) и Ахтырская (УСССР). Позднее еще одна Кировская трудколлония открытого типа в Кировской области была реорганизована в закрытую¹³¹.

Таким образом, в системе ОТК НКВД СССР были организованы трудколлонии для несовершеннолетних закрытого типа, предназначенные для содержания в более жестких условиях осужденных с повышенной степенью социальной запущенности. Первоначально это были 4 коллонии, рассчитанные на содержание порядка 1500 заключенных.

¹²⁸ См.: Приказ НКВД СССР от 3 октября 1936 г. № 413 «О производственной деятельности трудколлоний НКВД для несовершеннолетних» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 201—203.

¹²⁹ *Шеуджен Н. А., Яблонский И. В.* Особенности использования труда несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы, в исправительных учреждениях ГУЛАГа (1935-1940 годы) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 176—178.

¹³⁰ Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 228—229.

¹³¹ См.: Приказ НКВД СССР от 27 октября 1937 г. № 0130 «Об организации Кировской трудколлонии для несовершеннолетних закрытого типа» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 240.

Позднее, 5 сентября 1938 г. Приказом НКВД № 0171 в целях повышения эффективности данного типа спецучреждений было утверждено и объявлено новое Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних закрытого типа¹³². Режим содержания существенно ужесточался в сравнении с колониями открытого типа: соблюдение трудового режима, обязательная производственная работа на предприятиях колонии, обнесение территории колонии стеной или забором, обеспечение постоянной охраны, наличие штрафного изолятора для нарушителей режима.

27 марта 1939 г. Приказом НКВД СССР № 00270 ОТК был включен в состав ГУЛАГа. А 19 августа 1940 г. Приказом НКВД СССР № 001019 «О переустройстве ГУЛАГа» ОТК был включен в Управление исправительно-трудовых колоний ГУЛАГа НКВД СССР¹³³.

Помимо этого, 9 июля 1940 г. Приказом НКВД СССР № 0284 была утверждена и объявлена Инструкция о режиме содержания несовершеннолетних правонарушителей в тюрьмах НКВД для подследственных¹³⁴.

Данные обстоятельства определили общую тенденцию к ужесточению режима содержания несовершеннолетних преступников. При этом, по сведениям очевидцев, условия содержания и быта были тяжелыми, а порой просто невыносимыми для подростков. Те, кто был постарше и физически сильнее, организовывались в банды, издевались на более младшими и слабыми, вымогали у них еду и имущество. Доходило до изнасилований. Имели место случаи суицидов, которые расследовались весьма формально, и обычно подобные события объяснялись не недостатками системы, а личностными особенностями малолетних преступников¹³⁵.

Таким образом, специальные госучреждения для несовершеннолетних преступников были встроены в систему НКВД и непосред-

¹³² Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 301–306.

¹³³ См.: Справка об истории возникновения и развития ИТЛ и ГУЛАГа ОГПУ-НКВД-МВД СССР от 25.05.1950 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сб. документов. М. : МДФ, 2000 (документ № 77).

¹³⁴ Содержание под стражей в РСФСР и СССР. Сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Тюмень : Изд. Тюменского ЮИ МВД РФ, 2003. С. 215–220.

¹³⁵ См., напр.: *Росси Ж.* Указ. соч. ; Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы. С. 200–201, 216–226.

ственно ГУЛАГа в качестве подсистемы и мало чем отличались от аналогичных учреждений для взрослых преступников.

По состоянию на конец 1939 г. через трудовые колонии прошло 155506 подростков в возрасте от 12 до 16 лет, из которых большая часть — 86579 (55,7%) были ранее не судимы. При этом на 1 марта 1940 г. в таких колониях содержалось 4126 пионеров и 1075 комсомольцев. Данные факты свидетельствуют о том, что такие колонии более чем на половину были заполнены ранее благополучными подростками, волею судеб ставшими беспризорниками, правонарушителями и преступниками, то есть детьми тех, кто был объявлен «врагом народа» и репрессирован.

К 1940 году во всех трудовых колониях для несовершеннолетних были организованы производства, на которых работали все осужденные подростки. Как правило, это были производства такого профиля как металлообработка, деревообработка, обувное производство и трикотажное производство. Использовали несовершеннолетних заключенных и на более тяжелых работах. Так, в Кабардино-Балкарии несовершеннолетние работали на пемзовом руднике, в Чувашии — добывали сланцы. В целом, по официальным данным, за 1939 год трудовые колонии для несовершеннолетних выполнили производственную программу на 169778000 руб.¹³⁶

К началу 1940 года система трудовых колоний для несовершеннолетних преступников была в целом сформирована и насчитывала 50 колоний открытого и закрытого типа. В трудовых колониях открытого типа отбывали лишение свободы подростки в возрасте от 12 до 16 лет, осужденные впервые и с одной судимостью, закрытого типа — подростки, имеющие несколько судимостей. Несовершеннолетние старше 16 лет отбывали наказание в виде лишения свободы в тюрьмах, ИТЛ и ИТК на равных со взрослыми условиях.

В целом было усилено карательное и репрессивное воздействие государства в отношении несовершеннолетних: ужесточено законодательство, организованы специализированные учреждения закрытого типа с особым режимом содержания, подсистема была передана в ведение ГУЛАГа НКВД.

¹³⁶ Упоров И. В. Указ. соч. С. 134—141.

1.3. Воздействие на преступность и пенитенциарная политика в предвоенный период и во время Великой Отечественной войны

На 1 января 1940 г. в СССР в местах лишения свободы содержалось 1846270 заключенных. В исправительно-трудовых колониях находились 315584 заключенных, в том числе в промышленных — 146809, в сельскохозяйственных — 50063, в контрагентских — 118712 человек. В тюрьмах отбывали лишение свободы 186278 осужденных. В исправительно-трудовых лагерях находились 1344408 заключенных (из них 91,9% мужчины).

Общее число лагерей в системе ГУЛАГа НКВД СССР составляло 54, при этом многие из них имели еще и разветвленную сеть подразделений.

Так, например, Сиблаг имел следующую общую структуру и дислокацию:

1) сельско-хозяйственные подразделения: Мариинский ОЛП, Орлово-Розовское, Ново-Ивановское, Сусловское, Чистюньское, Арлюковское, Юргинское, Берикульское и Антибесское отделения;

2) лесные подразделения: Кожуховский ОЛП, Тайганское отделение;

3) промышленные подразделения: Искитимский и Новосибирский ОЛП, Яйское и Мариинское отделения;

4) контрагентские подразделения: Новокузнецкий ОЛП, Бугринское, Новосибирское, Кемеровское, Асиновское, Ахпунское и Кривошековское отделения;

5) исправительно-трудовые колонии: Томская ИТК № 2, Бердская ИТК № 4, Инвалидная колония г. Томска, Пересыльные пункты г. Новосибирска и г. Мариинска¹³⁷.

Исправительно-трудовых колоний в стране насчитывалось 425, а тюрем — 622 (общих — 392, тюрем ГУГБ — 47, тюрем НКВД — 192)¹³⁸. Кроме того, функционировало 50 трудовых колоний для несовершеннолетних преступников¹³⁹. Помимо этого, в лагерях УПВ

¹³⁷ Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928-1941. С. 30.

¹³⁸ Тимофеев В. Г. Указ. соч.; Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 117.

¹³⁹ Дашин А. В. Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 100.

НКВД СССР содержались 32958 военнопленных и интернированных лиц, подавляющее большинство из которых являлись польскими военнослужащими¹⁴⁰. И, наконец, в спецпоселениях находилось еще 997513 человек¹⁴¹.

Развитие системы исправительно-трудовых учреждений обусловила необходимость дальнейшего совершенствования управленческого аппарата. В целом штатная численность центрального аппарата самого Главного управления исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений составляла уже 2040 единиц¹⁴².

Увеличение числа заключенных требовало обеспечения их надлежащей охраны и влекло рост численность сотрудников внутренней военизированной охраны (ВОХР). В 1940 г. службу в военизированной охране проходили 107000 человек, которые охраняли все имевшиеся в пенитенциарной системе исправительно-трудовые лагеря с их многочисленными подразделениями объектами, а также колонии. Наружную охрану тюрем и конвоирование осужденных обеспечивали конвойные войска, численность которых была небольшой и составляла 34295 человек¹⁴³.

Деятельность службы военизированной охраны регламентировалась Временным наставлением по службе ВОХР ИТЛ НКВД СССР от 4 марта 1939 г. В частности на ВОХР возлагалось решение следующих задач: охрана заключенных, находящихся в лагерях, участках (пунктах) и на производстве; охрана готовых сооружений, складов общего назначения и основных баз с материальными ценностями; конвоирование заключенных на производство и другие участки лагеря и охрана их на месте работы; конвоирование заключенных за пределы лагеря; борьба с побегам и розыск бежавших заключенных; подавление групповых выступлений и неповиновений со стороны заключенных¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Кузьминых А. Л. Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939-1956 гг.) : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013. С. 31.

¹⁴¹ Тимофеев В. Г. Указ. соч. (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁴² Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 106.

¹⁴³ Федоров П. А. Охрана мест лишения свободы в СССР в 1918-1960 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4(40). С. 19.

¹⁴⁴ Временное наставление по службе военизированной охраны ИТЛ НКВД СССР от 04.03.1939 г. М. : Изд. ГУЛАГ НКВД СССР, 1939. С. 3.

В связи с этим военизированная охрана была призвана решать весьма значительные по объему и значимые по содержанию задачи. Это стало одной из причин того, что 9 июня 1940 г. в структуре ГУЛАГа Приказом НКВД СССР № 00717 было создано специальное Управление военизированной охраны (УВОХР).

К июню 1941 г. численность военизированной охраны составляла уже 134480 человек, из них 130794 человека использовались на охране заключенных, а 3686 — на охране готовых объектов и сооружений¹⁴⁵. В соотношении с общим числом заключенных это было лишь 7%, то есть в среднем на 15 заключенных приходился 1 охранник. Соответственно, нагрузка стрелков военизированной охраны была значительной, при этом она сочеталась с тяжелыми условиями несения службы, бытовыми неудобствами, морально-психологическим напряжением в связи с нахождением в постоянном контакте с заключенными в специфических условиях мест лишения свободы¹⁴⁶.

В связи с критическим недокомплектом военизированной охраны и непопулярностью и непрестижностью данной службы среди вольнонаемного населения для внутренней охраны лагерей привлекались сами заключенные. Так, например на 1 января 1939 г. 25000 стрелков военизированной охраны являлись непосредственно заключенными ГУЛАГа¹⁴⁷.

В целях перераспределения людских ресурсов принимались решения о массовом перераспределении заключенных в пользу исправительно-трудовых учреждений, прежде всего, лагерей. Так, 12 ноября 1940 г. Приказом НКВД СССР № 001417 «О вывозе заключенных из тюрем в лагеря и колонии»¹⁴⁸ в целях освобождения тюрем от лишнего контингента и пополнения лагерей и колоний трудовыми ресурсами было предписано до конца года вывезти из тюрем в исправительно-трудовые лагеря 120000, а в исправительно-трудовые колонии — 50000 заключенных. Численность тюремного

¹⁴⁵ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 128.

¹⁴⁶ Федоров П. А. Охрана мест лишения свободы в СССР в 1918-1960 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4(40). С. 19.

¹⁴⁷ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 127.

¹⁴⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 190.

населения сокращалась, на 20 августа 1940 г. в ведении Главного тюремного управления НКВД СССР находилось 215000 мест заключения¹⁴⁹. ИТЛ при этом освобождались от инвалидов и непригодных к тяжелому труду лиц. Таких заключенных перераспределяли из лесных, строительных, промышленных лагерей в сельскохозяйственные лагеря. Одновременно Циркуляром НКВД СССР от 5 августа 1940 г. № 27/7038 запрещалась переброска трудосленцев с одного объекта на другой¹⁵⁰.

В таких условиях в предвоенные годы ГУЛАГ проявлял себя как стремительно развивающийся субъект советской экономики, его хозяйственная деятельность демонстрировала устойчивость и положительную динамику объемов производства. Так, в 1938 г. посредством принудительного труда заключенных было выпущено различного рода продукции на 1,5 млрд. руб., в 1939 — 2,5 млрд. руб., в 1940 — 3,7 млрд. руб. Поэтому вполне обоснованно, что на 1941 год перед ГУЛАГом ставилась планка в 4,7 млрд. руб.¹⁵¹

В 1940 году экономика ГУЛАГа охватывала 17 отраслей народного хозяйства, многие из которых представляли значительную долю в общем объеме производимой в стране продукции. Так, например, лесозаготовительная — 27,5%, деревообрабатывающая — 15,5%, швейная — 13,5%, горно-металлургическая — 11,2%, металлообрабатывающая и машиностроительная — 8,8%, текстильная — 4,8%, топливная — 4,7%¹⁵². Кроме того, стремительно развивающейся отраслью экономики ГУЛАГа являлось строительство. Так, в 1940 г. ГУЛАГ освоил 13% от всех бюджетных средств, которые были выделены на капитальное строительство в СССР¹⁵³.

На этом фоне, учитывая потребности государства и возможности ГУЛАГа, руководством страны принимались решения по реорганизации и организационно-структурной оптимизации как НКВД

¹⁴⁹ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 118.

¹⁵⁰ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940: в 2 кн. / отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: РОССПЭН, 2006. Кн. 2. С. 638–642.

¹⁵¹ Федотова И. Н. Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны: народно-хозяйственный профиль ГУЛАГа // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань: Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 121.

¹⁵² ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960: сб. документов. С. 733.

¹⁵³ Кокурин А. И., Морукон Ю. Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 8. С. 120–121.

СССР в целом, так и непосредственно самого ГУЛАГа: создавались новые отделы и управления, существующие отделы преобразовывались в главки. Так, в 4 января 1940 г. на базе Отдела железнодорожного строительства ГУЛАГа и Управления железнодорожного строительства НКВД СССР на Дальнем Востоке Приказом НКВД СССР № 0014 «О реорганизации руководства железнодорожным строительством НКВД СССР»¹⁵⁴ было создано Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЖДС), в ведение которого изначально были переданы 9 исправительно-трудовых лагерей (уже к началу 1941 года их было 13). 13 сентября 1940 г. Приказом НКВД СССР № 001159 «Об организации Главного управления гидротехнического строительства НКВД СССР»¹⁵⁵ в целях руководства всеми гидротехническими работами в составе НКВД был создан соответствующий Главк (ГУЛГТС), а Гидротехнический отдел ГУЛАГа был расформирован. В начале 1941 года структура НКВД СССР помимо ГУЛАГа, ГУЖДС и ГУЛГТС уже включала целый ряд главков и управлений лагерей различного производственного профиля: Главное управление лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП), Главное управление лагерей шоссейно-дорожного строительства (ГУШОСДОР), Главное управление лагерей промышленного строительства (Главпромстрой), Главное управление строительства по Дальнему Северу (Дальстрой), Управление лагерей топливной промышленности (УЛТП), Управление лагерей лесной промышленности (УЛЛП), Управление лагерей по строительству Куйбышевских заводов (Особстрой), Главное управление аэродромного строительства (ГУАС)¹⁵⁶.

Таким образом, в предвоенный период функционирование тюремно-лагерной системы имело явный военно-мобилизационный характер. Ее деятельность была либо прямо связана с реализацией проектов военного назначения, либо опосредованно диктовались интересами обороны страны. А в годы войны эта тенденция лишь усилилась.

В целом же на 1 января 1941 г. в местах заключения в СССР содержалось уже 2368548 человек, из них в 54 исправительно-трудо-

¹⁵⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 165-166.

¹⁵⁵ Там же. С. 189—190.

¹⁵⁶ *Кокурин А. И., Петров Н. В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 113—114.

вых лагерях — 1500524, в 425 исправительно-трудовых колониях — 429205, в 492 тюрьмах — 438819 человек¹⁵⁷. Кроме того, в 40 колониях для несовершеннолетних преступников содержалось 19406 заключенных¹⁵⁸.

При этом 26 февраля 1941 г. в связи с объявлением новой структуры НКВД СССР Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудпоселений НКВД СССР было переименовано в Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР, а Главное тюремное управление НКВД СССР реорганизовано в Тюремное управление НКВД СССР.

22 июня 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О военном положении»¹⁵⁹, которым в стране было объявлено военное положение. Соответственно, количественно и качественно изменилась вся система государственного управления, началась перестройка государства и всех государственных органов на военный лад в целях обеспечения обороноспособности и боеготовности страны. Все функции гражданских органов государственной власти передавались органам военного управления, которые наделялись чрезвычайными полномочиями. Виновные в совершении преступлений на территории с военным положением подлежали ответственности по законам военного времени. Также 22 июня 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий¹⁶⁰, в соответствии с которым создавались специальные судебные органы — военные трибуналы. Военные трибуналы организовывались и действовали в местностях с военным положением и в районах военных действий, и им были подсудны

¹⁵⁷ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

¹⁵⁸ Докладная записка начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина заместителю наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглову о мерах по увеличению емкости колоний для несовершеннолетних от 15.03.1941 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. С. 81—82.

¹⁵⁹ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М. : Госюриздат, 1956. С. 213—215.

¹⁶⁰ Там же. С. 215—217.

все дела о преступлениях, совершённых как военными служащими, так и гражданскими лицами.

На военный лад была перестроена и вся промышленность СССР. На целый ряд категорий гражданских служащих — работников железнодорожного транспорта, морского и речного флотов, личный состав военизированной охраны предприятий и военизированной пожарной охраны были распространены правила об уголовной ответственности военнослужащих¹⁶¹.

Данные обстоятельства, безусловно, повлекли изменения как в уголовно-правовой и пенитенциарной политике государства, так и непосредственно в тюремно-лагерной системе.

Совместной Директивой НКВД СССР и Генпрокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. № 221¹⁶² тюремно-лагерная система также переходила на военное положение, в связи с чем в лагерях, колониях и спецпоселениях объявлялось особое положение, ужесточался режим содержания и труда заключённых, усиливалась их изоляция, охрана и конвоирование. В связи с этим увеличивалась нагрузка на администрацию, сотрудников, службу военизированной охраны и конвойные войска в местах заключения.

Обстановка военного времени потребовала максимальной мобилизации материальных и человеческих ресурсов.

Уже 27 июня 1941 г. СНК СССР принял Постановление «О сокращении плана капитальных работ на 1941 год по НКВД СССР», которым предписывалось закрыть объекты капитального строительства, не имевшие стратегического значения¹⁶³, а оборудование, материалы и рабочую силу надлежало переправить на объекты, так называемых, ударных сверхлимитныхстроек¹⁶⁴.

¹⁶¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 15; 1943. № 18; 1944. № 1.

¹⁶² Сайт Красноярского отделения Общества «Мемориал». URL: <http://memorial.krsk.ru/DOCUMENT/USSR/410622-1.htm> (дата обращения: 02.02.2019).

¹⁶³ В соответствии с Приказом НКВД СССР от 28.06.1941 г. № 0311 «О прекращении работ по строительству в связи с началом войны» такихстроек насчитывалось 60 // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010448> (дата обращения: 06.06.2019).

¹⁶⁴ Приказом НКВД СССР от 11.07.1941 г. № 00911 «О плане капитальных работ на 3-й квартал 1941 года» был объявлен список таких объектов // Там же.

16 июля 1941 г. согласно совместному Приказу НКВД и НКГБ СССР № 00931/00272 «Об обеспечении бесперебойной работы органов НКВД и НКГБ в условиях военного времени»¹⁶⁵ было предписано передислоцировать органы НКВД и НКГБ, их структурные подразделения и подведомственные учреждения в удаленные районы вглубь страны. В связи с этим была объявлена массовая эвакуация исправительных учреждений и заключенных из западных областей и районов и прифронтовой территории. Так, были эвакуированы 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 исправительно-трудовых колонии с содержащимися в них заключенными общей численностью 750000 человек¹⁶⁶. Также были эвакуированы 272 тюрьмы, в которых содержалось 141527 заключенных¹⁶⁷. Большинство исправительных учреждений передислоцировались в районы Урала и Сибири. При этом эвакуация контингента заключенных сопровождалась значительными потерями людских ресурсов. В частности, при эвакуации тюрем по различным причинам выбыло около 43000 человек, в том числе: остались не вывезенными — 21504, освобождены при эвакуации — 7444, бежали при бомбежках — 819, бежали из под конвоя — 264, погибли при бомбежках — 23, убиты при попытке к бегству — 59, освобождены посредством бандитских налетов — 346, расстреляны непосредственно в тюрьмах — 9817, расстреляны конвоем в пути следования при подавлении бунта и сопротивления — 674, незаконно расстреляны конвоем в пути следования — 769¹⁶⁸.

Эвакуация была сопряжена со значительными организационными и бытовыми трудностями, что приводило к высокой смертности заключенных. Так, например, из тюрем Украины подлежали эвакуации 34200 заключенных, для перевозки которых требовалось 1308

¹⁶⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов.

¹⁶⁶ *Очередыко В. П., Смирнов Л. Б.* Пенитенциарная система Советского государства в предвоенные и военные годы (1930-1945 г.г.) и ее роль в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 63.

¹⁶⁷ По данным из официальной Справки Тюремного управления НКВД СССР об итогах эвакуации заключенных из тюрем НКВД-УНКВД от 23.01.1942 г. // НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956) : сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М. : МВД России, 2008. С. 67—68.

¹⁶⁸ Там же. С. 67.

вагонов вместимостью по 50-60 заключенных. Однако выделено для этих целей было лишь 300 вагонов, в которые смогли уместить лишь 14000 заключенных¹⁶⁹. Соответственно, во многих случаях заключенных эвакуировали обычным пешим порядком под конвоем, что растягивалось на месяцы. В итоге голод, холод, истощение, болезни приводили к значительной смертности осужденных. Например, в ходе передислокации тюрем в пути следования умерли 1057 заключенных¹⁷⁰.

С началом войны были приняты организационные меры по пополнению рядов Красной Армии за счет заключенных. Так, по представлению НКВД СССР указами Президиумам Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений»¹⁷¹ было принято решение о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с направлением данных лиц на фронт. Во исполнение данных указов ГУЛАГом были освобождены 420000 заключенных. В 1942-1943 годах по специальным решениям ГКО СССР было освобождено еще 157000 заключенных. Кроме того, все заключенные, освобождаемые из лагерей и колоний в связи с отбытием срока наказания, также передавались в Красную Армию. Помимо этого, в 1941-1942 годах из исправительно-трудовых лагерей были освобождены 43000 поляков и 10000 чехов, которые также отправлялись на фронт и из них формировались национальные части. Таким образом, за три года в Красную Армию были направлены 975000 заключенных ГУЛАГа¹⁷².

Помимо этого в Красную Армию направлялся также личный состав военизированной охраны, с которых снималась бронь. В 1941-1942 годах число разбронированных и мобилизованных составило 93500 человек или 69% от общего состава. Личный состав охраны, в свою очередь, пополнялся за счет лиц старшего возраста (28450 человек); ограниченно годных и негодных к военной службе (24136 человека); женщин (5200 человек). В связи с этим качественный и количественный состав военизированной охраны существенно сни-

¹⁶⁹ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 123.

¹⁷⁰ Тимофеев В. Г. Указ. соч. (дата обращения: 12.11.2019).

¹⁷¹ СПС «Консультант Плюс».

¹⁷² Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.

зился. В частности, число стрелков в возрасте от 20 до 40 лет снизилось с 86 до 38%, общая численность охраны — со 135000 до 110000 человек (рядовые — 98000, сержанты — 10000, офицеры — 2000), некомплект составлял 6600 человек. Помимо этого сознательная часть охраны из числа членов партии и комсомола снизилась с 40 до 22%¹⁷³.

В целях исправления ситуации был принят ряд решений, направленных на укрепление авторитета и повышение качества несения военизированной охраной своей службы. 11 марта 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в целях укрепления дисциплины на личный состав военизированной охраны было распространено действие Дисциплинарного устава РКА. 20 января 1943 г. Приказом НКВД СССР № 57 «О введении в действие Устава службы военизированной охраны ИТЛиК НКВД СССР (УСВО-43)»¹⁷⁴ был объявлен соответствующий Устав, который сменил ранее действовавшее Временное наставление. 28 декабря 1943 г. Приказом НКВД СССР № 0458 «Об организации внутренней надзирательной службы в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» было объявлено о создании в лагерях и колониях внутренней надзирательной службы и соответствующего Наркомата, также было утверждено соответствующее Положение. Данное подразделение создавалось в составе военизированной охраны в целях усиления изоляции заключенных, обеспечения постоянного контроля за заключенными, укрепления их трудовой дисциплины.

Кроме того, 14 апреля 1943 г. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) была произведена реорганизация непосредственно НКВД СССР — он был разделен на два самостоятельных наркомата — НКВД СССР и НКГБ СССР. Вслед за этим, 19 апреля 1943 г. Постановлением СНК СССР № 915-138сс на базе Управления особых отделов НКВД СССР было учреждено Главное управление контрразведки НКО СССР «СМЕРШ» (СМЕРТЬ Шпионам!), а 15 мая 1943 г. Приказом НКВД СССР № 00856 в целях организации агентурно-оперативного обслуживания пограничных и внутренних войск, ми-

¹⁷³ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60-86; Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 130.

¹⁷⁴ Устав службы военизированной охраны исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР (УСВО-43). М. : Управление охраны и режима ГУЛАГа НКВД СССР, 1943. 233 с.

лиции и других вооружённых формирований НКВД был создан Отдел контрразведки (ОКР) «СМЕРШ» НКВД СССР. Органы контрразведки были уполномочены заниматься работой по выявлению и разоблачению вражеских агентов, их диверсионной и подрывной деятельности в районах боевых действий и на освобожденных территориях, а также осуществлять проверку благонадежности военнослужащих Красной Армии, бежавших из плена, вышедших из окружения и оказавшихся на оккупированных противником территориях.

Наряду с этим, как мы уже отмечали, советская тюремно-лагерная система отличалась высокой степенью приспособляемости и адаптации к любой ситуации и к решению любых задач, которые ставились партией и правительством¹⁷⁵.

Так, в период войны производственно-хозяйственная деятельность мест заключения НКВД СССР была продиктована исключительно нуждами обороны, поэтому приоритетными были направления, прямо или косвенно связанные с боеготовностью и боеспособностью. Как было отмечено, в Докладе начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия от 17 августа 1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)»¹⁷⁶, вся деятельность ГУЛАГа была направлена на обеспечение интересов фронта и разгром врага посредством «полного трудового использования заключенных, комплектования важнейших оборонных строителей и предприятий рабочей силой из заключенных». При этом наращивание интенсивности принудительного труда заключенных сопровождалось ослаблением технического оснащения и ухудшением материально-бытовых условий.

За годы войны на строительства и в исправительно-трудовые лагеря НКВД СССР было направлено свыше 2000000 заключенных, из них на строительство железных дорог — 448000, на промышленное строительство — 310000, в лесную промышленность — 320000, в горно-металлургическую промышленность — 171000, на аэродромное и шоссеное строительство — 268000, строительство оборонительных рубежей — 200000 человек. Лагерная рабочая сила НКВД СССР

¹⁷⁵ Отдельные исследователи считают это ее преимуществом (см., напр.: *Родионов А. В. Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны (1941-1944) // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 4. С. 382–387).*

¹⁷⁶ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.

по заявкам выделялась, в том числе, 640 предприятиям и строительством других наркоматов¹⁷⁷.

В первую очередь стратегическим направлением являлось строительство военных и военно-промышленных объектов, предприятий тяжелой индустрии, транспортных магистралей. За годы войны объем строительных работ, выполняемых силами заключенных, находящихся в ведении НКВД СССР, достиг в целом по стране 15%.

Прежде всего, данное направление включало авиационное и аэродромное строительство. Так, в 1941-1944 гг. НКВД СССР сдал в эксплуатацию 612 оперативных аэродромов и 230 аэродромов со взлетно-посадочными полосами¹⁷⁸. Осенью 1941 г. в кратчайшие сроки были эвакуированы из западных регионов и запущены на новом месте Куйбышевские авиационные заводы (например, из Москвы доставили оборудование, материалы и сотрудников Государственного авиационного завода № 1 им. И. В. Сталина и Моторного завода № 24 им. М. В. Фрунзе, из Воронежа переехал Авиационный завод № 18). Работы велись Управлением особого строительства НКВД СССР (Особстрой) силами заключенных Безымянлага. Уже в декабре 1941 г. было организовано полноценное серийное производство боевых самолетов. Аналогичная работа была проделана в Омске на базе Авиационного завода № 166, куда были эвакуированы авиационные заводы № 81 и 156 из Москвы и № 29 из Запорожья).

Не менее важным в стратегическом плане являлось также магистральное строительство. Согласно отчетам НКВД СССР, за годы войны заключенными было построено 3,5 тыс. км. железных дорог и 5 тыс. км. автомагистралей. Так, например, летом 1942 г. начались работы по строительству железнодорожной магистрали Казань-Сталинград, в ходе которых в максимально короткие сроки — 6 месяцев было построено 6 железнодорожных веток общей протяженностью 1100 км. К работам были привлечены «окруженцы», заключенные лагерей и население территорий пролегания магистрали. 1 ноября 1942 г. магистраль уже была сдана в эксплуатацию, что позволило перебросить в район боев значительные резервы личного состава

¹⁷⁷ Там же. С. 60—86.

¹⁷⁸ Федотова И. Н. Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны: народно-хозяйственный профиль ГУЛАГа // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 126.

армии и боевой техники и обеспечить условия для перехода Красной Армии в контрнаступление, а в дальнейшем — перелом в войне в целом¹⁷⁹. 22 января 1943 г. Приказом НКВД СССР № 00106 для строительства железной дороги Кулунда-Михайловское в Западной Сибири в ведении ГУЛЖДС был организован Алтайский исправительно-трудовой лагерь (Алтайлаг), в котором на 1 февраля 1943 г. содержалось 6473 заключенных, из них 5000 человек были переброшены из Нижне-Амурского ИТЛ вместе с механизмами и оборудованием¹⁸⁰.

Стратегическими отраслями народно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа в годы войны также стали металлургическая и топливная промышленность. Так, например, на Воркутинском угольном месторождении в сравнении с предвоенным 1940-м годом в годы войны заключенными было добыто в 1941 г. — 118%, в 1942 — 271%, в 1943 — 603%, в 1944 — 871%, а в 1945 — 1110% угля. Всего же за период войны в Печерском угольном бассейне силами заключенных было добыто 8,5 млн. тонн угля, что более чем в 8 раз превышало довоенный период¹⁸¹.

Норильский горно-металлургический комбинат силами заключенных Норильского ИТЛ (Норильлага) за годы войны увеличил выпуск никеля в 7,7 раз, выплавку меди — в 8 раз. При этом за годы войны в Норильлаге умерло 7223 заключенных. Государственный трест «Дальстрой» также в 16,6 раза превысил объемы добычи олова, в 1,3 раза — золота. В целом удельный вес продукции предприятий НКВД СССР в области производства цветных металлов в целом по стране достиг 82% — по олову, 71% — по никелю, 65% — по платине и палладию, 34% — по вольфраму, 27% — по молибдену¹⁸².

Помимо этого приоритетными и стратегическими строительными силами заключенных являлись такие как металлургические

¹⁷⁹ Исправительная система в годы Великой Отечественной войны: неизвестные страницы истории, мифы и реальность, ее боевой и трудовой вклад в Великую Победу. Владимир, 2005. С. 56—57.

¹⁸⁰ Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М. : Звенья, 1998.

¹⁸¹ Гулаговские тайны освоения Севера / Е. В. Маркова, В. А. Волков, А. Н. Родный, В. К. Ясный ; отв. ред. И. С. Пашковский. М. : Стройиздат, 2001. С. 37—59.

¹⁸² Федотова И. Н. Указ соч. С. 128.

комбинаты в Нижнем Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Джидинский комбинат, Богословский алюминиевый завод, Северо-Печерская железно-дорожная магистраль, железная дорога Комсомольск-Совгавань, Куйбышевский нефтеперегонный завод и многие другие.

В местах начала новыхстроек и размещения новых промышленных объектов, в ряде случаев необжитых и необустроенных, создавались новые исправительно-трудовые лагеря НКВД. В частности, летом 1941 года были организованы Челябинский (Бакаллаг, позже Челябинлаг) и Тагильский (Тагиллаг) лагеря, специализировавшиеся на черной металлургии. В ноябре 1941 г. из состава Воркутлага был выделен Интинский лагерь, на который было возложено проведение работ по освоению месторождений Интинского угольного бассейна. В ноябре 1942 г. в Пензенской области с целью строительства нескольких ГЭС были организованы Широковский и Поньшский лагеря. Всего за военный период в составе ГУЛАГа было создано 40 новых исправительно-трудовых лагерей¹⁸³.

Безусловно, данные направления требовали определенной подготовки и квалификации. Порядок учета и направления осужденных в те или иные лагеря позволял учитывать как уровень подготовки и квалификации осужденных, так и профиль соответствующего лагеря¹⁸⁴. Прежде всего, это касалось лагерей специального профиля, в которых требовалась не просто рабочая сила, а узкопрофильные специалисты. Соответственно, заключенные, имевшие те или иные специальности, ставились на учет для последующего распределения на производственные объекты. Так, в частности, за годы войны исправительно-трудовые лагеря и производства получили порядка 40000 специалистов и квалифицированных рабочих — металлургов, шахтеров, инженеров, нефтяников, геологов, горняков, железнодорожников, угольщиков и др.¹⁸⁵ Налаженный учет специалистов позволял ГУЛАГу

¹⁸³ *Очередько В. П., Смирнов Л. Б.* Пенитенциарная система Советского государства в предвоенные и военные годы (1930-1945 гг.) и ее роль в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 66.

¹⁸⁴ См.: Инструкция по учету рабочей силы из заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях 1938 г., введенная Указанием начальника ГУЛАГа НКВД СССР № 6/1356011.

¹⁸⁵ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60—86.

маневрировать профильной рабочей силой, обеспечивать качество выполняемых работ и повышать эффективность производственно-хозяйственной деятельности в целом¹⁸⁶.

Помимо этого для восполнения недостатка в квалифицированной рабочей силе ГУЛАГом совместно с производствами в лагерях и колониях организовывалось массовое обучение заключенных. В период войны в общей сложности такую подготовку прошли 300000 заключенных, которые использовались на строительствах и предприятиях НКВД СССР. При этом упор делался, прежде всего, на металлургическую и топливную отрасли. В связи с чем на целом ряде производств, строительствах, комбинатов и предприятий этих отраслей все квалифицированные работы на всех этапах проводились рабочей силой из числа заключенных¹⁸⁷.

Помимо этого ГУЛАГ НКВД оказывал содействие другим наркоматам посредством направления рабочей силы из числа заключенных для предприятий и строительства иной ведомственной принадлежности. В августе 1944 г. таких объектов насчитывалось 640, что почти в два раза превышало аналогичный довоенный показатель. При этих предприятиях ГУЛАГом были организованы 380 специальных исправительно-трудовых колоний НКВД, в которых содержалось 225000 заключенных.

17 февраля 1942 г. Приказом НКВД СССР «Об организации в составе УИТК ГУЛАГа НКВД СССР отдела производства военной продукции» в составе Управления исправительно-трудовых колоний ГУЛАГа был создан самостоятельный отдел производства военной продукции, который осуществлял единую координацию, планирование и руководство деятельностью всех предприятий НКВД, работающих на нужды фронта и изготавливающих боеприпасы, военное обмундирование и снаряжение и пр. Функционирование данного отдела позволила максимально мобилизовать ресурсы и координировать работу колоний ГУЛАГа по выполнению оборонного заказа.

Заключенные колоний направлялись на работу на важнейшие оборонные предприятия и строительства для нужд обороны. В част-

¹⁸⁶ Подробнее об этом см.: *Исаков В. М., Мельник Е. В.* Правовые формы организации труда заключенных в местах лишения свободы в период 1930-1940 гг. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 67–76.

¹⁸⁷ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.

ности, на производство боеприпасов и вооружения было выделено — 39000 человек, для авиационной и танковой промышленности — 20000, черной и цветной металлургии — 40000, угольной и нефтяной промышленности — 15000, электропромышленности — 10000, лесной промышленности — 10000. Таким образом, заключенные выполняли в строительстве 34% от всего объема работ, в лесозаготовке и деревообработке — 43%, погрузочно-разгрузочные работы — 30%, на заводах и в производственных цехах — 25%, горнорудные работы — 11%¹⁸⁸.

В течение 1941-1942 годов 35 промышленных колоний НКВД были перепрофилированы на выпуск боеприпасов. Уже в первом полугодии 1942 г. ими было освоено 17 новых видов боеприпасов, выпуск которых на тот период составил более 4,5 млн. единиц¹⁸⁹. За 1941-1944 годы трудом заключенных было произведено почти 78 млн. единиц боеприпасов. При этом выпуск с каждым годом значительно нарастал: 1941 — 770 тыс., 1942 — 15,5 млн., 1943 — 21,7 млн., 1944 — 40 млн. единиц¹⁹⁰.

Для обеспечения армии обмундированием было организовано 20 швейных предприятий. За 1942-1944 годы ими было переработано 67 млн. метров ткани, из которой было изготовлено 22 млн. единиц военного обмундирования. Помимо этого ГУЛАГ был основным поставщиком кожтехнических изделий для нужд обороны. Так, Кунгурская ИТК № 5 в 1941 году поставила кожтехнических изделий на 2,4 млн. руб., в 1942 — на 48,6 млн. руб., в 1943 г. — на 51 млн. руб. При этом, с 1942 года было освоено производство кожзама¹⁹¹.

Бакинской промышленной колонией, которая специализировалась на средствах связи, за 1941-1944 годы было изготовлено и поставлено на фронт около 14 тыс. источников питания для раций¹⁹².

¹⁸⁸ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60—86; Федотова И. Н. Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны: народно-хозяйственный профиль ГУЛАГа // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 130.

¹⁸⁹ Сиганова Т. В. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2004. № 4(29). С. 42.

¹⁹⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. С. 289—291.

¹⁹¹ Там же. С. 291—292.

¹⁹² Там же. С. 292—293.

В целях удовлетворения потребностей страны в металле ГУЛАГом было дополнительно создано 10 литейных цехов, 17 печей для переплавки чугуна и 38 печей для термической обработки металла¹⁹³.

В годы войны ГУЛАГ также стал одним из ключевых поставщиков сельскохозяйственной продукции. К 1944 году действовало 414 исправительно-трудовых подразделений сельскохозяйственного профиля, в том числе 3 лагеря (Карагандинский, Сибирский, Средне-Бельский), 96 сельскохозяйственных колонии и 315 подсобных хозяйств. В общей сложности данные подразделения обрабатывали 441 тыс. га пахотной земли.

Животноводческими хозяйствами ГУЛАГа была увеличена численность и воспроизводство поголовья скота. За 1941-1943 годы было сдано в забой животных живым весом 42 тыс. тонн, получено молока 112 тыс. тонн, выработано животного масла 2,6 тыс. тонн.

Кроме того, ГУЛАГом было организовано рыболовное хозяйство, которое было представлено 1 рыболовецким лагерем — Астраханским, 8 рыболовецкими колониями и 45 подсобными рыбными хозяйствами. За 1941-1944 годы данными подразделениями было выловлено и обработано 420 тыс. центнеров рыбы.

Для удовлетворения потребностей в сублимированных (сушеных) продуктах (сухофруктах) с 1942 года в хозяйствах ГУЛАГа было организовано 16 сушильных предприятий, которые производили в год 2 тыс. тонн сухофруктов¹⁹⁴.

В целях удовлетворения производственно-хозяйственных и строительных потребностей в древесине ГУЛАГом было организовано лесное хозяйство, в рамках которого осуществлялась дровазаготовка, деревообработка и изготовление изделий из древесины. Работа велась в контакте с Наркомлесом и Главлесохраной.

Продукция данной отрасли в условиях войны имела огромное значение. Прежде всего, был налажен выпуск материалов для военных нужд (авиационная сосна, авиационная фанера, авиабруски, ружейная болванка, ствольная болванка, пиломатериалы и пр.). Обеспечивалось изготовление специальной деревянной тары для боеприпасов (спецукупорки). При этом 14 колоний были с нуля перепрофилированы на изготовление спецукупорки. За годы войны было изготовлено 20,7 млн. комплектов спецукупорки.

¹⁹³ Сиганова Т. В. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2004. № 4(29). С. 42.

¹⁹⁴ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60—86.

Организовывалась поставка стройматериалов, дров и сырья для целлюлозно-бумажной промышленности. Более 600 кубометров древесины были направлены на восстановление Днепровских и Керченских мостов и оборонных заводов.

Лесозаготовки организовывались вблизи лагерей и колоний лесного профиля и были рассредоточены по 43 краям и областям Союза ССР. В целом лагерями и колониями НКВД за годы войны было заготовлено 90 млн. кубометров древесины¹⁹⁵.

В целом в период войны выработка заключенных на один человеко-день составляла 21 руб. (до войны — 9,5 руб.). Валовая выработка только по зарплате составляла 1 млрд. руб., что в два раза превышало довоенные показатели¹⁹⁶.

Безусловно, такие масштабы и объемы производства достигались за счет жесткой и беспощадной эксплуатации труда заключенных. В результате проведенных мероприятий выходы заключенных на работу составляли 83,5% (до войны этот показатель составлял 78%). Продолжительность рабочего времени заключенных была доведена до 12-16 часов в зависимости от отрасли, предприятия и характера труда. Нормы выработки были увеличены на 30-50%¹⁹⁷.

Еще одной зоной ответственности ГУЛАГа в период войны являлось обеспечение исполнения уголовного наказания в виде исправительно-трудовых работ без лишения свободы, включая удержания из заработной платы осужденных отчислений в доход государства. Данный вид наказания также был весьма эффективен, поскольку обеспечивалось и исполнение осужденными своих трудовых функций и отчисления в госказну. Вместе с тем, число осужденных, отбывающих это наказание, уменьшилось по сравнению с довоенным почти в два раза: с 1264000 до 700000 человек. Причиной этого стало злостное уклонение от отбытия данного вида наказания в форме прогулов. Вместе с тем, за 1941-1944 военные годы с данной категории осужденных в доход государства было взыскано 970 млн. руб.¹⁹⁸

¹⁹⁵ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. С. 294.

¹⁹⁶ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60-86.

¹⁹⁷ *Реент Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы России: учебник. С. 211.

¹⁹⁸ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60—86.

В годы войны, как отмечало, лагерное руководство, все хозяйственные подразделения ГУЛАГа осуществляли свою производственную деятельность и содержание заключенных на основе полной окупаемости. Помимо этого объем товарной продукции, выпущенной промышленными предприятиями ГУЛАГа за 1941-1943 годы, в отпускных ценах составил 3651000000 руб., сельскохозяйственной продукции — 1188000000 руб., поступления за выделяемую рабочую силу другим наркоматам — 2570000000 руб. Общий объем оборота за три военных года со всеми поступлениями и доходами составил 10668000000 руб. Ежегодные перечисления ГУЛАГа в доход государства год от года возрастали: если в 1940 г. они составляли 446000000 руб., то в 1943 г. — уже 1029000000 руб., т. е. увеличились в 2,2 раза. Всего за годы войны было перечислено в госбюджет 2650000000 руб., в том числе 300000000 руб. сверх плана.

Руководство ГУЛАГа с гордостью рапортовало, что грамотная поставленная в лагерях и колониях политическая и воспитательная работа среди заключенных давала свои положительные результаты. Так, имела место массовая добровольная сдача личных вещей, денег и облигаций госзаймов в фонд обороны страны, приобретение за наличный расчет облигаций государственных военных займов. В целом в фонд обороны страны от заключенных в добровольном порядке в военные годы поступило: в 1941 году — свыше 250 тыс. руб., в 1942 — свыше 2 млн. руб., в 1943-1944 годах — 25 млн. руб.¹⁹⁹ Безусловно, о добровольности таких жертвований говорить не приходится. Заключенных просто лишали всего, что они имели. Администрация лагерей и колоний и руководство ГУЛАГа таким образом набирали очки в глазах вышестоящего начальства, рапортуя о выполнении планов, нормативов и показателей.

Существует альтернативное мнение, что народно-хозяйственная роль ГУЛАГа в период войны существенно преувеличена и была не столь значительна и значима²⁰⁰, однако цифры и факты говорят сами за себя.

При этом материально-бытовое обеспечение и условия содержания в исправительно-трудовых учреждениях, мягко говоря, были крайне скудными, что безусловно негативно отражалось на физическом состоянии заключенных и снижало их трудоспособность.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ См., напр.: *Суржик Д. В.* Роль ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6. С. 33—39.

Так, официальные данные свидетельствуют о том, что уже в первый год войны привел к значительным изменениям физического профиля и уровня трудоспособности заключенных в сторону снижения. Если в 1940 году группа лиц, годных к тяжелому и среднему физическому труду, составляла 61% к общему числу заключенных, то в 1942 году таких заключенных насчитывалось лишь 36 %. Число заключенных, пригодных к легкому труду, наоборот, возросло на 23% (с 15,6% в 1940 г. до 38,3%, в 1942 г.), а ослабленных и инвалидов – на 1,9%. (с 23,6% в 1940 г. до 25,5%, в 1942 г.). В качестве причин такого положения руководство ГУЛАГа называло эвакуацию заключенных, значительную перенаселенность в лагерях и колониях, ухудшение санитарно-бытовых условий.

В частности, жилая площадь на одного заключенного в период войны составляла гораздо меньше 1 кв.м., 80% заключенных размещались на сплошных двух- и трех-ярусных нарах. В целях стимулирования заключенных к самоотверженному труду для рекордистов и отличников производства в зоне несколько улучшались бытовые условия: выделялись специальные бараки из расчета 3 кв. м. площади на человека, которые были оборудованы койками с комплектом постельных принадлежностей²⁰¹.

Нормы питания заключенных находилось в прямой зависимости от норм выработки (такая система называлась «котловкой»). При этом градация норм питания в военные годы менялась несколько раз в сторону уменьшения пайка²⁰². Например, в конце 1942 года за выработку производственной нормы заключенному полагалось 700 гр. хлеба, за выработку 125% нормы – 800 гр., за 80-90% нормы – 600 гр., меньше 80% – 500 гр., менее 50% – 400 гр. Симулянты и

²⁰¹ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60–86.

²⁰² Относительно довоенных норм питания и вещевого обеспечения заключенных в тюремно-лагерной системе НКВД СССР см.: Приказ НКВД СССР от 14 августа 1939 г. № 00943 г. «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных ИТЛ и ИТК НКВД СССР» // <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/390814.htm>; Приказ НКВД СССР от 31 декабря 1939 г. № 001560 «О введении с 1 января 1940 г. новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в тюрьмах Главного тюремного управления НКВД СССР» // Содержание под стражей в РСФСР и СССР : сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. М. ; Тюмень : Изд. ТюмЮИ МВД РФ, 2003. С. 210–212.

штрафники получали 300 гр. хлеба, а в больничном бараке можно было рассчитывать на 550 гр. хлеба²⁰³. В 1944 году руководство ГУЛАГа констатировало, что существовавшие на тот момент нормы питания заключенных со всеми дополнительными пайками по калорийности на 30% уступали довоенным²⁰⁴.

Недостаточно обеспечивалась потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии. Так, например, потребность заключенных в хлопчатобумажным тканях покрывалась лишь на 40%, а в обуви — на 35%. Внутри системы была организована, так называемая, переработка одежды и обуви, которая пришла в негодность или оставалась после умерших заключенных. В лучшем случае ГУЛАГ получал от НКО выбракованное военное обмундирование, которое в целом конечно не решало проблемы. Так, например, в военные годы со складов НКО ГУЛАГу были выделены 250000 пар обуви и 130000 комплектов шаровар и телогреек. Для заключенных это безусловно было роскошью, и до конечного потребителя доходило и того меньше.

Даже по субъективным оценкам самого руководства ГУЛАГа общая потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии была удовлетворена только на 70–80%.

Еще одной существенной проблемой тюремно-лагерной системы являлась заболеваемость заключенных, прежде всего, инфекционными заболеваниями, снижающими трудоспособность и представляющими опасность для жизни.

Если в первом полугодии 1941 года заболеваемость заключенных составляла 6,7%, то к 1943 году она возросла до 22%. В 1942 году имели место вспышки таких заболеваний, как холера (217 случаев) и дизентерия (2945 случаев), а в 1943 году — вспышка сыпного тифа (2787 случаев)²⁰⁵.

Наряду с этим по причине беспощадной эксплуатации, крайней скудности материально-бытового обеспечения и условий содержания в исправительно-трудовых учреждениях в военное время резко возросла смертность среди заключенных. Так, в 1941 г. в лагерях и колониях умерли 100997, в 1942 г. — 248877, в 1943 г. — 166967

²⁰³ *Шмарева Е.* Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе . URL: <https://zona.media/article/2016/16/11/deutsch-2>

²⁰⁴ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60–86.

²⁰⁵ Там же.

заключенных. Всего в течение 1941-1945 гг. в системе ГУЛАГа были погребены 621637 заключенных²⁰⁶.

17 марта 1944 г. в связи со значительным увеличением в период войны переселений и появлением новых контингентов спецпереселенцев с Северного Кавказа, из бывшей Калмыцкой АССР, Крыма и Закавказья в северные и восточные области СССР в составе НКВД СССР был создан самостоятельный отдел спецпоселений.

На 1 июня 1944 г. количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа снизилось с 2,3 млн. до 1,2 млн. человек. За период с 1941 г. по 1 июня 1944 г. из лагерей и колоний ГУЛАГа убыло 2,9 млн. и вновь поступило 1,8 млн. осужденных²⁰⁷. По состоянию на 1 июля 1944 г. в ведении ГУЛАГа находилось 1549 инспекций исправительно-трудовых работ, 424 исправительно-трудовых колонии и 56 исправительно-трудовых лагерей, в состав которых входили 910 отдельных лагерных подразделений. Штатная численность данных подразделений без учета военизированной охраны составляла 85000 единиц. Центральный аппарат самого Главка состоял из 3 управлений и 13 самостоятельных отделов со штатной численностью 525 единиц²⁰⁸.

За время войны в общей сложности было вновь организовано 40 ИТЛ, 11 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД-УНКВД²⁰⁹. На 1 января 1945 г. общее число заключенных ИТЛ и ИТК составляло 1460677 человек, в спецпоселениях находились 599477 человек (в том числе 216588 детей)²¹⁰. Кроме того, в 1943-1945 годах через приемники-распределители прошло 842144 бездомных подростков, из которых 52830 человек были осуждены и приговорены к лишению свободы с отбыванием в трудовых колониях²¹¹.

²⁰⁶ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 124.

²⁰⁷ *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 10–27.

²⁰⁸ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60–86.

²⁰⁹ *Дашин А. В.* Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 100.

²¹⁰ *Тимофеев В. Г.* Указ. соч.

²¹¹ *Сагдиев Т.* Дети в ГУЛАГе: как несовершеннолетние сидели в сталинских лагерях. URL: <https://russian7.ru> (дата обращения: 07.04.2019).

В целом, на 1 апреля 1945 г., под внешней охраной 7-ми дивизий и 7-ми бригад конвойных войск НКВД СССР находилось 710 различных объектов²¹².

Помимо этого расширялся спектр и профиль исправительно-трудовых учреждений. Так, 27 декабря 1941 г. решением Государственного комитета обороны СССР № 1066-сс для проверки военнослужащих РКА, находившихся в плену, выходивших из окружения вне состава своей части и при прочих подозрительных обстоятельствах, а также лиц, обнаруживаемых наступающими советскими войсками на освобождаемой от противника территории (полицейские, старосты и иные пособники оккупационных властей; гражданские лица призывного возраста, находившиеся на оккупированных территориях), была создана особая группа исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР — спецлагеря, которые позднее получили наименование проверочно-фильтрационные. Всего с января 1942 г. по июнь 1945 г. на территории СССР было развернуто 68 таких лагерей, через которые прошли 401400 человек. Данные спецлагеря изначально находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных лиц. 19 июля 1944 г. Приказом НКВД СССР № 0149 «О передаче спецлагерей НКВД СССР в ведение ГУЛАГа НКВД СССР»²¹³ они были переданы под юрисдикцию ГУЛАГа. 28 августа 1944 г. Приказом НКВД СССР № 001063 «О создании проверочно-фильтрационных пунктов НКВД СССР по приёму и фильтрации бывших военнослужащих Красной Армии и гражданского населения, возвращающихся на территорию Советского Союза из фашистского плена» на базе отдела спецлагерей ГУЛАГа был создан самостоятельный Отдел спецлагерей НКВД СССР, который в январе 1945 г. был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) НКВД СССР²¹⁴.

Спецконтингент предписывалось размещать в специальных сборно-пересыльных пунктах с целью обеспечения работы особых отде-

²¹² Тимофеев В. Г. Указ. соч.

²¹³ История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 241.

²¹⁴ Подробнее см.: Латышев А. В. Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941-1945) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6(361). История. Вып. 63. С. 72—79.

лов военной контрразведки СМЕРШ по их проверке и выявлению среди них изменников родине, шпионов и дезертиров. На период фильтрации и проверки, в соответствии с решениями ГКО СССР, контингент спецлагерей активно использовался в народнохозяйственных целях, в основном на предприятиях оборонной промышленности: в угольной отрасли, на работах по восстановлению разрушенных и строительству новых предприятий. После проверки их либо вновь направляли в действующую армию, либо осуждали на длительные сроки и направляли в лагеря ГУЛАГа, либо в административном порядке отправляли на стройки НКВД. Так, 22 апреля 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ»²¹⁵, в соответствии с которым НКВД СССР были организованы каторжные отделения в Воркутинском и Северо-Восточном лагерях с установлением особого режима и созданием условий наиболее строгой изоляции. Изменники и предатели использовались на наиболее тяжелых подземных работах в угольных шахтах и при добыче золота и олова. Уже к июлю 1943 г. на данных работах было занято 60021 человек. 17 июля 1943 г. была принята Временная инструкция, которая определяла порядок учета и этапирования осужденных к каторжным работам в специально организованных по приказу НКВД СССР отделениях в Воркутлаге, Норильлаге, Севвостоклаге, Дальстрое и Карагандинском ИТЛ²¹⁶.

Таким образом, ПФЛ стали ещё одним инструментом по решению хозяйственных задач с использованием принудительного труда ещё одной категории заключённых, которых можно было эксплуатировать в качестве дешевой рабочей силы.

Еще одним изобретением изошренной советской системы в данный период является мобилизация населения для исполнения принудительной трудовой повинности, так называемая, трудовая армия.

«Трудовая армия» комплектовалась, прежде всего, из представителей «провинившихся» народов, то есть советских граждан, этнически родственных населению воюющих с СССР стран: немцев, финнов, румын, венгров, болгар, итальянцев, корейцев. Трудовую повинность отбывали также украинцы, эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, калмыки, башкиры, татары. При этом мобилизация немцев в «тру-

²¹⁵ Сайт Мемориал. URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/430419.htm> (дата обращения: 03.04.2019).

²¹⁶ Тимофеев В. Г. Указ. соч.

дармию» началась уже с конца 1941 года, а рабочие отряды и колонны из граждан других неблагонадежных наций и национальностей начали формироваться в конце 1942 года.

Советские немцы в связи с войной принудительно переселялись из европейской части страны в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, поскольку, по мнению руководства страны, представляли потенциальную опасность²¹⁷. Так, депортации были подвергнуты жители Республики Немцев Поволжья²¹⁸, а также немцы, проживавшие на территории Ленинградской области, Москвы и Подмосковья, Крыма, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Воронежской, Горьковской и Тульской областей, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Запорожья, Сталинской и Ворошиловградской областей. Также переселению подлежали немцы Грузии, Азербайджана и Армении. Операции проводились спешно, на каждую выделялись по несколько тысяч солдат и офицеров войск НКВД. Уже к концу 1941 г. число таких переселенцев превысило 800000 человек. Все они были доведены до крайне нищенского существования и находились в крайней степени отчаяния, пытаясь просто выжить в суровых условиях²¹⁹.

Степень напряженности в данном вопросе нарастала, и он требовал своего разрешения. Выходом из данной ситуации стало решение о массовой принудительной мобилизации трудоспособного на-

²¹⁷ См., напр.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Немцы в России: история и судьба / Н. Э. Вашкау. Волгоград : ВГУ, 1994. С. 68; Приказ НКВД СССР от 27 августа 1941 г. № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» // История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. С. 455—457.

²¹⁸ Сама Республика Немцев Поволжья как административно-территориальная единица СССР была упразднена и расформирована (см.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. М. : Госюриздат, 1956. С. 41).

²¹⁹ Подробнее см., напр.: *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев России : учеб. пособие. М. : МСНК-Пресс, 2005. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/63>

селения немецкого происхождения, что позволяло, во-первых, снизить социальную напряженность в местах массового скопления депортированного контингента, направив их потенциал в иное русло, а также дать им возможность самоотверженным трудом доказать свою приверженность советским идеалам, во-вторых, пополнить советскую систему принудительного труда новыми человеческими ресурсами. Причем данные лица даже ни в чем не обвинялись и к ним официально не были применены меры уголовно-правового воздействия. Формально они не относились к числу заключенных.

Началом трудовой мобилизации послужило Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) СССР от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР»²²⁰, которым были утверждены предложения НКВД СССР. В частности, немцев, состоявших на учете как антисоветский элемент, надлежало арестовать. Остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет предписывалось НКО мобилизовать в строительные батальоны и передать в ведение НКВД для использования в восточных областях СССР. В итоге НКО были сформированы 13 батальонов общей численностью 18600 человек, которые были направлены на 4 объекта НКВД (Ивдельлаг, Кимперсайлаг, Соликамбумстрой и Богословстрой) и уже в сентябре приступили к работам²²¹.

На 1 января 1942 г. на строительствах и в лагерях НКВД работало 20800 мобилизованных немцев, ещё несколько тысяч трудилось в рабочих колоннах и отрядах, приданных другим наркоматам²²².

10 января 1942 г. вышло секретное Постановление ГКО СССР № ГКО-1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», которое было направлено на обеспечение рационального использования данного контингента. Документ предписывал всех немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет, годных к физическому труду, выселенных в Новосибирскую и Омскую области, Красноярский и Алтайский края и Казахскую ССР, мобилизовать в рабочие колонны на все время войны. Надлежало мобилизовать 120000 человек, которых предписывалось передать в ведение НКВД (45000 чел. — на лесозаготовки, 35000 чел. — на строительство Бакальского и Богословского заводов) и НКПС (40000

²²⁰ URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58835> (дата обращения: 21.10.2019).

²²¹ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. Указ. соч.

²²² Там же.

чел. — на строительство железных дорог Сталинск-Абакан, Сталинск-Барнаул, Акмолинск-Карталы, Акмолинск-Павлодар, Сосьва-Алапаевск, Орск-Кандагач, Магандагорск-Сара). Проведение операции возлагалось на НКО, НКВД и НКПС СССР, срок устанавливался в 20 дней. Во исполнение данного постановления 12 января 1942 г. был подписан Приказ НКВД СССР № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД»²²³, которым решались организационные вопросы. Мобилизованные немцы в количестве 80000 человек распределить на работы по исправительно-трудовым лагерям НКВД: Ивдельлаг — 12000, Севураллаг — 12000, Усольлаг — 5000, Вятлаг — 7000, Устьвымлаг — 4000, Краслаг — 5000, Бакаллаг — 30000 человек. При этом оперативно-чеккистским отделам ГУЛАГа и отдельных лагерей предписывалось организовать агентурно-оперативное обслуживание мобилизованного контингента, заблаговременно пресекать любые попытки разложения дисциплины, саботажа и дезертирства.

При этом неявка мобилизованных на призывные или сборные пункты для отправки, нарушение ими по месту нахождения дисциплины, отказ от работы, дезертирство влекли привлечение к уголовной ответственности вплоть до применения высшей меры наказания. Дела на привлекаемых к уголовной ответственности мобилизованных были отнесены к подведомственности Особого совещания НКВД СССР.

Таким образом, мобилизованные отнюдь не считались свободными людьми и содержались в лагерных условиях. Контроль за мобилизацией и содержание мобилизованных возлагались на НКВД СССР.

14 февраля 1942 г. Постановлением ГКО № ГКО-1281сс «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках»²²⁴ был значительно расширен перечень территорий, с которых немцы подлежали мобилизации, а 7 октября 1942 г. Постановлением ГКО № ГКО-2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР»²²⁵ также был расширен круг немцев, подлежащих трудмобилизации: мужчины в возрасте от 15

²²³ Там же.

²²⁴ URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html>.

²²⁵ Там же.

до 16 и от 51 до 55 лет, а также женщины в возрасте от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет). Во исполнение данного постановления в трудармию дополнительно были мобилизованы 123500 человек, в том числе 70800 мужчин и 52700 женщин²²⁶.

Советский немец, прошедший через трудмобилизацию в лагерях Челябинской области, Герхард Вольтер так описывал происходящее, не скрывая досады и возмущения: «Окончательно рухнула моя надежда попасть в армию в Новочеркасском военкомате, что в Акмолинской области, куда нас выселили снежной осенью 1941 года и откуда в конце января 42-го отправляли, — уже не скрывая, что не на фронт, а по “трудмобилизации”. <...> Да, мечтал в Красную Армию, а попал в концлагерь, как враг Советской власти или уголовный преступник! <...> Да и “посадили”-то как! Через военкомат, по форменной повестке: “с кружкой, ложкой, десятидневным запасом продовольствия”, будто и впрямь на фронт призывают»²²⁷.

Одновременно с сентября 1941 года имел место отзыв военнослужащих немецкой национальности из Красной Армии, из числа которых также формировались строительные батальоны. Также в «трудармию» направлялись освобожденные советские военнопленные и остарбайтеры призывного возраста, прошедшие спецпроверку и не уличенные в связях с врагом, которые признавались годными к военной службе и подлежащими мобилизации в Красную Армию. Позднее отдельные рабочие батальоны формировались из военнопленных стран «оси» и интернированных лиц, которые направлялись на работы на различных предприятиях оборонной и сырьевой промышленности СССР. Исследователи также относят их к общему явлению «трудармии»²²⁸.

29 апреля 1942 г. совместной Директивой НКВД СССР и Генпрокуратуры СССР № 185 отбывших наказание немцев предписывалось вместо освобождения из лагеря переводить в «рабочие

²²⁶ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. Указ. соч.

²²⁷ См.: Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев / под ред. В. Ф. Дизендорфа; Межгос. совет рос. немцев; Акад. наук рос. немцев. изд. 2-е, доп. и испр. М.: Варяг, 1998.

²²⁸ См., напр.: *Малясова Н. Б.* Организация и функционирование отдельного рабочего батальона военнопленных и интернированных № 1115 в 1946-1949 годах // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 41–43.

колонны»²²⁹. То есть, как верно подмечает историк, переводчик и общественный деятель Виктор Дизендорф, «трудармия и «обычный» ГУЛАГ представляли собой <...> настоящие сообщающиеся сосуды»²³⁰.

По данным исследователей, за годы войны около 182000 трудмобилизованных немцев работали на объектах НКВД, еще около 133000 были приписаны к объектам других наркоматов²³¹. В целом, по официальным данным самого ГУЛАГа, за период 1942-1944 годов было мобилизовано для исполнения трудовой повинности свыше 400000 человек, из которых 220000 человек были переданы в ведение НКВД, а 180000 — других наркоматов. Мобилизованный контингент использовался на лесозаготовках, в промышленности на добыче угля и нефти, на производстве вооружения, боеприпасов, черных и цветных металлов, а также на важнейших строительствах, в том числе сверхсекретных ядерных объектов с добычей ртути и на урановых рудниках. При этом выход мобилизованного контингента на основные производственные работы составлял 84%²³².

Вместе с тем, суровые условия труда и лагерный режим способствовали высокой смертности среди трудмобилизованных. Питание и снабжение трудмобилизованных было привязано к нормативам и требованиям ГУЛАГа. При этом, исследователи отмечают, что часто имели место факты занижения норм питания, поскольку, например, хлеб, предназначенный для трудмобилизованных, выдавался лагерному руководству, оперсоставу, бухгалтерии и иным вольнонаемным работникам²³³. По данным исследователей, только в 1942 году в лагерях НКВД умерло 11874 трудармейца, то есть более 10% от всех мобилизованных. В отдельных лагерях эти показатели были гораздо выше средних: в Севжердорлаге и в Соликамлаге в 1942 году умер каждый пятый трудмобилизованный, в Тавдинлаге скон-

²²⁹ СПС «Консультант Плюс».

²³⁰ *Дизендорф В. Ф.* Чтобы помнили: трудармия, лесные лагеря, Усольлаг // *Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД / МВД СССР, 1942-1947* / Э. А. Гриб, В. Ф. Дизендорф. М.: Обществ. Академ. наук рос. немцев, 2005. URL: <http://pmem.ru/2054.html> (дата обращения: 03.03.2019).

²³¹ *Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р.* Указ. соч.

²³² Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60–86.

²³³ *Маламуд Г.* Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942-1948 годах (приводится по: *Шмарева Е.* Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе. URL: <https://zona.media/article/2016/16/11/deutsch-2>).

чались 17,9% работавших там немцев, в Богословлаге — 17,2%²³⁴. Виктор Дизендорф, анализируя архивные материалы Усольяга, приходит к выводу, что первые партии трудмобилизованных понесли самые большие потери: из 4945 человек первого потока прибывших в этот лагерь умерли 2176, то есть 44%²³⁵.

Таким образом, советский тоталитарный режим продолжал проводить политику массовых политических репрессий и старался извлекать из этого максимальную экономическую выгоду.

Трудовая повинность и уголовная ответственность за уклонение от нее вводились и в отношении простых граждан — рабочих, служащих, колхозников. Так, 10 августа 1942 г. СНК СССР в Постановлении «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время»²³⁶ указал, что трудовые повинности граждан вводятся всякий раз по постановлению СНК СССР, а в местностях, объявленных на военном положении, также военными властями. Трудовая повинность объявлялась для выполнения оборонных работ и других военных надобностей, для заготовки топлива, для выполнения специальных строительных работ и других важнейших государственных заданий. Предусматривалось, что виновные в отказе или уклонении от трудовой повинности, а также в задержке лиц, работающих на предприятиях и в учреждениях и привлекаемых к трудовой повинности, подлежат уголовной ответственности «по законам военного времени». Помимо этого 26 декабря 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»²³⁷ самовольный уход с работы был объявлен трудовым дезертирством, за который наступала уголовная ответственность и предусматривалось уголовное наказание в виде тюремного заключения на срок от 5 до 8 лет. 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) своим Постановлением № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней»²³⁸ также объявили невыполнение колхозниками обязательного минимума трудодней преступлением.

²³⁴ Герман А. А., Иларионова Т. С., Плева И. Р. Указ. соч.

²³⁵ Дизендорф В. Ф. Указ. соч.

²³⁶ СДЗ СССР. Т. 30. Раздел XII. Книга вторая. С. 151.

²³⁷ СПС «Консультант Плюс».

²³⁸ Соц. законность. 1942. № 8. С. 1–2.

Заслуживают отдельного внимания и анализа решения, принятые руководством страны в связи с уголовно-правовым и уголовно-исполнительным воздействием в отношении немецко-фашистских захватчиков, а также изменников родины и шпионов из числа советских граждан, и их пособников. Безусловно, в условиях войны это были в меньшей степени правовые и в большей степени — политические, идеологические и эмоциональные решения, о соответствии которых международным гуманитарным нормам, а также основам союзного законодательства говорить не приходится.

19 апреля 1943 г. был принят секретный Указ Президиума Верховного Совета СССР № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников»²³⁹. Прежде всего, данный документ был наполнен эмоциональной риторикой: «злодеи», «изверги», «неслыханные зверства», «чудовищное насилие», «позорные преступления», «гнусные злодеяния», что обосновывало отмщение, возмездие и кару посредством применения симметричных, по мнению властей, ответных мер, поскольку констатировалось, имевшиеся и применяемые меры возмездия явно не соответствуют тяжести содеянного. В связи с этим для немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских фашистов, уличенных в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также для шпионов и изменников родины из числа советских граждан было предусмотрено наказание в виде смертной казни через повешение, а для их пособников из местного населения — ссылка на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет. Рассмотрение данных дел возлагалось на военно-полевые суды (ВПС), которые образовывались при военных дивизиях действующей армии. Приговоры ВПС надлежало приводить в исполнение немедленно. При этом повешение осужденных к смертной казни предписывалось производить публично, при народе, а тела повешенных оставлять на виселице в течение нескольких дней в целях устрашения, предупреждения и удержания местного населения от пособничества врагу.

Во исполнение данного указа 11 июня 1943 г. был издан Приказ НКВД СССР № 00968 «Об организации отделений каторжных

²³⁹ СПС «Консультант Плюс».

работ при исправительно-трудовых лагерях НКВД»²⁴⁰, которым утверждалась Инструкция о порядке содержания осужденных к каторжным работам в лагерях НКВД. Таким образом, исполнение наказания в виде ссылки на каторжные работы организовывалось на базе лагерей ГУЛАГа, при этом планировалась массовость его применения.

Предписывалось организовать отделения каторжных работ при нескольких ИТЛ: Воркутинский лагерь — на 10000 чел. для использования на работах по строительству новых угольных шахт и на подземных работах в действующих шахтах, Норильский лагерь — на 10000 чел. для работы на рудниках, шахтах, карьерах и кирпичных заводах, Северо-Восточный лагерь (Дальстрой) — на 10000 чел. Для работы по добыче золота и олова. Также при Карагандинском лагере было создано каторжное отделение для нетрудоспособных и больных, осужденных на каторжные работы. Руководство ГУЛАГа должно было организовать немедленную отправку осужденных вагонзаками сразу же после осуждения. Сопровождение и охрана осужденных в пути следования возлагалась на конвойные войска НКВД, которые должны были обеспечивать особо строгий режим.

Непосредственно в лагерях каторжные отделения организовывались отдельно от иных лагерных отделений, соответственно осужденные к каторжным работам размещались отдельно от остальных заключенных в особых бараках с решетками на окнах. Данные бараки отделялись от остальной лагерной зоны высоким забором, всегда находились на запоре и охранялись стрелками.

Для осужденных к каторжным работам устанавливался еще более жесткий порядок использования на работах:

- продолжительность рабочего дня устанавливалась на 1 час больше общелагерной нормы;
- на работу заключенные данной категории выводились только под усиленным конвоем;
- в течение первых двух лет данные заключенные использовались только в качестве чернорабочей силы;
- на должности старших, бригадиров и мастеров их назначать запрещалось;

²⁴⁰ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956) : сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М. : Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 113—115.

— в первую очередь они привлекались для выполнения особо тяжелых работ.

Кроме того, в течение первого года отбывания наказания запрещались переписка с родственниками, получение посылок, чтение книг и газет, а в последующие годы это допускалось только с разрешения начальника лагеря в качестве поощрения.

За отказ от работы, невыполнение нормы выработки, нарушение режима и неисполнение распоряжения администрации предусматривалась система взысканий:

— удлинение рабочего дня до 2-х дополнительных часов и перевод на более тяжелую работу;

— перевод на содержание в одиночном карцере на срок до 20 суток;

— арест и привлечение к уголовной ответственности с рассмотрением дел на Особом совещании НКВД СССР.

В дополнение к данному приказу 17 июля 1943 г. был издан Приказ НКВД СССР № 001241, которым была утверждена и объявлена Инструкция по учету и этапированию заключенных, осужденных к каторжным работам²⁴¹. Данным документом регламентировался особый порядок оперативного учета каторжников, их распределения, приема и этапирования. При этом подчеркивалось, что годных к труду каторжников на текущий момент в первую очередь следует направлять в Норильский лагерь.

В целом за 1943 год с момента издания Указа № 39 военнопольными судами было рассмотрено 848 уголовных дел в отношении различных категорий военных преступников и их пособников. Было осуждено 1060 человек, из которых 815 были приговорены к повешению, а 245 — к каторжным работам²⁴². На 1 июля 1944 г. в лагерях ГУЛАГа содержалось уже 5200 каторжников²⁴³. А к 20 мая 1945 г. количество каторжников увеличилось в разы и составило 29000 человек. При этом в связи с выполнением каторжниками преимущественно тяжелых работ в суровых условиях они достаточ-

²⁴¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (документ № 124).

²⁴² Кудоярова Г. Р. Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 29.

²⁴³ Доклад от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60—86.

но быстро утрачивали необходимую трудоспособность. Так, руководство НКВД констатировало, что из 29000 каторжных заключенных почти 10000 являются нетрудоспособными²⁴⁴. Однако на 1 сентября 1945 г. численность каторжников в лагерях ГУЛАГа составляла уже 38568 человек, из них 14162 заключенных находились в Воркутинском ИТЛ, 9001 — в Тайшетском ИТЛ, 7988 — в Северо-Восточном ИТЛ, 3023 — в Норильском ИТЛ и 172 — в Карагандинском ИТЛ²⁴⁵. При этом 125 каторжников были несовершеннолетними в возрасте до 17 лет²⁴⁶.

Таким образом, лица, осужденные к каторжным работам, составляли в годы войны и в послевоенный период отдельную многочисленную категорию заключенных, содержащихся в специальных отделениях исправительно-трудовых лагерей ГУЛАГа НКВД СССР.

В период войны руководство страны рассматривало в качестве одной из важнейших задач и предпосылок эффективной борьбы с захватчиками укрепление правопорядка и воинской дисциплины в армии. Эта работа выражалась не только в ужесточении мер наказания, но и в организации уголовно-правового и уголовно-исправительного регулирования, что обеспечивало результативность воздействия на преступность в армии, ее боеготовность и боеспособность, а, в конечном итоге, обеспечивало интересы обороны страны.

Специфика военного времени обусловила некоторые особенности исполнения уголовных наказаний в отношении военнослужащих. Во-первых, предусматривалась отсрочка исполнения наказания в виде лишения свободы до окончания военных действий с направлением виновных на фронт. Во-вторых, военнослужащие, отбывавшие наказание в виде содержания в дисциплинарном батальоне, были освобождены от данного наказания и также направлены на фронт. Возможность принятия таких решений была обеспечена еще Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 мая 1928 г. «О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Положения о военных трибуналах и воен-

²⁴⁴ Докладная записка заместителя наркомвнутдела СССР В. В. Чернышева наркомвнутделу СССР Л. П. Берия об опыте работы каторжан в Воркутлаг НКВД от 20.05.1945 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (документ № 39).

²⁴⁵ *Кудоярова Г. Р.* Указ. соч. С. 30.

²⁴⁶ История отечественных органов внутренних дел : учеб. для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. М. : NOTA BENE, 2005. С. 261.

ной прокуратуре»²⁴⁷, когда Основные начала уголовного законодательства СССР 1924 г. были дополнены соответствующей ст. 19.2, а ст. 28 УК РСФСР 1926 г. была дополнена соответствующим примечанием 2.

Учитывая обстановку военного времени, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 22 апреля 1942 г. № 8/м/1/у «О возможности и порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о дезертирстве в военное время»²⁴⁸ разъяснил, что в тех случаях, когда суд, исходя из конкретных данных дела, при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние, явка с повинной) признает более целесообразным направить подсудимого на фронт, то он вправе путем применения ст. 51 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик назначить в виде наказания длительный срок тюремного заключения без поражения в правах с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий и с направлением осужденного в действующую армию.

28 июля 1942 г. НКО СССР издал Приказ № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»²⁴⁹, который был направлен на борьбу с самовольным оставлением боевых позиций. Приказом предписывалось провести в армии ряд мероприятий и предпринять ряд мер, направленных на пресечение отступлений воинских подразделений, в частности:

- безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках;
- безусловно снимать с постов командующих армиями, командиров и комиссаров корпусов, дивизий, полков и батальонов, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования, и предавать их военному суду;
- сформировать в пределах фронта от 1 до 3 (смотря по обстановке) штрафных батальона (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки

²⁴⁷ СПС «Консультант Плюс».

²⁴⁸ Соц. законность. 1942. № 9. С. 32.

²⁴⁹ Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. М. : Терра, 1997. Т. 13. С. 276—279.

фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины;

— сформировать в пределах армии от 5 до 10 (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной;

— сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооруженных заградительных отряда (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов;

— прочесть данный приказ во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

28 сентября 1942 г. Сталиным был подписан Приказ НКО СССР № 298, которым утверждалось и объявлялось Положение о штрафных батальонах и ротах и штатах штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии²⁵⁰. В штрафные подразделения военнослужащие направлялись как по решению начальника (командира полка и выше), так и по приговору военного трибунала с применением отсрочки исполнения наказания. Кроме того, в связи с этим устанавливался ряд правоограничений для осужденных военнослужащих: временное разжалование в рядовые, временное лишение наград, ограничение выплаты денежного довольствия и др. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафного батальона и штрафной роты обязан был применять к штрафникам все меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

Далее, 16 октября 1942 г. вышел Приказ НКО СССР № 323 «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны»²⁵¹, которым предписывалось всех воен-

²⁵⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссариата обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1942 г. М. : Терра, 1997. Т. 13. С. 312–315.

²⁵¹ URL: http://www.faito.ru/oboznik/Mater/pr_323.html (дата обращения: 04.09.2019).

нослужащих, осужденных военными трибуналами за воинские и другие преступления с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны (в порядке прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР), отправлять в штрафные части действующей армии на срок от 1 до 3 месяцев: красноармейцев и младших командиров — в штрафные роты, лиц командного и начальствующего состава — в штрафные батальоны. При этом, если срок пребывания в штрафной части не был определен в судебном приговоре, то он устанавливался приказом командира войсковой части, в которой находился осужденный (или начальника гарнизона), сообразуясь с назначенной военным трибуналом мерой наказания. А в случаях, когда военный трибунал своим приговором не разжаловал осужденного в рядовые и не возбудил ходатайства о лишении его орденов и медалей, разжалование и отобрание орденов и медалей производить в порядке, установленном положениями о штрафных частях.

Таким образом, привлечение военнослужащих к уголовной ответственности не всегда регулировалось уголовным законодательством, многие аспекты регламентировались подзаконными актами (приказами НКО СССР, постановлениями СНК СССР), а применение мер уголовно-правового воздействия не было прерогативой военных трибуналов, в отдельных случаях это могли делать военные командиры²⁵².

Следует заметить, что такие штрафные воинские подразделения (батальоны и роты) не являлись дисциплинарными батальонами, и речь не шла об отбытии наказания в виде содержания в дисбате. Это были отдельные подразделения и отдельная мера воздействия на военнослужащих в условиях военного времени²⁵³. Идея их создания была заимствована у противника и по-советски усовершенствована²⁵⁴.

Штрафные части просуществовали с июля 1942 г. по июнь 1945 г. За это время в штрафные батальоны и роты было направлено

²⁵² Подробнее см., напр.: *Чхикадзе В. М.* Военно-уголовное право в 2 частях / под ред. И. Т. Голякова. Ч. 1: Общая. М.: РИО ВЮА КА, 1947. С. 249.

²⁵³ См., напр.: *Лысенков С. Т., Олейник С. А.* Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 35.

²⁵⁴ Об этом сам Сталин указывал в преамбуле к Приказу НКО СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций».

427910 военнослужащих (наибольшее число штрафников наблюдалось в 1943 г. — 177694 человека)²⁵⁵.

Что касается политики противодействия общеуголовной преступности, то она также имела политический характер и ориентировалась, прежде всего, на интересы обороноспособности.

Уже 17 октября 1941 г. Постановлением ГКО СССР Особому совещанию было предоставлено право по делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления применять соответствующие меры наказания вплоть до расстрела.

Одной из глобальных проблем в предвоенные годы являлся бандитизм. В 1940 г. в целях усиления борьбы с уголовным бандитизмом и улучшения оперативной обстановки в западных районах, присоединенных к СССР в 1939-1940 гг., в НКВД СССР в составе ГУРКМ был создан самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ), который состоял из 5 отделений: четырех территориальных и одного следственного. Акцент в данной работе был сделан на такой специфической форме уголовного бандитизма как «политический». Непосредственно в предвоенный период политический бандитизм имел место, прежде всего, именно на западных территориях, присоединенных к СССР в 1939-1940 гг., поскольку бандитские нападения использовались местным населением, в том числе и в попытках противодействия советским реформам и реставрации прежнего политического режима²⁵⁶. Прежде всего, это были вооруженные националистические бандформирования Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики, которые особенно активизировались в предвоенный период и в начале Великой Отечественной войны. Одной из мер противодействия советской власти этому явлению стало выселение с западных территорий активных участников бандформирований и националистического подполья, антисоветски настроенных лиц из числа имущих слоев населения. Так, в мае-июне 1941 г. из Западной Украины было выселено 11000 человек, из

²⁵⁵ *Девяшин Д. Г.* Создание штрафных рот и батальонов в действующей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2(23). С. 63.

²⁵⁶ Подробнее см., напр.: *Таймасов Р. Н.* Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917-1958 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис ... канд. юрид. наук / Российский университет кооперации. М., 2011. 23 с.

Западной Белоруссии — около 21000 человек, из Литвы около 13000 человек были направлены в ссылку и 4600 — в лагеря, из Латвии 10000 — в ссылку и 5500 — в лагеря, из Эстонии — 6000 и 3600 соответственно. Кроме того, на 1 июля 1941 г. органами НКВД СССР на Западной Украине было уничтожено 94 вооруженных формирования в составе 476 участников, а в Западной Белоруссии — 17 формирований в составе 90 участников²⁵⁷.

С введением военного положения на население страны возлагались различные повинности, в связи с чем в некоторой степени универсальной нормой стала ст. 59.6 УК РСФСР 1926 г. «Уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения повинностей», которая применялась по аналогии во всех случаях, когда имело место невыполнение гражданами возложенных на них повинностей, если для этого не предусматривалась ответственность специальными нормами и не было разъяснений Верховного Суда СССР или НКЮ СССР.

Так, например, в первые же дни войны союзными властями на население были возложены обязанности по соблюдению правил противовоздушной обороны и по сдаче радиоприемных и передающих устройств органам Наркомсвязи СССР²⁵⁸. Соответственно, Пленум Верховного Суда СССР в постановлениях от 26 июня 1941 г. № 25/10/у «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне»²⁵⁹ и от 14 июля 1941 г. № 29/13/у «О квалификации случаев уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств»²⁶⁰ разъяснял, что злостное нарушение данных обязанностей должно квалифицироваться и караться по ст. 59.6 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. При этом Прокуратура СССР и НКВД СССР 26 июня 1941 г. в совместном Приказе № 59/595 «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне»²⁶¹ отмечали,

²⁵⁷ Подробнее об этом см.: НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956) : сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М. : МВД России, 2008.

²⁵⁸ См., напр.: Постановление СНК СССР от 25 июня 1941 г. № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств» // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 51.

²⁵⁹ СПС «Консультант Плюс».

²⁶⁰ URL: <http://istmat.info/node/24368> (дата обращения: 12.12.2019).

²⁶¹ Там же.

что в тех случаях, когда такие нарушения были направлены на оказание содействия врагу, квалифицировать их по ст. 58.1а УК РСФСР 1926 г. как измену Родине и карать расстрелом или лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией имущества.

Был принят ряд мер, направленных на обеспечение рационального использования продовольствия и решения проблемы продовольственного обеспечения тыла и фронта.

Так, 26 июня 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 12/М/4/у «О квалификации повреждения посевов и урожая на землях, отведенных под коллективные и индивидуальные огороды для рабочих и служащих»²⁶², что такие действия суды должны квалифицировать по ст. 79 УК РСФСР 1926 г. и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик, как умышленное повреждение имущества, принадлежащего государственным или общественным организациям или учреждениям. 24 декабря 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 21/М/25/у «О судебной практике по делам о самогоноварении»²⁶³, разъяснил, что «суровых мер наказания» требует всякое разбазаривание и преступное использование продовольственных ресурсов, в частности, самогоноварение. Пленум обязал суды скупку продовольственного сырья с целью выработки самогона и последующего его сбыта, скупку с этой же целью самогона и сбыт его квалифицировать как спекуляцию по ст. 107 УК РСФСР 1926 г., максимальная санкция которой предусматривала лишение свободы на срок до трех лет с полной конфискацией имущества.

В связи с противодействием кражам, совершаемым с использованием условий военного времени, Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 8 января 1942 г. № 1/1/у «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени»²⁶⁴ разъяснял, что такие деяния должны квалифицироваться судами как кражи, совершенные во время общественного бедствия по п. «г» ст. 162 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик. Квалифицирован-

²⁶² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1942 год / под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд. Минюста СССР, 1947.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Соц. законность. 1942. № 2. С. 30–31.

ные виды краж, а именно совершенные неоднократно, группой лиц, рецидивистами или при иных особо квалифицирующих обстоятельствах, должны квалифицироваться по аналогии с бандитизмом по ст. 593 УК РСФСР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик.

16 июля 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»²⁶⁵ впервые было признано преступным распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, за совершение которого предусматривалось теремное заключение на срок от 2 до 5 лет. При условии, что содеянное не подпадало под признаки ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г., предусматривающую ответственность за пропаганду или агитацию, содержащую призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению контрреволюционных преступлений, можно только в отношении лиц, распространяющих тревожные слухи с прямым противогосударственным умыслом.

В целом был принят ряд мер по ужесточению уголовной ответственности и применяемых мер уголовно-правового воздействия. Многие деяния, ранее квалифицируемые как административные правонарушения, признавались преступными, также формулировались совершенно новые составы преступлений, отвечающие обстановке военного положения и военному времени. Широко применяемым инструментом уголовно-правового воздействия являлась аналогия²⁶⁶.

В целом за годы войны (1941-1945 гг.) в СССР было осуждено 12865706 человек, из них 4162598 человек (32,4%) были осуждены общими судами, 2936705 (22,8%) — военными трибуналами. При этом наибольшее число — 5766403 человек (44,8%) были осуждены непосредственно по указам военного времени. В целом число осужденных в военное время увеличилось в 2,5-3 раза²⁶⁷.

²⁶⁵ Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917-1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Зерцало, 1997. С. 281.

²⁶⁶ Подробнее об этом см., напр.: *Черепанова Е. В.* Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. № 10(166). С. 139–145.

²⁶⁷ По данным исследования В. В. Лунеева (см.: *Лунеев В.* Преступность в годы Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Демоскоп Weekly». 2006. № 239-240. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema03.php> (дата обращения: 09.09.2019).

При этом подавляющее большинство осужденных приговаривались именно к лишению свободы и пополняли контингент заключенных. Так, например, во второй половине 1941 года к различным срокам лишения свободы было приговорено 67,4% осужденных, а в первой половине 1942 года — 69,3%. Соответственно, в места лишения свободы, несмотря ни на что, прибывал огромный по численности контингент. В целом по стране в период с 22 июня 1941 г. по 1 июня 1944 г. в места лишения свободы поступило 1800000 заключенных²⁶⁸.

Если говорить о структуре, то значительное число заключенных в военные годы по-прежнему составляли лица, осужденные за, так называемые, контрреволюционные преступления — в среднем 35,2% (от 28,7% в 1941 г. до 41,2% в 1945 г.)²⁶⁹.

1.4. Политика противодействия преступности в послевоенный период и в 1950-е годы

К концу войны дошло до того, что в системе ГУЛАГа были организованы свои специальные судебные органы — лагерные суды. То есть советской властью была изобретена, так называемая, лагерная юстиция, когда ГУЛАГ, по сути, получил право судить и выносить приговоры.

В ст. 102 Конституции СССР 1936 г. была предусмотрена возможность создания Верховным Советом СССР специальных судов. Руководствуясь данным положением, 30 декабря 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом «Об организации специальных лагерных судов»²⁷⁰ учредил специальные лагерные суды, которым поручалось рассматривать уголовные дела о преступлениях, совершаемых в ИТЛ и ИТК НКВД СССР. Одновременно в составе Верховного Суда СССР была создана Судебная коллегия по делам лагерных судов, которая рассматривала данные дела в кассационном порядке и в порядке надзора. В целях общего руководства деятельностью лагерных судов в структуре НКЮ СССР, в ведении которой они находились, было создано Управление лагерных судов.

16 апреля 1945 г. во исполнение данного Указа был издан Приказ НКЮ СССР²⁷¹, в соответствии с которым изначально планиро-

²⁶⁸ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 125—126.

²⁶⁹ Там же. С. 126.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 341.

²⁷¹ Там же. Л. 2.

валось организовать в системе ГУЛАГа 105 таких судов, позднее эта цифра выросла до 118.

Однако на практике одномоментно создать и организовать работу такого количества судов оказалось затруднительно, прежде всего, по причине недостатка квалифицированных кадров. В 1945 году было создано 48 лагерных судов, которые обслуживали 59 объектов, в 1946 году функционировали только 60 лагерных судов, которым были подведомственны 70 объектов²⁷². Так, например, созданный 13 сентября 1945 г. специальный лагерный суд при Астраханском ИТЛ, обслуживал непосредственно Астраханлаг, который включал три крупных лагерных части, несколько лагерных пунктов и Объединенную исправительно-трудовую колонию (ОИТК), состоявшую их 4-х исправительно-трудовых колоний и 1-ого отдельного лагерного пункта²⁷³.

За 1945 год отдельными лагерными судами была выполнена следующая нагрузка: ЛС Сибирского ИТЛ рассмотрено 89 дел, Ухто-ижемского ИТЛ – 72 дела, ИТЛК УНКВД Челябинской области – 69 дел, ИТЛА УНКВД Бурят-Монгольской АССР – 7 дел, ИТК УНКВД Грозненской области – 5 дел, ИТК УНКВД Ивановской области – 7 дел²⁷⁴.

Первые несколько лет формировалась подсудность лагерных судов. Изначально Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. относил к подсудности лагерных судов все дела о преступлениях, совершенных в лагерях и колониях НКВД вольнонаемными сотрудниками, лицами рядового состава военизированной охраны и заключенными, за исключением дел о преступлениях офицеров НКВД и сотрудников, имевших воинские и специальные звания госбезопасности, дела которых рассматривались военными трибуналами. 13 мая 1946 г. совместным Приказом Минюста, Генпрокуратуры и МВД СССР было предусмотрено, что «дела о преступлениях сотрудников МВД и военизированной охраны ИТЛ и колоний, имеющих офицерские звания, начиная с младшего лейтенанта, подлежат направлению на

²⁷² Шкаревский Д. Н. Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.) // Lex Russica. 2017. № 4(125). С. 210.

²⁷³ Федина К. С., Федин С. А. Из истории специальных лагерных судов в 1944-1954 годах (по материалам архивов Астраханской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : матер. VII-й Междунар. студ. заоч. науч.-практ. конф. (24 янв. 2013 г., г. Новосибирск). Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. С. 38.

²⁷⁴ Шкаревский Д. Н. Указ. соч. С. 210.

рассмотрение военных трибуналов войск МВД. Дела на остальной контингент сотрудников МВД и военизированной охраны — направлять в лагерные суды. Там, где нет лагерных судов, дела направлять в военные трибуналы войск МВД». 13 января 1947 г. начальником Управления лагерных судов Минюста СССР было дано указание, согласно которому «дела о преступлениях несовершеннолетних, содержащихся в трудовых колониях и трудовых воспитательных колониях для подростков в возрасте до 16 лет, лагерным судам не подсудны. Дела о преступлениях сотрудников военизированной охраны, надзорсостава и вольнонаемного состава детских трудовых и трудовых воспитательных колоний также не подсудны лагерным судам». 17 января 1947 г. начальником Управления лагерных судов Минюста СССР также было разъяснено, что «согласно п. 9. Положения о спецкомендатурах НКВД, утвержденного Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. № 34-14²⁷⁵, дела о побегах спецпоселенцев из районов расселения, о бандитизме и о контрреволюционных преступлениях рассматриваются в Особом совещании МВД СССР и не подсудны лагерным судам. Прогулы без уважительных причин, самовольные уходы и дезертирство с предприятий истроек ИТЛ, на которых спецпоселенцы закреплены для работы, подсудны лагерным судам». 12 ноября 1947 г. начальник Управления лагерных судов Минюста СССР уточнил, что «дела о преступлениях, совершенных заключенными и лицами вольнонаемного состава в исправительно-трудовых колониях тех областей и республик, где лагерные суды расформированы, должны рассматриваться областными и Верховными Судами АССР или народными судами по подсудности»²⁷⁶. Практически в юрисдикции лагерных судов оказался огромный по составу и численности контингент: все заключенные старше 16 лет (кроме содержащихся в тюрьмах); спецпоселенцы, трудмобилизованные и ссыльные, чья трудовая деятельность была связана с хозяйственной деятельностью МВД; вольнонаемные сотрудники, совершившие правонарушения на территории лагерно-производственных комплек-

²⁷⁵ Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII / сост. О. Л. Милова; предисл. Т. Ф. Павловой. М., 1992. С. 77–80.

²⁷⁶ Шкаревский Д. Н. Указ. соч. С. 210–211.

сов; военнослужащие ГУЛАГа, не имевшие офицерских званий. В общей сложности это было порядка 4-5 млн. человек.

О широте подсудности лагерных судов можно судить по Отчетному докладу за 1951 г. председателя лагерного суда Норильского ИТЛ Самохвалова: «Сообщаю, что лагерный суд ИТЛ “Ч” (секретное литерное обозначение Норильского ИТЛ. — *Р. В.*) МВД СССР рассматривает почти все дела на вольнонаемных работников Норильского комбината, не имеющих никакого отношения к работе лагеря и не работающих в системе лагеря... В народный же суд направляется незначительное количество дел в основном по ст. 140-б (производство аборта — *Р. В.*²⁷⁷) и дела частного обвинения... Необходимо отметить, что прокурор Норильлага вообще считает, что все дела, преступления по которым совершены на территории Норильска, подсудны лагерному суду, независимо от лиц, совершивших преступления»²⁷⁸. Аналогичный подход к проблеме подсудности был характерен и для других лагерных судов. Нередко между лагерными судами и территориальными народными судами возникали споры о подсудности того или иного дела. Помимо этого, в отдельных случаях, по поручению Верховного Суда СССР, лагерные суды рассматривали дела, подсудные военным трибуналам.

Целью создания лагерных судов являлось не столько осуществление правосудия, сколько помощь в выполнении политических и хозяйственных задач, стоявших перед тюремно-лагерной системой ГУЛАГа, поддержание внутри системы режима и дисциплины. В этих условиях о самостоятельности лагерных судов вообще, и от ГУЛАГа в частности, говорить не приходится. Так, нарком юстиции Н. Рычков неоднократно отмечал, что лагерные суды нужны НКВД как «карманные суды». Таким образом, имела место еще и межведомственная разобщенность: Наркомюсту система специальных лагерных судов была совершенно не нужна, поскольку речь шла об обслуживании интересов НКВД-МВД.

Руководство НКВД и лагерей неоднократно указывало на существенные недостатки имевшейся судебной практики по делам о преступлениях, совершаемых внутри тюремно-лагерной системы: во-первых, «суды в своей работе <...> оторваны от политической и хозяйственно-производственной деятельности лагерей и колоний»;

²⁷⁷ Введена 10 мая 1937 г. // СУ РСФСР. 1937. № 6. Ст. 40.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 479. Л. 12.

во-вторых, отсутствует единообразная судебная практика; в-третьих, если постоянные сессии рассматривают дела на территории управления лагеря, то народные суды, как правило, рассматривают дела в своих кабинетах и не учитывают специфику лагерей и колоний. В связи с этим <...> «присутствовавшие в зале суда посторонние лица в ходе судебного процесса посвящались в деятельность мест заключения»; в-третьих, «оперативные работники судов зачастую не были знакомы с системой лагерей и колоний и режимом содержания заключенных, что влияло на правильность разрешения уголовного дела»²⁷⁹.

Таким образом, создание специальных судов внутри тюремно-лагерной системы решало все эти проблемы. При этом в своей деятельности лагерные суды основывались, прежде всего, на различных ведомственных указах, директивах, инструкциях, разъяснениях, циркулярах и пр. В целом практика лагерных судов в отношении заключенных лагерей и колоний была карательной и, по мнению исследователей, более суровой, чем практика обычных судов. Так, в 1945-1947 годах, до отмены смертной казни в мае 1947 г., лагерные суды активно применяли расстрел: в среднем в год к высшей мере наказания лагсудами приговаривалось 300-400 человек. Часто выносились приговоры, которые явно не соответствовали степени тяжести совершенных деяний. Одновременно в отношении лагерных сотрудников и военнослужащих приговоры, наоборот, отличались чрезмерной мягкостью. Так, Г. М. Иванова по итогам анализа архивных материалов приводит в качестве примера несколько фактов: «В 1947 г. лагерный суд Вятского ИТЛ осудил к 9 годам лишения свободы условно проводника розыскных собак Упадышева, беспричинно расстрелявшего из пулемета во время сна четырех конвоируемых им заключенных. В 1949 г. лагерный суд Ухто-Ижемского ИТЛ осудил заключенную Самойленко по ст. 58.14 УК РСФСР к 25 годам заключения в ИТЛ за то, «что с целью членовредительства и уклонения от работы в лагере она ввела себе под кожу бедра керосин, чем вызвала флегмону, и была освобождена от работы в течение 14 дней»²⁸⁰.

Судебная коллегия по делам лагерных судов Верховного Суда СССР ежегодно рассматривала по кассационным и надзорным жалобам и протестам примерно 20-22% приговоров, рассмотренных лагер-

²⁷⁹ Там же. Оп. 5. Д. 25. Л. 133-134.

²⁸⁰ *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5 / РАН ; Ин-т рос. истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 287–308.

ными судами по существу за тот же период. Результаты выглядели следующим образом: 65-70% приговоров оставлялось в силе, 10-15% — изменялось, примерно 20% — отменялось, в том числе в отношении 4-5% осужденных приговоры отменялись с прекращением дел²⁸¹. Так, было отменено в 1947 г. 18% приговоров по делам, рассмотренным в кассационном порядке. По официальным данным Верховного Суда СССР, из числа обжалованных и опротестованных приговоров лагерных судов оставлены в силе в 1948 г. 69,9% приговоров; в 1949 г. — 68,1%; в первом полугодии 1950 г. — 66,5%²⁸². Основанием для отмены приговоров служили следующие причины: отсутствие в действиях обвиняемых состава преступления, недоказанность предъявленного обвинения, неполнота судебного следствия (например, невызов свидетелей, экспертов, вынесение приговора только на основе показаний подсудимых), грубое нарушение процессуального законодательства и ряд других. Так, в специальных определениях Судебной коллегии по делам лагерных судов отмечалось: «некоторые судьи дела рассматривали поверхностно, глубоко не вникали в сущность дела и обоснованность обвинения и в ряде случаев без достаточных оснований выносили обвинительные приговоры <...> Лагерные суды подготовительные заседания в ряде случаев проводили на низком уровне, поверхностно, не оценивали критически всех материалов, добытых на предварительном следствии, и вместо возвращения недоследованных дел на дополнительное расследование принимали их к производству и в судебных заседаниях выносили приговоры по недостаточно исследованным делам»²⁸³. На Всесоюзном совещании председателей лагерных судов 15 июня 1948 г. также отмечалось: «В деятельности многих лагерных судов все еще имеются весьма серьезные недостатки <...> Некоторые судьи до сих пор пренебрежительно относятся к требованиям закона, ошибочно полагают, что в системе лагерных судов необязательно строго и точно соблюдать правила уголовного процесса; среди части судей наблюдается крайне несерьезное отношение к вопросу предания суду в подготовительном заседании, а также поверхностное исследование материалов дела <...> Имеются факты неосновательного осуждения граждан и наряду с этим вынесение явно мягких приговоров, не

²⁸¹ Там же. С. 287–308.

²⁸² Шкаревский Д. Н. Указ. соч. С. 209.

²⁸³ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 76. Л. 96-97.

обеспечивающих суровой борьбой с хищениями социалистической собственности и злостным нарушением лагерного режима»²⁸⁴.

При этом важно отметить, что предварительное следствие по делам, рассматриваемым лагерными судами, вели оперативно-чекистские отделы, которые занимали особое положение и имели влияние в системе ГУЛАГа, в связи с чем оказывали на лагерные суды весьма существенное давление. Судьи лагерных судов были вынуждены принимать те решения, которые от них ожидались, поскольку попытки осуществления надлежащего рассмотрения дел и анализа их материалов могли быть попросту расценены как вредительская, контрреволюционная и пособническая деятельность со стороны лиц, выполнявших судейские функции, в отношении заключенных и иных фигурантов дел. Поэтому нельзя согласиться с тем, что практика лагсудов была неудовлетворительной и неэффективной, а главной причиной этого являлся непрофессионализм судейского корпуса²⁸⁵. Качество работы лагсудов оценивалось совершенно с иных позиций и, прежде всего, исходя из целей их создания и их специального назначения. Наличие лагерных судов, прежде всего, позволяло в полной мере замкнуть в себе советскую тоталитарную тюремно-лагерную систему.

Наряду с рассмотрением уголовных дел значительное место в практике лагерных судов занимало рассмотрение дел о досрочном освобождении заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом.

По общему правилу, в соответствии со ст. 457 УПК РСФСР 1923 г., данные дела находились в подведомственности судов, вынесших приговор. Однако на практике реализация данного положения имела массу трудностей (состояние здоровья заключенных, необходимость их этапирования из дальних районов, конвоирования и охраны, военное положение и пр.), которые делали его выполнение невозможным, да и, по сути, ненужным. Уже 1 августа 1942 г. Пленум Верховного Суда СССР принял специальное постановление, в котором указал на возможность рассмотрения таких дел судами по месту отбывания осужденными уголовного наказания. В 1944 г. был

²⁸⁴ По данным исследования Д. Н. Шкаревского (см.: *Шкаревский Д. Н.* Указ. соч. С. 212).

²⁸⁵ См., напр.: *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954. С. 287–308; *Шкаревский Д. Н.* Указ. соч. С. 212.

принят совместный Приказ НКЮ СССР и Прокуратуры СССР «О порядке рассмотрения дел о досрочном освобождении заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом», в котором определялись основные принципы и подходы к выбору кандидатур для освобождения. При этом документ содержал запрет «прокурорам принимать, а судебным органам рассматривать материалы о досрочном освобождении из мест заключения лиц, осужденных по ст. 58 (Контрреволюционные преступления, все пункты), за бандитизм, умышленное убийство, по закону от 07 августа 1932 г., воров-рецидивистов, злостных хулиганов, за воинские преступления, а также лиц из числа национальностей воюющих с СССР стран (немцы, финны, венгры, румыны, итальянцы) независимо от характера преступления)»²⁸⁶.

В связи с созданием специальных лагерных судов 16 сентября 1946 г. совместным секретным Приказом МВД, МГБ, Минюста и Генпрокуратуры СССР «О порядке предоставления и рассмотрения материалов в судебных органах на заключенных, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом» было предусмотрено, что «материалы на лиц, отбывающих наказание в местах заключения, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом, а также полностью потерявших трудоспособность, впредь рассматривать применительно к ст. 457 УПК РСФСР в специальных лагерных судах по месту содержания заключенных...». Допускалось представление материалов на всех заключенных, «независимо от органа и статьи осуждения». Вместе с тем, имелась оговорка о том, что «материалы на лиц, осужденных за антисоветские преступления (по всем пунктам ст. 58 УК РСФСР), за бандитизм, а также приговоренных к каторжным работам, в судебные органы не направлять вовсе»²⁸⁷. Данным приказом предписывалось создать во всех лагерных управлениях особые комиссии, которые должны были выносить на основании медицинских актов свои заключения о досрочном освобождении лиц, полностью потерявших трудоспособность. Комиссиям рекомендовалось при вынесении решений принимать во

²⁸⁶ Цит. по: *Федина К. С., Федин С. А.* Из истории специальных лагерных судов в 1944-1954 годах (по материалам архивов Астраханской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: матер. VII-й Междунар. студ. заоч. науч.-практ. конф. (24 янв. 2013 г., г. Новосибирск). Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. С. 39–40.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 4. Л. 16.

внимание характер совершенного преступления, личность осужденного, его поведение в период отбытия наказания.

Следует отметить, что такие освобождения не являлись актом гуманности со стороны государства, а были проявлением исключительно прагматических интересов: освобождались смертельно больные и безнадежные люди, которые не могли полноценно работать, но при этом требовали определенных вложений в целях элементарного поддержания их жизнедеятельности. Кроме того, досрочное освобождение использовалось как эффективный способ снижения официальных показателей уровня смертности в лагерях.

Бывший заключенный Николай Кожин, арестованный в 1941 году за антисоветскую агитацию и отбывший в ГУЛАГе 9 лет, так описывает в своих воспоминаниях процедуру принятия решения о досрочном освобождении (активировании) заключенных: «В бараке КВЧ установлено несколько столов, за которыми восседают представители медицины, кители которых скрыты белыми халатами. Это комиссия по активированию эков, пришедших в состояние полной непригодности для каких-либо работ. Эти освобождаемые, бывшие когда-то людьми, превращены в скелеты, обтянутые кожей, во взгляде опустошенность, полная отрешенность от происходящего вокруг. Не нужно быть медиками, чтобы понять — они обречены. Морально и физически раздавленные, они с трудом передвигаются от стола к столу. Во взглядах у них нет даже слабой надежды на возврат к нормальной жизни. Сам акт активирования ни в коем случае не акт милосердия, это избавление от ненужного балласта, от которого нет никакой отдачи. Судьба этих активированных остается тайной, ибо самостоятельно они не способны добраться до места проживания»²⁸⁸.

Таким образом, лагерное руководство, пользуясь случаем, стремилось избавиться от бесполезного балласта в виде безнадежно больных и нетрудоспособных заключенных. Лагсуды были призваны решить эту проблему, поэтому зачастую рассматривали дела заочно, даже не выясняя степень социальной опасности освобождаемых заключенных. Вышестоящие судебные инстанции рекомендовали лагсудам при вынесении решений по таким делам исходить «не из инте-

²⁸⁸ Кожин Н. Н. Незабываемое: (Воспоминания жертв репрессий) // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт/Майне ; М., 1999. С. 351–354.

ресов субъекта заключенного, а из интересов государства», «избавляться от неработающего в заключении контингента, хотя бы и по возрасту»²⁸⁹. Такого же мнения придерживались органы прокуратуры: «Коль скоро в течение ближайшего времени заболевшие заключенные не могут работать, их надлежит освобождать, а не кормить за счет государства»²⁹⁰.

Соответственно, число отказов со стороны лагсудов в досрочном освобождении таких заключенных составляло в разные годы от 1,5% (в 1946 г.) до 11,2% (в третьем квартале 1948 г.) от общего количества поступавших дел.

После издания данного приказа количество дел о досрочном освобождении заключенных значительно возросло. Так, в 1946 г. в спецлагсуды поступило 15175 таких дел, в 1947 г. — уже почти 60000 дел, по итогу рассмотрения которых было досрочно освобождено 58326 заключенных. Во втором полугодии 1948 г. лагсуды рассмотрели 32690 таких дел. Всего, по данным исследователей, в период с 1946 по 1950 годы лагсуды рассмотрели около 140000 таких дел, по которым было освобождено примерно 130000 заключенных, из них за период с осени 1946 г. по лето 1948 г. — около 102000. При этом за тот же период, по официальным данным, в системе ГУЛАГа умерли 202065 заключенных²⁹¹.

Таким образом, совершенно справедлив вывод Г. М. Ивановой о том, что «лагерные суды не были органами правосудия в прямом смысле, поскольку служили не столько интересам правосудия, сколько советской репрессивной системе в целом. Их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех тех беззаконий и несправедливостей, которые творились за колючей проволокой. Они драконовскими мерами помогали лагерному начальству поддерживать рабское повиновение в среде заключенных, помогали держать в страхе и покорности большие массы людей, скрывали преступное, безответственное поведение лагерных руководителей, в результате которого

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 30. Л. 4, 34.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 30. Л. 38.

²⁹¹ Справка о смертности заключенных в системе ГУЛАГа за период 1930-1956 гг., подготовленная по материалам ОУРЗ ГУЛАГа // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. М. : МДФ, 2000. С. 441—442 (документ № 103).

люди оказывались на грани жизни и смерти. В целом лагерные суды были чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрелагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор тоталитарного режима»²⁹².

В целом система и деятельность специальных лагерных судов имела мало общего с правосудием, она обслуживала политические и хозяйственные интересы лагерного ведомства.

К концу войны, по состоянию на январь-февраль 1945 года, тюремно-лагерная система СССР включала: 25 УИТК и 52 ОИТК с численностью заключенных 794500 человек; 5 сельскохозяйственных лагерей с численностью заключенных — 117000 человек; Управление лесных лагерей НКВД СССР, в подчинении у которого находились 9 лесных управлений с общей численностью заключенных 115000 человек; Главное управление лагерей горно-металлургической промышленности в составе 7 лагерей и 102500 заключенных; Главное управление промышленного строительства в составе 14 лагерей и 113000 заключенных; Главное управление лагерей железнодорожного строительства — 10 лагерей и 117500 заключенных; Главное управление лагерей шоссейно-дорожного строительства — 4 лагеря и 29000 заключенных; Главное управление аэродромного строительства — 5000 заключенных; Особстрой в составе 2 лагерей (Безымянлаг и Дальстрой); Главное тюремное управление — 275510 заключенных²⁹³.

В связи с победой в войне 7 июля 1945 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией»²⁹⁴, в соответствии с которым освобождались от уголовного наказания осужденные к лишению свободы на срок не свыше трех лет и к более мягким мерам наказания. В частности, освобождались от наказания все осужденные за самовольный уход с предприятий военной промышленности и других предприятий, на которые было распространено действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Также Указом снималась судимость с осужденных к лишению свободы

²⁹² Из доклада на заседании Ученого совета Института Российской истории РАН 15 ноября 2001 г. (см.: *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954. С. 307).

²⁹³ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 108—109, 118.

²⁹⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 39.

на срок не свыше одного года и к более мягким мерам наказания. Оговаривалось неприменение данного Указа к лицам, осужденным неоднократно за растраты, кражи, грабежи и хулиганство. В целом данная амнистия затронула лишь небольшую часть осужденных за незначительные преступления, многие из которых даже не находились в заключении, поэтому ее вряд ли можно считать существенным проявлением гуманизма со стороны государства по отношению к лицам, находившимся в местах лишения свободы. Это был скорее идеологический шаг, рассчитанный на моральный эффект как внутри пенитенциарной системы, так и за ее пределами. В целом же партия и правительство не намерены были освобождать заключенных, поскольку стояла задача по восстановлению страны после войны, а для этого вновь остро требовались дешевые трудовые ресурсы.

Так, 9 февраля 1946 г. Сталин в своей отчетно-предвыборной речи отмечал: «Основные задачи <...> состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах. <...> Партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем»²⁹⁵. Руководство НКВД СССР и непосредственно ГУЛАГа активно приступило к практической реализации данных программных указаний вождя, что «выразилось в предоставлении рабочей силы»²⁹⁶.

Подходы в данный период внутри государственной тоталитарной системы были неизменны — принудительный труд в различных его формах и угроза наказания как один из ключевых стимулов производственной деятельности.

После войны в распоряжении тюремно-лагерной системы оказалось огромное количество, так называемого, «временного спецкон-

²⁹⁵ *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. М. : Госполитиздат, 1949.

²⁹⁶ Справка об истории возникновения и развития ИТЛ и ГУЛАГа ОГПУ-НКВД-МВД СССР от 25.05.1950 г., подготовленная референтом референтской группы при начальнике ГУЛАГа МВД СССР В. Лебедевым // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. М. : МДФ, 2000. (Документ № 77).

тингента» — военнопленные, интернированные, трудмобилизованные, проходившие проверку в ПФЛ репатрианты. Все они были заняты принудительным трудом и их положение мало чем отличалось от положения заключенных.

Так, например, в 1946 году в систему ИТЛ были переданы 267 лагерей военнопленных, в состав которых входили 2107 лагерных отделений, в которых, по разным данным, находилось порядка 2658469 военнопленных (в том числе 1836315 германских, 583000 японских, 425549 венгерских, 120357 румынских, 35007 польских, 20519 итальянских и военнослужащих других армий)²⁹⁷. Согласно Положению о трудовом использовании военнопленных, введенному Приказом НКВД СССР от 29 сентября 1945 г., труд для всех военнопленных рядового и младшего начальствующего состава был обязательным. Наряду с обеспечением рентабельной работы в качестве основной задачи перед лагерями военнопленных была поставлена задача: «Эффективным трудовым использованием военнопленных добиться максимального возмещения ущерба нанесенного войной, навязанной Советскому Союзу вероломным нападением фашистской Германии». Сам документ состоял из трех разделов: первый устанавливал порядок распределения военнопленных на работы, режим рабочего времени, организацию труда, денежное вознаграждение и другие меры поощрения, а также меры наказания военнопленных; во втором разделе содержались задачи и функции производственно-плановых отделов лагерей НКВД для военнопленных; третий раздел устанавливал порядок расстановки рабочей силы на производстве, правила техники безопасности, меры повышения производительности труда. Соответственно, от НКВД и управлений лагерей требовалось обес-

²⁹⁷ Единого мнения и точных данных о количестве военнопленных, находившихся на территории СССР, нет (см., напр.: Справка начальника 2-го отдела ГУПВИ НКВД СССР А.Н. Бронникова на имя зам. начальника ГУПВИ НКВД СССР Н. Т. Ратушного от 27.06.1945 г. «О количестве, национальном и кадровом составе военнопленных, попавших в лагеря ГУПВИ в ходе Великой отечественной войны 1941-1945 гг.». URL: <http://istmat.info/pode/21501>; Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 119).

²⁹⁸ Подробнее см., напр.: *Смыкалин А. С.* Особенности содержания немецких военнопленных в СССР (по материалам Свердловской области) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII-XXI вв.): матер. XI-й Междунар. науч. конф. М., 2007. С. 328–337.

печение надлежащего физического состояния военнопленных и стабильной «явочной численности» работающих на объектах²⁹⁸.

Также в течение 1945 года и зимы 1946 года в рабочие батальоны было направлено 600000 репатриантов и 150000 интернированных немцев. Кроме того, в течение 1946 г. через 22 ПФЛ прошли 350000 бывших военнослужащих Красной Армии. При этом численность непосредственно заключенных заметно снизилась. На начало 1946 года число заключенных в общей массе контингентов рабочей силы составляло в среднем 47%²⁹⁹.

Однако численность временного контингента априори уменьшалась, равно как и снижалась экономическая отдача от их производственного использования. Прежде всего, отрицательную динамику давала иностранная рабочая сила в лице военнопленных, что было связано как с объективными, так и с субъективными факторами. Во-первых, зарубежными партнерами ставился вопрос об освобождении военнопленных. Другие государства-члены антигитлеровской коалиции, в отличие от СССР, не практиковали рабский труд военнопленных и сразу после окончания войны активизировали процесс освобождения и отправки военнопленных на родину. Во-вторых, сами военнопленные не могли приспособиться к советским бесчеловечным условиям содержания и беспощадному режиму эксплуатации и довольно быстро утрачивали свою трудоспособность. Так, например, 18 июня 1946 г. Совмином СССР было принято Постановление № 1263-519сс «Об отправке на родину больных и нетрудоспособных военнопленных немецкой и других западных национальностей», а 27 июня 1946 г. был подготовлен соответствующий Приказ МВД СССР № 00601. В рамках данной кампании через лагеря МВД СССР подлежал репатриации 152121 военнопленный (немцы, поляки, венгры, румыны, югославы и болгары)³⁰⁰. Данный комплекс причин привел к тому, что к февралю 1946 г. численность военнопленных снизилась вдвое и составляла 1,8 млн. человек, и этот процесс про-

²⁹⁹ Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М. : Звенья, 1998. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 02.06.2019).

³⁰⁰ Подробнее см.: *Бугай Н.* Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40-50-е годы // *Обозреватель.* 1996. № 3(74). URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N03_96/3_11.HTM (дата обращения: 03.06.2019).

³⁰¹ Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960.

должился. При этом доля заключенных в общем числе привлеченного к труду контингента увеличилась до 71%³⁰¹.

По состоянию на 1 января 1949 г. на работах в советском народном хозяйстве все еще использовались 400962 военнопленных вермахта, главным образом в угольной промышленности, на строительстве шоссе и железных дорог, предприятий тяжелой индустрии, в военной промышленности и машиностроении. По некоторым данным за весь послевоенный период стоимость созданных военнопленными ценностей в различных отраслях народного хозяйства составила около 8 млрд. руб.³⁰²

Даже несмотря на то, что в ряде случаев имело место осуждение военных преступников-иностранцев военными трибуналами, которые приговаривали их к лишению свободы с отбыванием наказания в ИТЛ, соответствующее законодательство, действовавшее на территории СССР, на них не распространялось. В связи с этим порядок и режим их содержания регулировались лишь директивными указаниями МВД СССР. Каких либо правовых актов, которые узаконили бы положение осужденных военнопленных, принято не было.

Согласно Плану основных мероприятий по выполнению решения Правительства о репатриации немецких военнопленных и концентрации в специальных лагерях МВД осужденных военных преступников, утвержденному МВД СССР 9 февраля 1950 г., для содержания осужденных немецких военнопленных, которые были оставлены в СССР, в системе ГУПВИ МВД СССР были организованы специальные лагеря и лагерные отделения. В СССР на тот момент оставались 9717 иностранцев, осужденных за совершение тяжких военных преступлений.

В целом же в послевоенных условиях требовалась активная работа по восстановлению как самой тюремно-лагерной системы, так и ее возможностей. В связи с этим МВД СССР и непосредственно ГУЛАГом был разработан ряд ведомственных документов по вопросам режима содержания и трудового использования заключенных. Прежде всего, 24 марта 1947 г. МВД СССР Приказом № 0190-1947 утвердил и объявил Инструкцию по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД.

³⁰² История отечественных органов внутренних дел : учеб. для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов. М. : NOTA BENE, 2005. С. 263.

При этом устанавливаемые данным документом нормы режима содержания заключенных значительно отличались от соответствующих предписаний Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г. Вместе с тем, единый строгий режим, введенный на период войны, дифференцировался введением общего и усиленного режимов. При усиленном режиме содержания заключенные не могли быть расконвоированы, использовались преимущественно на общих работах, за проступки несли повышенную дисциплинарную ответственность и содержались под усиленной охраной. Заключенные распределялись по лагерным подразделениям в зависимости от состава совершенного преступления. Осужденные за особо опасные государственные и общеуголовные преступления содержались в лагерных подразделениях усиленного режима и, как правило, направлялись в отдаленные северные лагеря. Остальные заключенные, осужденные за менее тяжкие преступления, размещались в лагподразделениях-колониях общего режима, внутри которых условия содержания были для всех одинаковыми.

Высшими органами власти принимались организационные решения, направленные на обеспечение более эффективной производственно-хозяйственной деятельности системы ИТУ, в частности Указы Президиума Верховного Совета СССР о досрочном освобождении заключенных с направлением их на работу в промышленность, Постановления Совета Министров СССР о предоставлении зачетов рабочих дней для занятых на стройках и предприятиях Минтяжстроя СССР и Минчермета СССР.

Несмотря на окончание войны, росло количество осужденных к ссылке на каторжные работы.

В 1945 году Н.С. Хрущев, будучи секретарем ЦК КП(б)У, инициировал проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О применении каторжных работ в качестве меры наказания» и обратился с соответствующим письмом. Им было отмечено, что в судебной практике имеют место такие случаи, когда лишение свободы на 10 лет является слишком мягким наказанием, и суды вынуждены применять высшую меру наказания, не имея в своем распоряжении иной меры уголовного наказания. В связи с этим было предложено почти по всем статьям УК РСФСР 1926 г., предусматривающим в виде предельной санкции высшую меру наказания, дополнительно ввести осуждение к каторжным работам на срок от 15 до 20 лет. Свое предложение Хрущев мотивировал

также стремлением сохранить физически здоровых людей для использования на работах в отдаленных и особо тяжелых местностях Советского Союза³⁰³. Однако НКВД СССР на это предложение дал отрицательное заключение, мотивируя это, прежде всего, производственной нецелесообразностью. Отмечалось, что осужденные к каторжным работам на 15-20 лет в условиях специального режима для каторжников теряют всякую перспективу выдержать этот срок, отсюда моральная подавленность и полное отсутствие стимула для труда. В результате труд каторжников значительно менее эффективен, чем труд обычных лагерников, при этом потеря ими трудоспособности через каких то 5-6 лет неизбежна³⁰⁴.

Вместе с тем, в сентябре 1947 г. число каторжан в ИТЛ ГУЛАГа достигло уже 64764 человек³⁰⁵.

Послевоенная нищета населения, тотальный дефицит потребительских товаров и продовольствия спровоцировали, с одной стороны, рост экономической преступности и голод, а, с другой — применение жестких карательных мер в отношении хищений. 4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества»³⁰⁶. Данный документ, прежде всего, давал весьма пространное определение понятия «хищение социалистической собственности», которое включало все корыстные посягательства на государственную и общественную собственность, включая должностные злоупотребления и подлоги, завышение цен на товары с присвоением разницы торговыми работниками и пр. При этом не устанавливалась минимальная сумма, с которой наступала уголовная ответственность, поэтому под его действие попадали и мелкие кражи. Помимо этого наилучшим средством борьбы советское государство традиционно избрало увеличение и ужесточение санкций. Так, минимальным наказанием в соответствии с данным указом было заключение в ИТЛ сроком на пять лет. За простое хищение государственного имущества была предусмотрена уголовная ответственность

³⁰³ См.: Докладная записка заместителя наркомвнутдела СССР В. В. Чернышева наркомвнутделу СССР Л. П. Берия об опыте работы каторжан в Воркутлаге НКВД от 20.05.1945 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 39).

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ История отечественных органов внутренних дел. С. 261.

³⁰⁶ СПС «Консультант Плюс».

в 7-10 лет лишения свободы, квалифицированное — 10-25 лет лишения свободы. Санкции за простое хищение общественной (колхозной, кооперативной) собственности составляли 5-8 лет лишения свободы, за квалифицированное — 8-20 лет. Кроме того, была установлена уголовная ответственность за недонесение о готовящемся или совершенном квалифицированном хищении социалистической собственности — 2-3 года лишения свободы или 5-7 лет ссылки.

При таких вводных, только за 7 месяцев 1947 года с момента принятия по данному Указу было осуждено 200000 человек. Благодаря данному Указу численность заключенных стала существенно и стабильно расти. Если в 1947 г. число заключенных составило 1741876 человек, то в 1948 — 2199411, в 1949 — 2224933, в 1950 — 2406667 человек. При этом, по данным исследователей, число осужденных по данному Указу за совершение хищений ежегодно составляло порядка 22,5% от общего числа осужденных. Всего в период с 1947 по 1954 гг. по данному Указу было осуждено 1,3 млн. человек, из них к 5 годам ИТЛ — 20%, на срок от 5 до 10 лет лишения свободы — 49,6%, на срок свыше 10 лет — 25,5% осужденных, что в целом способствовало расширению системы лагерей³⁰⁷.

В послевоенный период по-прежнему особое внимание уделялось борьбе с преступлениями, представляющими опасность для основ государственного строя. Так, если в годы войны число заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления составляло в среднем 35,3% в общей массе заключенных, то в 1946 г. их доля составляла уже 59,5%, а в 1947 г. — 54,3%³⁰⁸. Содержание таких преступников требовало, по мнению руководства страны, еще более суровых условий и режима отбывания наказания, в связи с чем в системе появились, так называемые, особые лагеря и тюрьмы.

21 февраля 1948 г. Совмин СССР секретным Постановлением № 416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников

³⁰⁷ Гамидуллаева Х. С. Уголовная ответственность за хищение социалистической собственности в СССР в 1930-1940-х гг. // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 165; Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 114, 137.

³⁰⁸ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 126.

³⁰⁹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. С. 326—327.

и о направлении их по отбытии на поселение в отделенные местности СССР»³⁰⁹ были созданы такие подразделения для содержания в них лиц, осужденных за шпионаж, террор, диверсии, право-троцкистскую деятельность, участие в антисоветских организациях и группах (меньшевиков, эсеров, националистов, белоэмигрантов и пр.), а также иных лиц, представляющих опасность по своей вражеской деятельности и связям. В первую очередь, имелись в виду осужденные, которые уже отбывали наказание в местах лишения свободы. Идея заключалась в полной изоляции данного «особого контингента» от внешнего мира и от остальных заключенных — «общего контингента».

На первом этапе предписывалось создать особые лагеря на 100000 заключенных (в районе Колымы — на 50000, в Мордовской АССР — на 20000, в Коми АССР — на 25000, в Норильске — на 15000 и в районе Караганды — на 10000) и особые тюрьмы на 5000 заключенных (в городах Владимире, Александровске и Верхне-Уральске). В дальнейшем до середины 1949 года надлежало дополнительно организовать особлаги еще на 45000 заключенных (в северной части Иркутской области и на лесных разработках в районе Братска). Предписывалось установить в данных учреждениях строгий режим, запретить сокращение сроков отбываемого наказания и применение всяких иных льгот (освобождение по инвалидности и беременности, свидания и переписка с родственниками и пр.). Лиц, освободившихся из особых лагерей и тюрем в связи с истечением срока наказания, надлежало направлять по назначению МГБ СССР в ссылку на поселение в отдаленные районы страны под надзор органов МГБ СССР (район Колымы на Дальнем Севере, районы Новосибирской области и Красноярского края, отдельные районы Казахстана).

В соответствии с данным постановлением в системе ГУЛАГа было организовано 11 особлагов: № 1 (Инта) в Коми АССР, № 2 (Норильск) в Красноярском крае, № 3 (Темников) в Мордовской АССР, № 4 (Джезказган-Новорудня) в Казахской ССР, № 5 (Колыма) и № 6 (Воркута) в Коми АССР, № 7 (Братск-Тайшет) в Иркутской области, № 8 (Караганда) в Казахской ССР, № 10 в Кемеровской области, № 11 (Экибастуз) в Павлодарской области. При этом особые лагеря, как правило, организовывались на базе уже существовавших ИТЛ.

1 января 1949 г. Приказом МВД СССР была утверждена Временная инструкция, которая регулировала правовое положение заключенных особлагов и ставила их в практически равное положение с

осужденными к каторжным работам. Соответственно, в январе 1951 г. было предписано всех особо опасных государственных преступников, осужденных к каторжным работам, независимо от их физического состояния, впредь направлять в особые лагеря МВД СССР.

Заклученные особлагов по своему положению являлись, так называемым, «стабильным контингентом», то есть не подлежали перемещению в другие места заключения, и использовались преимущественно на тяжелых физических работах (в основном на горно-рудных). Заклученные, относящиеся к «общему контингенту» и не подпадавшие под контингент особлагов, могли в небольшом количестве содержаться в особлагах для обеспечения работ, к которым «особый контингент» не допускался (например, шоферы, обслуживающий персонал и т. п.). При этом «особый контингент» особлагов предписывалось полностью изолировать от остальных заклученных даже в рабочих зонах. Из вольнонаемного персонала в рабочие зоны допускались только «особо проверенные» и надежные работники. Как жилые, так и рабочие зоны особлагов надлежало специально оборудовать, чтобы исключить возможность побега, в жилых зонах вводился режим, близкий к тюремному (решетки на окнах, запирающиеся на ночь бараки, запрет покидать барак в нерабочее время). Норма жилой площади устанавливалась вдвое меньше, чем в общих ИТЛ — 1 кв.м. на человека. Охрана «особого контингента» возлагалась на конвойные войска, а не на военизированную охрану, как в обычных ИТЛ.

Уже в 1948 году спецкомиссия МВД СССР выявила в лагерях и колониях около 175000 заклученных, подлежащих переводу в особлаги. Кроме того, по направлениям МГБ СССР постоянно поступали новые осужденные той же категории (в среднем по 2500 человек в месяц), на 1 марта 1949 г. их насчитывалось уже 24722 человека. Таким образом, через год после выхода постановления об организации особлагов число подпадавших под его действие заклученных превышало утвержденный лимит примерно на 54000 человек. При этом оборудование лагерных помещений особлагов затягивалось из-за недостатка материалов (только колючей проволоки требовалось около 1000 тонн, а отпущено было менее половины потребности), не были должным образом оборудованы рабочие производственные зоны. В закрепленных за особлагами частях конвойных войск был большой некомплект личного состава, возникали проблемы с размещением охраны. К тому же даже через год после организации особлаги были планово убыточными: при расходе на 1949 г. в 701 млн. руб. (без

учета расходов на охрану, так как ГУКВ финансировалось отдельно) планировались доходы лишь в 443 млн. руб. Значительное число заключенных не выводили на работы в связи с нехваткой конвойных и отсутствием должного оборудования рабочих зон³¹⁰.

В результате на 1 марта 1949 г. «особый контингент» насчитывал лишь 106573 заключенных, то есть на 38000 меньше установленного годом ранее лимита. Перевод основной массы заключенных в особлаги растянулся на несколько лет. На 1 января 1950 г. в особлагах находилось порядка 185000 заключенных (вместе с «общим контингентом», доля которого составляла порядка 10%), на 1 января 1951 г. — 215000, на 1 января 1952 г. — 257000 и на 1 февраля 1953 г. — 234000. А организованный в конце 1952 г. 12-й по счету особлаг «Водораздельный» фактически даже не успел развернуть работы. Предложение о создании в составе ГУЛАГа специального Управления по делам особых лагерей было отклонено. В итоге половина особлагов подчинялась ГУЛАГУ на общих основаниях, а остальные — нескольким производственным главкам³¹¹.

Таким образом, в целом появление особлагов не отразилось на организационной структуре лагерно-производственного комплекса и не повлияло на общую динамику наполнения лагерей, поскольку, при развертывании особлагов, как правило, использовались уже имевшаяся лагерная инфраструктура и кадры, а основную массу контингента составляли заключенные, переведенные из других лагерей на особый режим содержания. То есть, по сути, это было своеобразное перераспределение контингента заключенных между лагерями.

В целом в связи с тем, что в послевоенный период никаких новых репрессивных кампаний руководством страны не объявлялось, количество контрреволюционных преступлений в общей массе регистрируемых преступлений стало снижаться. Соответственно, число осужденных за контрреволюционные преступления в общей массе заключенных в местах лишения свободы также снизилось: в 1948 г. — до 38%, а в 1949 г. — уже до 22,7%³¹².

Отдельного внимания заслуживают послевоенные административные и уголовные репрессии в отношении спецпереселенцев. В

³¹⁰ Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник.

³¹¹ Там же.

³¹² Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 126.

конце войны и в первые послевоенные годы широко практиковалось массовое выселение людей по социальному, политическому и национальному признаку (бывшие кулаки, советские немцы, калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, турки-месхетинцы, курды, крымские татары, «власовцы», «немецкие пособники», «истинно православные христиане», «оуновцы», «социально опасный элемент» и многие другие категории) с отправкой их на спецпоселение в отдаленные районы страны.

8 января 1945 г. СНК СССР принял Постановление № 35 «О правовом положении спецпереселенцев»³¹³, которым закрепившее принудительное трудоустройство и ограничение свободного передвижения спецпереселенцев. В частности, главы семей спецпереселенцев или их замещающие лица обязаны были в трехдневный срок сообщать в спецкомендатуру НКВД обо всех изменениях в составе семьи. За нарушение режима и общественного порядка в местах поселения данный контингент подвергался административным взысканиям.

Одновременно, 8 января 1945 г. СНК СССР Постановлением № 34-14с утвердил «Положение о спецкомендатурах НКВД СССР»³¹⁴, которые должны были осуществлять учет и административный надзор за спецпоселенцами, предотвращать их побег из мест поселения и контролировать их хозяйственно-трудовое устройство. При этом в своей административной и оперативной работе спецкомендатуры должны были руководствоваться, прежде всего, указанным Постановлением СНК «О правовом положении спецпереселенцев» и ведомственными актами, директивами и циркулярами НКВД СССР. Только в одном Узбекистане, например, было организовано 76 таких спецкомендатур.

Таким образом, сразу после войны условия проживания и статус спецпереселенцев начали ужесточаться. Спецпереселенцы по-прежнему были лишены основных гражданских прав, от них требовалось лишь заниматься общественно-полезным трудом, обеспечивать поставки сельхозпродукции, платить налоги, сберегать государственное и общественное имущество, безоговорочно выполнять все требования работников спецкомендатур и представителей местной власти.

³¹³ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Верховный Совет РФ; отв. за вып. Е. А. Зайцев. М. : Республика, 1993. С. 113.

³¹⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. С. 80.

В 1948 году был предпринят ряд мер по ужесточению административного режима и правового положения спецпереселенцев, в том числе административной и уголовной ответственности, что было направлено, прежде всего, на пресечение побегов и злостных уклонений от трудовой деятельности. Так, в период с 1944 по 1948 годы было отмечено 8692 побега спецпоселенца из мест поселения.

Прежде всего, 2 июня 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни»³¹⁵, а 3 июня 1948 г. Совмин СССР принял Постановление № 1841-730сс «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1945 г. “О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни”»³¹⁶. Данными актами было предусмотрено привлечение к уголовной ответственности и осуждению на 8 лет лишения свободы лиц, высланных на поселение и продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни в местах поселения.

24 ноября 1948 г. СНК СССР в Постановлении № 4637-1726 «О выселенцах»³¹⁷ указал МВД СССР на слабость надзора за спецпоселенцами и допущение значительного числа побегов. В связи с этим были приняты меры по ужесточению уголовной ответственности и меры наказания за побег. Констатировалось, что переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновных привлекать к уголовной ответственности, определив меру наказания в 20 лет каторжных работ. Уголовные дела о побегах выселенцев поручалось рассматривать Особому совещанию при МВД СССР. При этом лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или спо-

³¹⁵ URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480602.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

³¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 325. Л. 258–262.

³¹⁷ URL: <https://rosagr.natm.ru/dynamic/docs/oviselencax.doc> (дата обращения: 12.06.2019).

собствовавших их побегу, и лиц, виновных в выдаче разрешения высленцам на возврат на места их прежнего жительства, также надлежало привлекать к уголовной ответственности с наказанием в виде лишения свободы сроком на 5 лет. Кроме того, предписывалось распространить на высленцев положение Постановления Совмина СССР от 3 июня 1948 г. № 1841-730сс о привлечении к уголовной ответственности и осуждении на 8 лет лишения свободы лиц, высланных на поселение и продолжающих уклоняться от общественно-полезного труда и ведущих паразитический образ жизни в местах поселения.

26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР выпустил секретный Указ «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны»³¹⁸, в котором сообщалось, что немцы, чеченцы, ингуши, крымские татары и другие депортированные в 1941-1942 годах народы переселены в отдаленные районы СССР «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». За попытку покинуть место спецпоселения полагалось 20 лет каторжных работ, а за пособничество в организации побега — 5 лет лишения свободы.

Далее, 22 декабря 1948 г. совместным Приказом МВД СССР и Генпрокуратуры СССР «О порядке привлечения к уголовной ответственности высленцев за побег с места поселения и уклонения от общественно-полезных работ» закреплялось навечно переселение лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Великой Отечественной войны.

Таким образом, наряду с категорией «спецпоселенцы» появилась категория «высленцы», то есть лица, которые по разным причинам были переселены во время Великой Отечественной войны и оставлены в местах поселения навсегда.

На 1 января 1949 г. общая численность стоящих на учете спецпоселенцев составляла 2300233 человека³¹⁹, из них к высленцам относились более 1,8 млн. человек, то есть 80%³²⁰.

³¹⁸ СПС «Консультант Плюс».

³¹⁹ *Земсков В. Н.* Спецпереселенцы (по документам НКВД — МВД СССР), 1990 г. // «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsosman.hse.ru> (дата обращения: 19.09.2019).

³²⁰ *Лиджиева И. В.* Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40-50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 36.

В дальнейшем контингент спецпоселенцев также пополнялся бывшими заключенными тюрем, колоний и лагерей. Так, 11 марта 1952 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении»³²¹.

Послабления и положительная динамика с жизни спецпоселенцев наметились лишь во второй половине 1950-х годов после смерти Сталина.

В целом, в послевоенный период, как уже было отмечено, руководство страны по-прежнему рассматривало армию заключенных как стабильную рабочую силу, способную активно участвовать как в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства, так и в создании новой промышленно-производственной базы в соответствии с планами и задачами, поставленными партией и правительством на ближайшую и последующие пятилетки. Наряду с тем, что сохранялись прежние государственные приоритеты и возобновлялась работа на уже имевшихся объектах, разворачивались новые крупные проекты стратегического назначения. В связи с этим, на лагерно-производственный комплекс возлагались значительные планы и надежды. О масштабах работ, которые возлагались на ГУЛАГ, можно судить, например, по задачам пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства страны на 1946-1950 гг.: на строительстве железных дорог предстояло освоить 5,5 млрд. руб. (на 81% больше, чем в предыдущей пятилетке); шоссейных дорог планировалось построить в 5 раз больше; добычу угля увеличить на 78%; на строительстве предприятий цветной металлургии надлежало освоить 3 млрд. руб., на строительстве БАМа — 4 млрд. руб.³²²

На первом этапе основными направлениями лагерной экономики по-прежнему были лесозаготовки, железнодорожное строительство, горно-металлургическая промышленность, добыча золота и олова, сельское хозяйство, промышленное строительство. Так, в конце 1945 года в системе ГУЛЖДС создается организационная основа для продолжения строительства БАМа, а в 1946 году уже шли работы на его восточном и западном участках, которые велись в основном силами японских военнопленных. Весной 1947 года силами заключенных

³²¹ ГА РФ. Ф. Р- 7523. Оп. 57. Д. 588. Л. 1.

³²² Закон СССР от 18.03.1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.» // СПС «Консультант Плюс».

было начато новое строительство железной дороги к Обской губе. Осенью 1946 года МВД СССР было подключено к «атомному проекту», в связи с чем ГУЛПС был перепрофилирован и объявлен «специальной организацией для строительства предприятий и учреждений Первого главного управления СМ СССР». Было начато строительство целого ряда объектов отрасли атомной энергетики, а также вспомогательных объектов (ТЭЦ, ЛЭП, научных центров). Тогда же вновь созданному главку — Специальному главному управлению МВД СССР были переданы все золотодобывающие предприятия, относившиеся к Минцветмету СССР, в связи с чем вся золотодобыча была монополизирована МВД СССР. Строительство автодорог также велось преимущественно силами военнопленных. Помимо системы ГУЛПСа вновь организуемые ИТЛ были заняты в основном реализацией и выполнением еще довоенных проектов и работ, не требующими больших инвестиций (лесозаготовками, восстановлением и обслуживанием угольных шахт и т. п.).

С окончанием, так называемого, «восстановительного периода», с 1949 года в сфере ответственности МВД СССР начали быстро разворачиваться работы на новых стратегических объектах и строительствах, силами заключенных организовывались широкомасштабные работы.

Так, 11 апреля 1949 г. Совмином СССР было принято Постановление № 1409-506сс «Об освоении полезных ископаемых Красноярского края и развитии промышленности цветных и редких металлов», которым на МВД СССР было возложено проведение всех поисковых и геолого-разведывательных работ по цветным и редким металлам, а также строительство и эксплуатация горных и промышленных предприятий по добыче и производству цветных металлов в районах Красноярского края. Во исполнение данного постановления 16 апреля 1949 г. Приказом МВД СССР № 00349 было образовано Главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае — «Енисейстрой МВД СССР» (по аналогии с «Дальстроем»). Соответственно, из Мингеологии СССР в ведение МВД СССР были переданы 33 профильных организации, в том числе научно-исследовательские. В целом хозяйственная деятельность «Енисейстроя» охватывала 41 район Красноярского края и Хакаскую автономную область.

30 июля 1949 г. Постановлением Совмина СССР на МВД СССР было возложено проектирование и строительство Куйбышевской ГЭС,

а 16 августа 1950 г. — Сталинградской ГЭС и магистрального канала для обводнения Северной части Прикаспийской низменности.

В результате этих мероприятий в 1949 г. в системе МВД СССР было произведено уже более 10% валовой промышленной продукции страны, а число лагерей и лагерных отделений центрального подчинения за 1949 год увеличилось с 79 до 90.

В 1951-1952 гг. в железнодорожном строительстве, не прекращая работ на уже сооружаемых объектах, была развернута сеть новых железнодорожно-строительных ИТЛ на Кольском полуострове, в Архангельской области, на Дальнем Востоке (в частности, для строительства тоннеля под Татарским проливом), гидростроительных лагерей (Волго-Балтийский водный путь, комплекс гидротехнических сооружений в Средней Азии), создана группа ИТЛ в Московской области и т. д. Большая часть этих начинаний имела военно-стратегическую направленность (например, железнодорожные строительства на севере европейской части страны, тоннель под Татарским проливом, многие работы в Московской области).

В 1950 году в ведении МВД СССР появились новые отрасли промышленности — асбестовая и слюдяная. 28 апреля 1950 г. во исполнение Постановления Совмина СССР № 1405–514с «О неотложных мерах по оказанию помощи слюдяной промышленности» Управление слюдяной промышленности СГУ МВД было реорганизовано в Главное управление по добыче и переработке слюды МВД, а в его составе был создан ИТЛ. В мае 1950 г. аналогичным образом для удовлетворения потребности в асбесте на базе выделенного из Министерства строительных материалов главка организуют Главное управление лагерей асбестовой промышленности МВД и ИТЛ в его составе.

В 1951 г. с целью скорейшего освоения нового нефтеносного региона, включавшего Башкирию и Татарию, и ускорения строительства предприятий по производству искусственного жидкого топлива было организовано Главное управление лагерей по строительству нефтеперерабатывающих заводов и предприятий искусственного жидкого топлива МВД СССР. Одним из ключевых направлений являлось гидростроительство, в связи с чем им было занято пять главков и непосредственно подчиненных МВД СССР управлений.

К началу 1953 года количество лагерей и лагерных отделений центрального подчинения увеличилось до 166, еще 5 ИТЛ подчинялись территориальным управлениям. В непосредственном ведении ГУЛАГа находились 82 УИТЛК–ОИТК. В непосредственном под-

чинении МВД СССР находилось 16 производственных главков и управлений (включая ГУЛАГ), имевших в своем распоряжении лагерь. Кроме того, один лагерь находился в подчинении Хозяйственного управления МВД. Самостоятельный 4-й спецотдел МВД СССР ведал спецтюрьмами («шарашками»), в которых заключенные вели конструкторские разработки. Еще 10 управлений и отделов министерства, не имевших в подчинении мест заключения, либо сами выполняли производственные задания (например, Отдельный дорожно-строительный корпус), либо осуществляли координирующие, надзорные или вспомогательные функции по отношению к производственным главкам и управлениям (например, Геологическое управление, Гидропроект, 6-й спецотдел).

В целом МВД СССР и находящаяся в его распоряжении тюремно-лагерная система превратились в, своего рода, универсальную безотказную «палочку-выручалочку»: при появлении новой задачи или обострении положения на уже действующем производстве, они передавались под ответственность МВД, которое по-военному получало задачу и принималось за работу, не имея ни технического проекта, ни экономического обоснования. На высшем уровне также руководствовались в большей степени политическими амбициями, нежели экономической целесообразностью. В итоге к началу 1950-х годов ни одно из крупнейших производственных управлений ГУЛАГа не выполняло своего плана и не было способно должным образом решать поставленные производственные задачи. О напряженности ситуации свидетельствует тот факт, что главки и управления производственно-лагерного комплекса в начале 1953 года непосредственно курировали лично министр внутренних дел и семь из восьми его заместителей, то есть система была полностью централизованной и бюрократизированной. Несмотря на все усилия, повысить производительность труда не удавалось, использовать сложную технику заключенные были просто не в состоянии. Кроме того, остро ощущалась нехватка человеческих трудовых ресурсов. В 1950 году общая численность заключенных в лагерях и колониях составляла около 2600000 человек, в тюрьмах находилось еще порядка 190000 узников³²³. Прирост численности заключенных был крайне низким — в среднем 600000 человек в квартал с учетом их перераспределения

³²³ Ларин С. Неизжитое прошлое // Новый мир. 2000. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/12 (дата обращения: 08.07.2019); Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 118.

между лагерями (например, в 1946-1947 гг. он составлял 130000 чел.). Более того, общая численность заключенных продолжала уменьшаться — в среднем на 10000 человек в квартал. Этого в условиях грандиозного планирования и развернувшегося строительства было явно недостаточно, а именно заключенные были основным ресурсом и решающим «козырем» МВД, поскольку ставка делалась, как и ранее, на его мобилизационные возможности. В связи с этим началось перераспределение заключенных в пользу лагерей центрального подчинения. С лета 1950 г. МВД СССР было вынуждено все чаще и в большей степени концентрировать рабочую силу на крупных предприятиях и стройках за счет абсолютного снижения численности в местах заключения территориальных органов. Поскольку ИТЛ было уже слишком много, то организация еще одного ИТЛ не могла автоматически привлечь внимание высшего руководства министерства, а следовательно, нельзя было рассчитывать на использование потенциала всего МВД или хотя бы его заметной части, если возникли бы трудности при выполнении производственных заданий. Поэтому для решения задач, признанных особо значимыми, вместо ИТЛ начали создавать производственные главки или управления в прямом подчинении МВД. Зачастую это были мелкие структуры, имевшие в своем ведении один малочисленный ИТЛ, но в сложившейся полностью централизованной системе это обеспечивало создаваемой структуре такой иерархический уровень, который позволял ее руководителям обращаться напрямую к высшему руководству министерства за помощью и содействием.

В результате, как констатируют исследователи, как сама система мест заключения, так и лагерная экономика находились в глубоком кризисе³²⁴.

5 марта 1953 г. Сталин умер.

Один из заключенных, отбывавший 10 лет строгого режима в Безымянлаге под г. Куйбышевом, Всеволод Пекарский так описывал свои впечатления и происходящее в лагере в связи со смертью Сталина: «И вдруг, как-то утром, сортируя карточки больных в санчасти, слышу экстренное сообщение — Сталин умер... Всех взволновало это сообщение, но каждого по-разному. В санчасти все как-то притихли, поглядывая друг на друга, вздыхают, поглядывают по сторонам, не зная, что сказать... А вот открылась дверь, и входит Крутов,

³²⁴ Подробнее об этом см.: Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник.

товарищ по несчастью. Не громко, но отчетливо он, пожимая руку мне, сказал, — “Поздравляю вас с огромным, невероятно радостным событием! Не разум, так смерть приносит нам жизнь и свободу!” Я скептически принял это поздравление... Умер Сталин, но он ведь не один! Не может быть, чтобы все вдруг изменилось только потому, что умер Сталин, подумал я. Уж больно много испытал я зла. Разве Сталин знал, какое зло творят его поклонники? Да ему и не снилось то, что делают повсюду! Все это зло заглушалось криками: “За Родину, за Сталина!” Другой товарищ по несчастью, комсомолец, доброволец армии, написал Сталину письмо с фронта о творящихся там безобразиях, и получил за это пять лет заключения... Я еще не знал тогда о том, как погибли Постышев, Блюхер, Тухачевский и многие другие, и думал, что Сталин не знал, что Сталин тут ни при чем... Что может сделать один, хотя бы и Сталин, когда кругом такое безумие!.. Один в поле не воин! Я не верю в чудеса! И вдруг случилось чудо: “Не стало одного — и тихо стало всюду!”... Притихли, притаились наши ненавистные мучители. Наш начальник лагеря... Да этот самый, что недавно, совсем недавно призывал не миндальничать, “поступать так, чтобы почувствовали!”... так вот теперь он, этот изверг, притих, выжидательно притаился. Недавно отбывших срок наказания отправляли в Сибирь, в глухие края... А теперь разрешают вдруг ехать к родным куда угодно...»³²⁵

Система, на самом деле, на какое-то время выжидательно замерла, а затем начала медленно раскручиваться в ином векторе.

Первый заместитель Председателя Совмина СССР и министр внутренних дел СССР Лаврентий Берия, используя свое влияние, преследуя личные цели и руководствуясь своими политическими амбициями, инициировал ряд концептуальных документов и решений, направленных на реформирование тюремно-лагерной системы. Несмотря на лицемерие их инициатора, данные шаги определили дальнейшую судьбу системы.

Прежде всего, 17 марта 1953 г. было направлено Письмо Л. П. Берии председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову о передаче из МВД СССР производственно-хозяйственных и строительных

³²⁵ «Ура! Ура! Ура! Умер Тиран!» Смерть Сталина в воспоминаниях заключенных. С. 85. URL: <https://istpamyat.ru/lyudi-i-sudby/stalin-death/> (дата обращения: 02.10.2019).

³²⁶ Исторический архив. 1996. № 4. С. 137–138.

организаций в ведение других министерств³²⁶. В записке были представлены конкретные предложения, а также предлагался к рассмотрению соответствующий проект Постановления Совета Министров СССР³²⁷.

Соответственно, 18 марта 1953 г. Совмин СССР принял Постановление № 832-370с «О передаче из Министерства внутренних дел СССР производственно-хозяйственных и строительных организаций», в соответствии с которым в связи с освобождением МВД СССР от производственно-хозяйственной деятельности ряд подведомственных ему организаций были переданы другим ведомствам в соответствии с их профилем. В частности, конкретным профильным министерствам передавались главные производственно-хозяйственные управления, строительные управления, промышленные предприятия со всеми входящими в их состав промышленными и строительными подразделениями, служебными помещениями, подсобными хозяйствами, научно-исследовательскими и проектными учреждениями, с материальными ресурсами, производственной и строительной программой, фондами на материалы и оборудование и денежными ассигнованиями (например, в ведение Министерства металлургической промышленности СССР были переданы Даль строй и Енисейстрой).

21 марта 1953 г. в Президиум Совета Министров СССР поступило Письмо Л. П. Берии об изменении строительной программы 1953 года³²⁸, в котором обосновывалась необходимость и целесообразность прекращения и ликвидации ряда масштабных строителств, осуществляемых под ведением МВД СССР, и предлагался соответствующий проект Постановления Совета Министров СССР³²⁹. В частности, отмечалось, что стоимость запланированных на 1953 год капитальных работ оценивается в 13,34 млрд. руб. При этом указывалось, что строительство ряда объектов не обосновано неотложными нуждами народного хозяйства, также многие из них требуют значительных ресурсов (металла, строительных и других технических материалов, оборудования, рабочей силы). В связи с этим предлагалось прекратить или полностью ликвидировать строительство ряда объектов общей сметной стоимостью 49,2 млрд. руб.

Соответственно, 25 марта 1953 г. Совмин СССР принял Постановление № 895-383 «Об изменении строительной программы 1953 года»,

³²⁷ Исторический архив. 1996. № 4. С. 138–139.

³²⁸ Там же. С. 140–142.

³²⁹ Там же. С. 142–143.

в котором прекращались работы по целому ряду начатых строителъств — гидротехнических сооружеиий, железных дорог, тоннельного перехода под Татарским проливом, судоремонтных мастерских порта и поселка в районе Игарки, верфи металлического судостроения в Осетрово, Кировского химического завода, Главного Туркменского канала и др.

26 марта 1953 г. Берия направил в Президиум ЦК КПСС секретную записку за № ЛБ-25 с обоснованием масштабной амнистии³³⁰. Несмотря на лицемерие его автора, данный документ представляет собой официальную оценку тюремно-лагерной системы по состоянию на 1953 год. Так, в частности, в записке приводится следующая информация: «В настоящее время в исправительно-трудовых лагерях, тюрьмах и колониях содержится 2526402 человека заключенных, из них: осужденных на срок до 5 лет — 590000, от 5 до 10 лет — 1216000, от 10 до 20 лет — 573000 и свыше 20 лет — 188000 человек. Из общего числа заключенных количество особо опасных государственных преступников (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, эсеры, националисты и др.), содержащихся в особых лагерях МВД СССР, составляет всего 221435 человек.

Содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью.

Увеличение за последние годы общего числа заключенных объясняется в первую очередь тем, что принятые в 1947 году указы об усилении уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества и за кражи личной собственности граждан предусматривают исключительно длительные сроки заключения. На 1 января 1953 г из общего количества заключенных за указанные преступления в лагерях содержалось 1241919 человек.

Известное значение имело также то обстоятельство, что указом от 15 июня 1939 года было запрещено применявшееся до этого досрочное освобождение заключенных и зачет рабочих дней за хорошее отношение к труду.

В числе заключенных на срок до 5 лет имеется значительное количество осужденных за преступления, в большинстве своем со-

³³⁰ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов, Ю. Сигачев ; под ред. А. Н. Яковлева. М. : МДФ, 1999. С. 19—21.

вершенные впервые и не повлекшие за собой тяжких последствий (самовольный уход с работы, должностные и хозяйственные преступления, мелкие кражи, хулиганство, мелкая спекуляция и др.).

В лагерях имеется 30000 человек, осужденных на срок от 5 до 10 лет за должностные, хозяйственные и воинские преступления, в числе которых — председатели и бригадиры колхозов, инженеры, руководители предприятий и др.

Среди заключенных отбывают наказание 438788 женщин, из них 6286 беременных и 35505 женщин, имеющих при себе детей в возрасте до 2 лет. Многие женщины имеют детей в возрасте до 10 лет, оставшихся на воспитании у родственников или в детских домах.

В местах заключения содержится 238000 пожилых людей — мужчин и женщин старше 50 лет, а также 31181 несовершеннолетний, в возрасте до 18 лет, подавляющее большинство которых отбывает наказание за мелкие кражи и хулиганство.

Около 198000 заключенных, находящихся в лагерях, страдают тяжелым неизлечимым недугом и являются совершенно нетрудоспособными.

Известно, что заключение в лагерь, связанное с отрывом на продолжительное время от семьи, от привычных бытовых условий и занятий, ставит осужденных, их родственников и близких людей в очень тяжелое положение, часто разрушает семью, крайне отрицательно сказывается на всей их последующей жизни.

Большинство из этих заключенных хорошо ведет себя в лагерях, добросовестно относится к труду и может вернуться к честной трудовой жизни».

В связи с этим был сделан вывод о возможности и необходимости амнистии и предложен проект соответствующего Указа. Помимо этого, указывалось на необходимость пересмотра уголовного законодательства в сторону его смягчения, поскольку «ежегодно осуждается свыше 1,5 млн. человек, в том числе до 650 тыс. на различные сроки лишения свободы, из которых большая часть осуждается за преступления, не представляющие особой опасности для государства. Если этого не сделать, через 1-2 года общее количество заключенных опять достигнет 2,5-3 млн. человек».

Соответственно, 27 марта 1953 г. Президиумом Верховного Совета СССР был подписан, а 28 марта — официально опубликован Указ «Об амнистии»³³¹. Указом предусматривалось освобождение из мест заключения:

³³¹ Правда. 1953. 28 марта. № 87(12655).

— лиц, осужденных к лишению свободы на срок до 5 лет включительно;

— лиц, осужденных, независимо от срока наказания, за должностные и хозяйственные преступления, а также за воинские преступления, предусмотренные ст.ст. 193.4 п. а, 193.7, 193.8, 193.10, 193.10 п. а, 193.14, 193.15, 193.16 и 193.17 п. а УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик;

— независимо от срока наказания, осужденных: женщин, имеющих детей в возрасте до 10 лет, и беременных женщин; несовершеннолетних в возрасте до 18 лет; мужчин старше 55 лет и женщин старше 50 лет, а также осужденных, страдающих тяжелым неизлечимым недугом (ст.ст. 1-3).

Кроме того, предусматривалось сокращение наполовину срока наказания в отношении осужденных к лишению свободы на срок свыше 5 лет и прекращение производством всех следственных дел и дел, не рассмотренных судами, по ряду совершенных до издания Указа преступлений (ст.ст. 4-5).

Вместе с тем, оговаривалось неприменение амнистии к лицам, осужденным на срок более 5 лет за контрреволюционные преступления, крупные хищения социалистической собственности, бандитизм и умышленное убийство (ст. 7).

Помимо этого, констатировалась необходимость «пересмотреть уголовное законодательство СССР и союзных республик, имея в виду заменить уголовную ответственность за некоторые должностные, хозяйственные, бытовые и другие менее опасные преступления мерами административного и дисциплинарного порядка, а также смягчить уголовную ответственность за отдельные преступления» (ст. 8).

О ходе и масштабах проводимой амнистии можно судить по справке начальника 2-го Управления ГУЛАГа А.К. Сироткина от 16 ноября 1953 г. «О работе Управления в 1953 году»³³². «Всего из лагерей и колоний ГУЛАГа по амнистии было освобождено 1201606 человек³³³, в том числе:

— осужденных на сроки до 5 лет — 551551 человек;

³³² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. С. 127—128.

³³³ Видимо данные постоянно уточнялись, поэтому цифры, в том числе итоговое число амнистированных, вписаны в напечатанный текст справки от руки (см.: ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1405. Л. 9-10. Подлинник).

- осужденных на сроки свыше 5 лет, за должностные, хозяйственные и воинские преступления — 49745 человек;
- осужденных на сроки свыше 5 лет, которым согласно ст. 4 Указа срок наказания сокращен наполовину — 425811 человек;
- женщин, имеющих детей до 10-летнего возраста — 57132 человека;
- беременных женщин — 6013 человек;
- несовершеннолетних — 5684 человека;
- мужчин старше 55 лет — 44210 человек;
- женщин старше 50 лет — 18044 человека;
- страдающих тяжелыми неизлечимыми недугами — 43411 человек.

В результате общая численность заключенных в лагерях сократилась на 52,7%. Кроме того, 621 211 заключенным, оставшимся в лагерях и колониях, срок наказания в соответствии со ст. 4 указа сокращен наполовину...

Значительная часть освобожденных по амнистии была перевезена специально сформированными поездами. Всего было отправлено 381 товарно-пассажирский поезд. Из отдаленных лагерей вывоз заключенных производился морским и речным транспортом, для чего использовано 38 пароходов и 15 специально оборудованных барж.

Наряду с этим была проведена работа по перестройке оперативного и персонального учета заключенных... Из Министерства внутренних дел СССР были переданы в Министерство юстиции СССР учеты преступников и организованы в ГУЛАГе и во всех УИТЛК-ОИТК картотеки персонального учета».

К этим данным следует добавить также:

- несовершеннолетних, освобожденных из детских колоний;
- лиц, освобожденных из тюрем;
- ссыльных, снятых с учета.

По данным исследователей, с учетом этих категорий под амнистию подпало 1349263 человек³³⁴.

Фактически большинство амнистированных составляли осужденные за общеуголовные преступления. Например, из заключенных

³³⁴ Эли М. Слух о бандитском разгуле в 1953-1954 гг. // Слухи в России XIX-XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сб. статей / под ред. И. В. Нарского и др. ; Южно-Уральский гос. ун-т ; Центр культ.-ист. исслед. ; Германский ист. ин-т в Москве ; Челяб. отд. Рос. общ-ва интеллек. истории. Челябинск, 2011. С. 146—167.

лагерей Дальстроя под данную амнистию попадали 39905 человек (не считая отбывших на момент амнистии половину срока, превышавшего 5 лет), из которых 14617 человек были осуждены за хищения личной собственности граждан, 10402 — за хищения социалистической собственности, 326 — за изнасилования, 1047 — за разбой, 454 — за незаконное хранение оружия, 2673 — за хулиганство, 485 заключенных являлись ворами-рецидивистам. Таким образом, в целом из этих почти 40 тыс. заключенных за иные имущественные преступления были осуждены 855 человек, за воинские — 2326, за спекуляцию — 1007, за нарушение закона о паспортизации — 252, за должностные и хозяйственные преступления — 1745, а за прочие преступления — лишь 3625 человек (то есть менее 10%), которые попадали под неамнистируемые статьи³³⁵.

Кроме того, 28 апреля 1953 г., как и было предписано, Председателю Совмина СССР Г. М. Маленкову был представлен проект Указа Президиума Верховного Совета СССР «О замене уголовной ответственности за некоторые преступления мерами административного и дисциплинарного порядка и о смягчении уголовной ответственности за отдельные преступления», который был подготовлен в Верховном Совете СССР. По решению ЦК КПСС документ был направлен на доработку, но в дальнейшем так и не был принят. Однако в целом был дан толчок к началу работы над новым УК РСФСР.

Вместе с тем процесс освобождения заключенных продолжился, был реализован еще целый ряд амнистий и иных акций, в том числе связанных с реабилитацией, но не столь масштабных.

Так, в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР «О порядке досрочного освобождения от наказания осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет» от 24 апреля 1954 г.³³⁶ было освобождено — 28996 человек, «О введении условно-досрочного освобождения из мест заключения» от 14 июля 1954 г. — 141967 чел., «О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за мелкое хищение госу-

³³⁵ *Бацаев И. Д.* Амнистия 1953 г. и её последствия // Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 173—184.

³³⁶ Справка ГУЛАГа о наличии, движении и составе заключенных ИТЛ и ИТК МВД СССР за период 1953-1955 гг. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 102).

дарственного и общественного имущества» к лицам, совершившим эти преступления до 10 января 1955 года» от 24 мая 1955 г. — 3099 чел., «О досрочном освобождении из мест лишения свободы инвалидов, престарелых, лиц, страдающих тяжелым неизлечимым недугом, беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» от 3 сентября 1955 г. — 77333 чел., «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» от 17 сентября 1955 г. — 59610 чел., «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание за политические, должностные и хозяйственные преступления» от 24 марта 1956 г. — 85116 чел., «О льготах заключенным, отличившимся на строительстве первой очереди Куйбышевской гидроэлектростанции» от 10 августа 1956 г. — 5239 чел., «Об амнистии в ознаменование 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» от 1 ноября 1957 г. — 194817 чел., «О рассмотрении дел на лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы за менее опасные преступления» от 14 августа 1959 г. — 363779 чел. Итого еще порядка 960000 заключенных.

Так, согласно официальным данным, если на 1 января 1953 г. в ИТЛ и ИТК содержалось 2472247 заключенных, то на 1 января 1954 г. их уже было 1325003 человек или 53,6%, на 1 января 1955 г. — 1075280 человек или 43,5%, на 1 января 1956 г. — 781630 человек или 31,6%, на 1 января 1957 г. — 807977 человек или 32,7%. То есть за 4 последующих года численность заключенных уменьшилась на 1690617 человек или на 68,4 %, то есть более чем в 3 раза³³⁷.

В. Н. Земсков в своих исследованиях приводит данные о том, что в целом в период с 1953 по 1959 годы было досрочно освобождено по амнистиям порядка 2,3 млн. заключенных тюрем, колоний и лагерей³³⁸.

Таким образом, с 1953 года число освобождаемых заключенных стало превышать число вновь поступающих в ГУЛАГ осужденных. Так, в 1953 г. в лагеря и колонии поступило 463372 осужденных, а освобождено 1591703 заключенных, в 1954 г. — 421995 и 629143, в 1955 г. — 432670 и 671734, в 1956 г. — 541110 и 473054,

³³⁷ Справка ГУЛАГа о наличии, движении и составе заключенных ИТЛ и ИТК МВД СССР за период 1953-1955 гг. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 102).

³³⁸ *Земсков В. Н.* Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 131.

в 1957 г. — 436724 и 507804, в 1958 г. — 478213 и 3314259 соответственно. Всего за 1953-1958 гг. ИТЛ и ИТК поступило порядка 2,8 млн., а освобонилось свыше 4,2 млн. заключенных.

В целом же, на 1 января 1953 г. в местах лишения свободы СССР содержалось 2624537 заключенных, в том числе в лагерях — 1731693, в колониях — 740554, в тюрьмах — 152290, на 1 января 1954 г. — 1474085 (884040, 440963 и 149082), на 1 января 1955 г. — 1173854 (748489, 326791 и 98574), на 1 января 1956 г. — 925139 (557877, 223753 и 143509), на 1 января 1957 г. — 947433 (492092, 315885 и 139456), на 1 января 1958 г. — 840603 (409567, 312332 и 118704)³³⁹. То есть общая численность заключенных в местах лишения свободы снижалась и, главным образом, за счет уменьшения численности лагерного населения.

28 марта 1953 г. Берия направил в Президиум Совета Министров СССР Письмо о передаче из МВД СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний³⁴⁰, к которому прилагался проект соответствующего Постановления Совета Министров СССР³⁴¹. Данными документами обосновывалась и предлагалась передача от МВД СССР к Минюсту СССР Главного управления лагерей и колоний (ГУЛАГ) и Отдела детских колоний (ОДК) со всеми входящими в их состав службами, подразделениями и местными органами.

Соответственно, 28 марта 1953 г. Совмином СССР было принято Постановление № 934-400сс «О передаче из МВД СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний», в соответствии с которым вся тюремно-лагерная система была передана от МВД СССР в ведение Минюста СССР. Кроме того, на Минюст СССР возлагались содержание, охрана и персональный учет осужденных к лишению свободы, а также содержание воспитанников детских воспитательных колоний и приемников-распределителей. Данное решение не распространялось на особо опасных государственных преступников, осужденных к лишению свободы (шпионы, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и участники других антисоветских организаций и групп и другие лица, пред-

³³⁹ Там же. С. 131.

³⁴⁰ Исторический архив. 1996. № 4. С. 148.

³⁴¹ Там же. С. 149–150.

ставляющие опасность по своей вражеской деятельности, а также военные преступники из числа бывших военнопленных). Они содержались в особых лагерях и тюрьмах, которые по-прежнему оставались в ведении МВД СССР в сфере ответственности Тюремного управления.

Однако Минюст СССР оказался не в состоянии отвечать за функционирование такого сложного механизма как производственно-лагерный комплекс. Уже летом 1953 года в ЦК КПСС стали поступать сигналы об ухудшении ситуации в ИТЛК. В результате амнистии лагеря покинули многие заключенные, которые хорошо себя зарекомендовали, в том числе в труде. Среди оставшихся заключенных значительную часть стали составлять осужденные за особо опасные общеуголовные преступления. Участились случаи бандитских нападений, групповых неповиновений, а в ряде лагерей даже прошли бунты и волнения сопряженные с убийствами (в частности, в лесных лагерях ГУЛЛП Унженский, Вятский и Каргопольский). Органы МЮ СССР не были готовы противостоять этим процессам и способны обеспечить должный порядок. Кроме того, как отмечают ряд исследователей, очевидно, что наряду со многими политическими и организационными причинами одной из ключевых причин была низкая производительность труда заключенных и, как следствие, убыточность большинства лагерей³⁴².

В связи с перечисленными причинами и условиями в системе ИТЛК ГУЛАГа были ликвидированы 104 лагеря и 1567 колоний и лагерных подразделений³⁴³. При этом было решено вновь передать систему ИТЛК из Минюста СССР в МВД СССР. 21 января 1954 г. Постановлением Совмина СССР № 109-65сс «О передаче из Министерства юстиции СССР в Министерство внутренних дел СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний» на МВД СССР вновь были возложены функции по содержанию, охране и учету всех осужденных к лишению свободы, организации и проведению исправительно-трудовых работ, а также содержанию воспитанников детских воспитательных колоний и приемников-распределителей. 28 января 1954 г. совместным Приказом МЮ СССР и МВД СССР № 005/

³⁴² Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник.

³⁴³ Докладная записка министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 26.05.1954 г. «О состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях». URL: <http://istmat.info/node/57853> (дата обращения: 25.05.2019).

0041 «О передаче из МЮ СССР в МВД СССР ИТЛК»³⁴⁴ была предусмотрена процедура передача всей системы ГУЛАГа в МВД СССР, о чем 15 февраля 1954 г. был составлен соответствующий Акт приема-передачи ИТЛК из МЮ СССР в МВД СССР³⁴⁵. При этом особые лагеря вновь были переданы из Тюремного управления МВД СССР в ведение ГУЛАГа.

В начале 1954 года в системе функционировало 68 ИТЛ различного отраслевого профиля. В течение 1954 года их отраслевой профиль и состав существенно не изменился. Так, большая часть лагерей — 42 были заняты в лесной промышленности, в «атомном проекте», на военных объектах и в системе Дальстроя. К концу 1954 г. на лесоразработках, в атомном строительстве и в Дальстрое было сконцентрировано более 75% лагерных подразделений и заключенных. Сократилось число лагерей, занятых в химической промышленности, строительстве железных дорог, в золотодобыче и гидротехническом строительстве. Полностью были ликвидированы лагерь, специализировавшиеся на гражданском и промышленном строительстве (исключая упомянутые выше направления). Из 14 вновь созданных лагерных подразделений 2 вошли в состав ГУЛЛП, 10 обслуживали строительства Главпромстроя и Главспецстроя. Общее же число исправительно-трудовых лагерей к концу года почти не изменилось — на 31 декабря 1954 г. их было 65³⁴⁶.

Из официальных данных следует, что на 1 апреля 1954 г. в ИТЛ содержалось 897051 заключенный, из которых полностью годных к физическому труду было лишь 55,6%, ограниченно годных — 32,7% и непригодных к труду инвалидов и престарелых — 11,7%. При этом из числа работающих заключенных 11,1% не выполняли установленных норм выработки, а план вывода заключенных на работы в 1 квартале 1953 года был выполнен лишь на 60,9%³⁴⁷.

В дальнейшем «чехарда» с организацией и управлением тюремно-лагерной системой продолжилась. Прежде всего, исправительно-

³⁴⁴ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 81).

³⁴⁵ Там же. (Документ № 82).

³⁴⁶ Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник.

³⁴⁷ Докладная записка министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 26.05.1954 г. «О состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях».

трудоу лагеря передавались в подчинение производственным главам, которые вновь передавались из профильных министерств в ведение МВД СССР (сначала только по производственным, а затем и по другим вопросам). Так, в феврале 1954 г. было восстановлено ГУЛЛП, которому были переданы все лесные лагеря, а в феврале 1955 г. лагеря в свое подчинение получили Главпромстрой и Главпестрой. Следующим шагом, начиная с 1955 года, стала децентрализация системы мест заключения. да последовательно) проводить децентрализацию структуры мест заключения, что на практике выразилось, во-первых, в переподчинении ИТЛ республиканским министерствам внутренних дел, а, во-вторых, в ликвидации лагерных управлений с передачей их лагерных подразделений территориальным органам. Так, в октябре 1955 г. лагеря, дислоцировавшиеся на территории Коми АССР, были переданы в подчинение МВД Коми АССР, а в декабре 1954 г. аналогичным образом в ведение МВД РСФСР перешли четыре лесных лагеря — Унженский, Вятский, Каргопольский и Мехреньгский³⁴⁸.

12 марта 1954 г. Президиум ЦК КПСС принял Постановление «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР»³⁴⁹, в котором были определены основные направления развития и изменения в сфере исполнения уголовных наказаний после амнистии 1953 года. Данным документом на министра внутренних дел лично возлагалась обязанность «навести надлежащий порядок в работе исправительно-трудоу лагерей и колоний, обратив особое внимание на правильное трудовое использование заключенных <...> Укрепить ГУЛАГ и администрацию исправительно-трудоу лагерей проверенными квалифицированными кадрами. Разработать и представить на рассмотрение Совета Министров СССР Положение об исправительно-трудоу лагерях и колониях...»

Соответственно, такое Положение было подготовлено, и 10 июля 1954 г. Совмин СССР принял Распоряжение № 7688-рс «Об утверждении Положения об исправительно-трудоу лагерях и колониях МВД СССР», а 17 июля 1954 г. Приказом МВД СССР № 00610 данное Положение было объявлено в системе МВД³⁵⁰. В данном

³⁴⁸ Докладная записка министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 26.05.1954 г. «О состоянии дел в исправительно-трудоу лагерях и колониях».

³⁴⁹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 47.

³⁵⁰ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 45).

документе декларировалось, что основной задачей исправительно-трудовых учреждений является создание условий, исключающих возможность совершения осужденными новых преступлений, а конечной целью — исправление и перевоспитание осужденных на основе приобщения их к общественно-полезному труду.

Исправительно-трудовые учреждения согласно новому Положению делились на следующие виды:

- исправительно-трудовые лагеря облегченного, общего и строгого режимов;
- исправительно-трудовые колонии облегченного режима;
- тюрьмы общего и строгого режимов;
- детские трудовые колонии;
- детские трудовые воспитательные колонии.

При этом об особых лагерях в документе речь уже не шла. После лагерных восстаний 1953-1954 годов от особлагов решено было отказаться, предусматривалась лишь необходимость изоляции осужденных за контрреволюционные преступления от остальных заключенных.

Положение вводило новую классификацию осужденных. Так, в исправительно-трудовых колониях должны были находиться:

- а) лица, осужденные к лишению свободы до 3-х лет;
- б) лица, осужденные впервые за должностные, хозяйственные и другие не особо опасные преступления;
- в) лица, переведенные из детских трудовых колоний для несовершеннолетних для дальнейшего отбывания наказания.

В исправительно-трудовых лагерях отбывали наказание все остальные категории осужденных к лишению свободы.

В октябре 1954 г. в системе МВД СССР в развитие указанного Положения была объявлена Инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях.

18 октября 1954 г. ЦК КПСС утвердил новое Положение о политических органах ГУЛАГа МВД СССР, в соответствии с которым организация политико-воспитательной работы с заключенными становилась одной из главных задач политотделов и партийных организаций лагерей и колоний.

Организационно-управленческая неразбериха и экономическая нерентабельность привели к тому, что с 1955 года началось сворачивание системы лагерей как элемента тюремно-лагерной системы. Так, к концу 1955 года в ведении Главспецстроя из 7 оставались только 2 ИТЛ, а в 1956 году и они были ликвидированы вместе с самим

главком. К октябрю 1956 года непосредственно в подчинении МВД СССР оставалось 37 лагерей и лагерных отделений.

Наряду с этим принимались решения по линии детских колоний. Так, 22 мая 1956 г. ЦК КПСС принял Постановление «О мерах улучшения работы детских колоний МВД СССР», а 8 августа 1956 г. МВД СССР и Прокуратура СССР совместно приняли Инструкцию о порядке направления детей и подростков в детские воспитательные колонии МВД СССР, которая предусматривала возможность направления в детские воспитательные колонии несовершеннолетних от 11 до 16 лет.

Своеобразным итогом происходящих внутри тюремно-лагерной системы процессов стало совместное Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР № 1443–719с от 25 октября 1956 г. «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР»³⁵¹, в котором констатировалась нецелесообразность дальнейшего существования ИТЛ МВД СССР как не обеспечивающих выполнения возложенной на них важнейшей государственной задачи — перевоспитания заключенных в труде. Согласно данному Постановлению, все ИТЛ МВД СССР передавались в подчинение МВД союзных республик по территориальному принципу и впоследствии должны были реорганизоваться в ИТК. Соответственно, ГУЛАГ прекращал свое существование, вместо него в составе МВД СССР создавалось Главное управление исправительно-трудовых колоний (ГУИТК) МВД СССР, роль которого фактически сводилась к координации функционирования республиканских систем мест заключения.

Однако лагеря после этого еще долгое время оставались востребованными системой. Во-первых, в других учреждениях не сразу были созданы необходимые условия для содержания особо опасных преступников и рецидивистов. Во-вторых, требовалось расширение системы иных учреждений для отбывания лишения свободы, чтобы разместить всех осужденных. Так, в период с 1956 по 1959 годы было организовано 197 новых колоний, рассчитанных на содержание дополнительно 96000 заключенных³⁵². Вместе с тем, первое время большая часть заключенных ИТЛК содержалась именно в лагерях. Так, в 1957 году в ИТЛ содержалось 60,9% заключенных, а в ИТК — 39,1%, в 1958 г. — 56,7% и 43,3% соответственно. Только в начале

³⁵¹ ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 49).

³⁵² Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 139.

1959 г. впервые было зафиксировано численное преобладание заключенных в ИТК по сравнению с ИТЛ. На 1 января 1959 г. в местах лишения свободы содержалось 1023600 заключенных, в том числе в лагерях — 388114, в колониях — 474593, в тюрьмах — 160893³⁵³. В-третьих, еще продолжалось использование труда лагерных заключенных на отдельных производственных направлениях. Были даже отдельные попытки организации новых лагерей. Так, в феврале 1955 года был организован ИТЛ в Казахстане для строительства совхозов и зерноскладов на осваивавшихся целинных землях, в 1957 году был организован Орловский ИТЛ в Красноярском крае, а в 1958 году — Павловское лагерное отделение в Подмосковье. Однако на общую тенденцию все эти факторы уже повлиять не могли. К концу 1959 года еще функционировало 25 лагерей.

Таким образом, со смертью Сталина завершился тоталитарный период советского государства, начался, так называемый, период оттепели и реабилитаций. Эти процессы также имели политический характер и связывались уже с личностью Н. С. Хрущева, то есть, по сути, маятник качнулся в другую сторону, что представляло собой переход власти внутри страны от одних политических сил и лидеров к другим. Плюсом данного процесса являлось лишь то, что был разоблачен и осужден культ личности Сталина, созданный им тоталитарный режим и преступная деятельность его отдельных соратников.

Началась реорганизация всей системы государственного управления, в том числе тюремно-лагерной сферы. Справедливости ради следует заметить, что эти изменения в целом носили формальный характер, принципиально система не изменилась, поскольку ни государственная идеология в целом, ни концепция построения, организации и функционирования непосредственно уголовно-исполнительной системы, а также подходы к исправлению и перевоспитанию заключенных не изменились.

³⁵³ Земсков В. Н. Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы. С. 131.

— Глава 2 —

Общая характеристика оперативной и криминальной обстановки внутри тюремно-лагерной системы в СССР в 1930–1950-е гг.

Сталинские репрессии привели к значительному росту в стране числа заключенных. По оценкам исследователей, ежегодно в местах заключения находилось до 3 млн. человек. Всего в тоталитарный период через места заключения, по некоторым данным, прошло до 18 млн. человек, включая политзаключенных и осужденных за общеуголовные преступления³⁵⁴. Закономерно, что рост численности заключенных приводил соответственно и к росту преступности непосредственно в местах лишения свободы, поскольку это был по-своему организованный замкнутый социум, который приспособивался, выживал и жил по своим законам.

Условно лагерное население, в зависимости от оснований нахождения в местах заключения, подразделялось на «уголовников» и «политических». Уголовные элементы зачастую вновь совершали общеуголовные преступления, отказывались выполнять установленные внутренние правила и приказы администрации, провоцировали столкновения, погромы и драки. Уголовные элементы, как правило, становились лидерами в этой среде, поскольку она была для них более привычна и даже, в какой то степени, естественна.

Примечательно, что в довоенный период в ряде лагерей и строительств НКВД в качестве obsługi в подразделениях военизированной охраны использовались заключенные, которые, имея доступ в казармы, знали о количестве охраны и ее расположении, бытовые условия, организацию и инструктаж нарядов по охране заключенных, вооружение и т. д. Более того, стрелки охраны попадали в зависимость от заключенных при распределении питания, так как

³⁵⁴ Подробнее об этом см., напр.: *Пыхалов И. В.* О масштабах «сталинских репрессий». URL: <https://fishki.net/2068937-masshtaby-stalinskih-repressij-tochnye-cifry.html> (дата обращения: 09.09.2019); *Земсков В. Н.* О масштабах политических репрессий в СССР // Политическое просвещение. 2012. № 1(66). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783> (дата обращения: 11.09.2019).

поварами и заведующими складами также были заключенные. Помимо этого, данные по охране являлись доступными осужденному контингенту.

Кроме того, в связи с некомплектom охраны мест лишения свободы практиковалась, так называемая, «самоохрана», когда заключенные, к которым администрация была лояльна, становились стрелками охраны. Как уже отмечалось, к началу 1939 года число стрелков охраны из контингента самих заключенных составляло 25000 человек.

Такое положение негативно отражалось на оперативной и криминальной обстановке в местах заключения. Прежде всего, надежность и степень изолированности заключенных были низкими. В связи с этим были весьма распространены побегии из мест заключения. Так, в 1934 году из лагерей ГУЛАГа бежали 83490 заключенных, в 1935 г. — 67493, в 1936 г. — 58313, в 1937 г. — 58264 заключенных³⁵⁵.

В связи с этим был принят ряд мер, как организационных, так и карательных и репрессивных.

8 января 1939 г. в целях сохранения служебных тайн и прекращения доступа заключенных в расположение частей охраны лагерей Приказом НКВД СССР № 05 «О замене в военизированной охране обслуги заключенных вольнонаемными» имеющуюся обслугу в лагерях из числа заключенных (поваров, уборщиков, заведующих и кладовщиков продовольственно-вещевыми складами и прочих) было предписано заменить вольнонаемным составом.

УК РСФСР 1926 г. была установлена уголовная ответственность за побег из мест заключения (ст. 82), а в дальнейшем сфера применения данной нормы только расширялась, а меры ответственности ужесточались: побегом считалась самовольная отлучка с места работы, неявка к месту заключения после работы, самовольный уход с внешних работ и с участков работы за пределами колонии (ст. 50 Положения об исправительно-трудовых лагерях 1930 г., ст. 91 ИТК РСФСР).

В первое время карательная политика в отношении побегов из мест лишения свободы в основном выражалась в увеличении срока отбывания наказания. Однако уже 13 июня 1930 г. Президиум ЦИК СССР принял Постановление «Об ответственности административ-

³⁵⁵ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 135—136.

но-технического персонала исправительно-трудовых лагерей и об ответственности лиц, совершивших побег из ИТЛ»³⁵⁶, предусматривавшем, что за побег, совершенный повторно, либо с оружием, либо с применением насилия к охране, либо группой лиц, срок заключения увеличивался до 10 лет. К лицам, ранее осужденным за контрреволюционные преступления или бандитизм, допускалось применение высшей меры наказания — расстрела.

28 апреля 1941 г. НКВД, НКЮ и Генпрокуратура СССР издали секретный Совместный циркуляр «Об усилении борьбы с побегами заключенных из ИТЛ»³⁵⁷, в котором разъяснили, что побег заключенных следует квалифицировать «как одну из наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства» по ст. 58.14 УК РСФСР 1926 г. и применять к виновным «суровые судебные меры наказания, а в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно». С учетом личности преступника рекомендовалось применять расстрел, прежде всего, в отношении «контрреволюционеров, бандитов, грабителей и других особо опасных преступников и заключенных других категорий, совершивших повторный побег». 2 июля 1941 г. в связи с началом войны данному документу придали обратную силу и распространили его действие также на случаи побегов, имевшие место до его издания. Принимая такие решения директивные органы рассчитывали на общую превенцию, полагая, что перспектива признания «контрреволюционером» и «политическим» со всеми вытекающими из этого последствиями будет удерживать «уголовников» от совершения побегов. Таким образом, по ст. 82 УК РСФСР квалифицировались, как правило, побег несовершеннолетних преступников, а также побег из колоний лиц, имевших небольшие сроки наказания за незначительные преступления. В целом ст. 82 УК РСФСР применялась примерно в 40% случаев. В остальных случаях побег квалифицировался как контрреволюционный саботаж по ст. 58.12 УК РСФСР. Судьям же разъяснялось, что при квалификации следует исходить из оценки характера и обстоятельств дела, по которому был осужден беглец, характера и способа совершения самого побега, а также личности преступника. Ежегодно за побег по ст. 58.14 УК РСФСР осуждались порядка

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р. 3316. Оп. 64 Д. 912. Л. 5.

³⁵⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. С. 188.

3-4,5 тыс. заключенных или порядка 16-20% от общего количества привлеченных к ответственности заключенных, из них лишь 4% составляли осужденные за контрреволюционные преступления. Так, например, в 1949 году по ст. 58.14 УК РСФСР за побег было осуждено 4487 человек (21,5% от общего количества осужденных заключенных)³⁵⁸. Существенную роль в борьбе с побегами заключенных и дезертирством трудмобилизованных играла работа оперативно-чекистских отделов по вербовке агентурно-осведомительской сети. Так, в период с 1 июля 1942 г. по 1 августа 1944 г. на основании агентурной информации было предотвращено более 46000 побегов³⁵⁹. В итоге число побегов существенно снизилось, но оставалось значительным: в 1941 г. — 22032 (0,37%), в 1942 г. — 27246 (0,47%), 1943 г. — 14796 человек. При этом около 1/3 бежавших при побеге не были задержаны³⁶⁰.

В целом в первые годы войны оперативная обстановка в местах лишения свободы значительно ухудшилась. Это было связано с тем, что заключенные, отбывавшие срок за незначительные преступления, были освобождены, а на их место пришли те, кто был осужден за более тяжкие преступления. Режим содержания существенно ужесточился, материальное обеспечение и бытовые условия ухудшились.

За первые три года войны в лагерях и колониях ГУЛАГа было арестовано и привлечено к уголовной ответственности 148296 человек, из них: 118615 заключенных, 8543 мобилизованных немцев и 21538 вольнонаемных сотрудников (во второй половине 1941 г. — 26924, в 1942 г. — 57040, в 1943 г. — 47244, в первой половине 1944 г. — 17088 человек). При этом судебными органами и Особым совещанием при НКВД СССР было осуждено 96006 заключенных, 6918 трудмобилизованных и 14603 вольнонаемных работника³⁶¹.

По отдельным видам преступлений было привлечено: за шпионаж — 208, за террористические проявления — 387, за диверсион-

³⁵⁸ *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 287—308.

³⁵⁹ Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941—1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60—86.

³⁶⁰ Уголовно-исполнительная система. 130 лет. С. 135.

³⁶¹ Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941—1944)». С. 60—86.

ную и вредительскую деятельность — 3920, за повстанчество — 6016, за антисоветскую агитацию — 15082, за побеги — 43064, за отказ от работы — 13256, за хищения, растраты и должностные преступления — 21667 человек³⁶².

К высшей мере наказания из числа осужденных было приговорено 10858 человек, из них 10087 заключенных, 526 мобилизованных в рабочие колонны и 245 вольнонаемных. Смертная казнь выносилась, прежде всего, по обвинениям в принадлежности к лагерным подпольным организациям и группам. По официальным данным ГУЛАГа, «в течение 1941-1944 гг. в лагерях и колониях вскрыто и ликвидировано 603 повстанческих организаций и групп, активными участниками которых являлись 4640 человек»³⁶³. Исследователи отмечают большую вероятность того, что данные цифры весьма приувеличены, однако факт существования целого ряда лагерных подпольных организаций («Железная гвардия», «Русское общество мщения большевикам» и др.) подтверждается исследованиями и не вызывает сомнений³⁶⁴. Наибольшую активность в этом плане проявляли лица, осужденные за участие в антисоветских организациях, за пособничество немецким оккупантам, представители республик Прибалтики, бывшие военнослужащие и мобилизованные немцы.

Значительную долю в структуре лагерной преступности занимали контрреволюционные преступления (например, в 1945 году — 30,4%). По большей части это были такие деяния как антисоветская агитация и пропаганда (ст. 58.10 УК РСФСР) и контрреволюционный саботаж (ст. 58.14 УК РСФСР).

«Антисоветская агитация» представляла порой вполне реальную угрозу благополучию и спокойствию лагерного начальства, поскольку попадала в благодатную лагерную почву. И правоохранительная, и судебная, и тюремно-лагерная подсистемы были уверены, что основной целью антисоветской агитации в исправительно-трудовых учреждениях является «вызвать недовольство режимом и организовать саботаж и срыв выполнения государственных плановых заданий».

³⁶² Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)». С. 60–86.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 10–27.

Так, в 1946 году по ст. 58.10 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду было осуждено 999 заключенных, в основном это были лица, уже ранее судимые за контрреволюционные преступления. Как пишет Г. М. Иванова, это были, своего рода, «политические рецидивисты»³⁶⁵. Например, заключенная Сиблага М. Ф. Карпова была осуждена по ст. 58.10 УК РСФСР семь раз, заключенные Ивдельлага А. В. Попов и В. И. Туров — пять и шесть раз соответственно, заключенная Восточно-Уральского ИТЛ Кубрякова осуждалась по ст. 58.10 УК РСФСР шесть раз, причем каждый раз к 10 годам лишения свободы³⁶⁶.

Наиболее распространенной формой антисоветской агитации было «комментирование». Более 70% заключенных вменялось в вину то, что они публично комментировали во враждебном, антисоветском духе прочитанную в газетах информацию, услышанные по радио речи советских руководителей, а также выступления политработников ГУЛАГа.

Кроме того, часто практиковалось вывешивание на территории лагеря в ночное и предутреннее время лозунгов и листовок «контрреволюционного содержания». Такая форма антисоветской агитации и пропаганды вменялась в вину более 25% заключенных, привлекаемых к ответственности по ст. 58.10 УК РСФСР.

Так, например, в марте 1952 г. лагерный суд Песчаного ИТЛ рассмотрел дело по обвинению в антисоветской агитации четырех заключенных женщин — Гичко, Зелинской, Стасюк и Яструбецкой. Судом было установлено, что подсудимые «по договоренности между собой на протяжении с апреля по ноябрь месяцы 1951 г. занимались антисоветской агитацией путем печатания листовок и карикатур антисоветского содержания и распространения их среди других заключенных женщин, среди которых также выступали с антисоветскими высказываниями. Названная группа изготовила в мае месяце 1951 г. флаг украинских националистов, а также изготовила штамп с надписью антисоветского содержания, с помощью которого печатали антисоветские листовки». По приговору суда все подсудимые были признаны виновными по ст. 58.10 УК РСФСР и каждой из них было назначено наказание в виде 10 лет заключения в ИТЛ³⁶⁷.

³⁶⁵ Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954. С. 287–308.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 25. Л. 24-29.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 483. Л. 30.

Данные преступления совершали, как правило, «политзаключенные», по идеологическим соображениям. Многие обвиняемые на следствии и в суде даже не отказывались от содеянного, мотивируя это своими внутренними убеждениями.

Представители уголовного мира (воры, бандиты, убийцы, разбойники и пр.) становились «контрреволюционерами» и «политзаключенными» чаще всего в связи обвинениями по ст. 58.14 УК РСФСР. Ежегодно лагсуды рассматривали от 3 до 5 тыс. уголовных дел, возбуждаемых по данной статье, что составляло от 12 до 20% от общего количества поступавших дел. Это были в основном дела о побегах, саботаже, отказе от работы, членовредительстве, умышленном самоистощении, симуляции болезни, возбуждаемые в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. «О лагерях НКВД СССР», который предписывал применять «по отношению к прогульщикам, отказчикам от работы и дезорганизаторам производства» суровые меры принуждения, к «наиболее злостным дезорганизаторам лагерной жизни и производства применять более суровые, судебные меры наказания, в отдельных случаях до высшей меры наказания включительно» (п. 3). Одной из форм контрреволюционного саботажа являлись голодовки, к которым в 1930-е годы прибегали «политзаключенные». Так, например, в ноябре 1936 г. в Воркутинском ИТЛ заключенные, осужденные за контрреволюционную троцкистскую деятельность, в количестве 160 человек, требуя для себя особого положения и отказываясь работать, объявили массовую голодовку³⁶⁸.

В период с 1941 по 1944 годы за саботаж, отказ от работы, членовредительство, а также за пособничество в этих преступлениях было привлечено к уголовной ответственности 13254 человека³⁶⁹. В 1946 г. за отказ от работы было осуждено 878 заключенных или 5,7% от общего числа привлеченных к уголовной ответственности заключенных, в 1947 г. — 1072 или 4,7%. В последующие годы в связи с введением зачетов рабочих дней и оплаты труда количество

³⁶⁸ Кузьмин С. И., Якушина Е. С. Система мер борьбы с побегами и другими протестными действиями заключенных в местах лишения свободы в 30-е гг. XX в. в СССР // Вестник Волгоградского института права и экономики ФСИН России «Пенитенциарная наука». 2016. № 3(35). С. 7.

³⁶⁹ Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркомун внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941–1944)». С. 60–86.

данных деяний сократилось и их доля в общей массе осужденных заключенных составляла 2-3%³⁷⁰.

За членовредительство ежегодно осуждалось в среднем порядка 500 заключенных. Например, в 1946 г. за данное деяние было осуждено 210, а в 1949 г. — 681 заключенный³⁷¹.

В целом Управление лагерных судов Минюста СССР при анализе практики лагсудов констатировало, что «отказы от работы и членовредительства имеют довольно широкое распространение в системе ГУЛАГа МВД СССР <...> Эти преступления разлагают лагерную дисциплину и наносят большой вред производственной работе лагерей и колоний МВД».

Существенной также в общей массе совершаемых заключенными преступлений была доля хищений социалистической собственности, поскольку к работе с материальными ценностями в ГУЛАГе допускались только «социально близкие» заключенные, то есть уголовники, в том числе воры, грабители и расхитители. В 1945 г. доля уголовных дел о хищениях составляла 14,5% от общего количества рассмотренных уголовных дел о преступлениях, совершенных в местах лишения свободы. А с принятием Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. их доля, как уже отмечалось, значительно увеличилась (до 24%). Только в 1948 г. лагерные суды рассмотрели 5519 дел, возбужденных по данному указу. Осуждены за хищение государственного и общественного имущества были 6471 человек, из них 4947 заключенных (76,4%), 1226 вольнонаемных (19%), 298 военнослужащих (4,6%). При этом в 97% случаев было назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 5 лет³⁷². Для эффективности борьбы с хищениями социалистической собственности также активно использовалась агентурно-осведомительная сеть, которая, например, на 1 июля 1944 г. насчитывала 8595 человек. В результате этой работы число хищений социалистической собственности сократилось на 23%³⁷³.

³⁷⁰ *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954. С. 287—308.

³⁷¹ Там же.

³⁷² Там же.

³⁷³ Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркомун внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». № 3. С. 60—86.

В местах лишения свободы имело распространение также такое преступление как бандитизм (ст. 59.3 УК РСФСР). Прежде всего, это была такая специфическая его форма как «лагерный» бандитизм, чему способствовали такие обстоятельства как: грубейшие нарушения лагерной администрацией размещения и режима содержания заключенных; необеспечение надежной изоляции различных категорий уголовного рецидива; поощрение и привлечения к сотрудничеству с администрацией представителей уголовного рецидива; допуск представителей уголовного рецидива на хозяйственную работу и на низовые административно-производственные должности. Такие условия способствовали преступной деятельности профессиональных уголовников и рецидивистов в местах лишения свободы³⁷⁴.

Впервые обобщение судебной практики по делам этой категории было осуществлено Управлением лагерных судов Минюста СССР осенью 1947 г. Было отмечено, что «бандитизм широкого распространения в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД не имеет», однако «появилась необходимость в изучении судебной практики, <...> так как даже единичные случаи бандитизма представляют повышенную опасность». Существенных проблем с квалификацией бандитизма у судов на тот период также не возникало. Так, за 1946 г. — первое полугодие 1947 г. за бандитизм по ст. 59.3 УК было осуждено 1609 заключенных, из которых 325 человек или 20,2% были приговорены к высшей мере наказания³⁷⁵.

Однако к 1950 году ситуация изменилась как в количественном, так и в качественном аспекте. Прежде всего, резко возросло число бандитских проявлений. Так, если в 1949 г. в лагсуды поступило 960 таких дел в отношении 1977 человек, то в 1950 г. — уже 1433 дела в отношении 2504 человек. В 1952 г. в ходе бандитских проявлений в лагерях и колониях МВД СССР было убито 1284 и ранено 573 человека³⁷⁶. Помимо этого, наряду с обыкновенным бандитизмом в ГУЛАГе появился новый вид — «политический бандитизм», получивший значительное распространение в особых лагерях. В отличие от обычных бандитов, которые в подавляющем большинстве

³⁷⁴ Подробнее см.: Таймасов Р. Н. Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917-1958 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.

³⁷⁵ *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954. С. 287—308.

³⁷⁶ *Сидоркин А. И.* Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930-1950-е гг. // Lex Russica. 2015. № 5 (Том СII). С. 106.

случаев действовали на почве вражды и убивали заключенных, принадлежащих к другой враждебной криминальной группировке, а также из личной неприязни, «политические бандиты» руководствовались совсем иными побуждениями. Среди них не было уголовников, большинство имели одну судимость и отбывали наказание по политическим статьям за контрреволюционные преступления.

«Политические бандиты» преследовали, избивали и убивали тех заключенных, которые подозревались в агентурно-осведомительской работе, то есть «стукачей», работавших в качестве информаторов оперативно-чекистских отделов МВД СССР и МГБ СССР в лагерях. В связи с этим первое время такие деяния даже квалифицировались по ст. 58.8 УК РСФСР, предусматривавшей ответственность за совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций. Такой подход был, мягко говоря, неудачен, поскольку «стукачи» отождествлялись с советской властью. В связи с этим Особое совещание при МГБ СССР разъяснило, что такие «действия обвиняемых должны быть квалифицированы по статье 59.3, так как они составляли бандитскую группу и совершали убийства заключенных из числа лиц, занимавших руководящие должности низовой лагерной obsługi, и лиц, заподозренных ими в связях с администрацией лагеря»³⁷⁷. Однако карался «политический бандитизм», как правило, более сурово: 25-летний срок лишения свободы получали примерно 45% рецидивистов и около 80% участников «самообороны». При этом активность доноительства в зоне заметно ослабла, что осложнило работу оперативно-чекистских отделов.

В связи с этим в начале 1953 г. была предпринята попытка кардинального решения вопроса по искоренению «политического бандитизма». 13 января 1953 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по борьбе с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях»³⁷⁸ за лагерный бандитизм наряду с длительными сроками лишения свободы была введена и смертная казнь. Такие дела подлежали рассмотрению военными трибуналами войск МГБ СССР и особыми судами.

³⁷⁷ ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 483. Л. 116.

³⁷⁸ Сборник документов по истории уголовного законодательства РСФСР 1953-1991 гг. Казань, 1992. С. 15.

Помимо этого, достаточно регулярно в местах лишения свободы возникали протестные выступления, повстанческие движения и бунты. Эти явления имели место в течение всего тоталитарного периода существования исправительно-трудовых учреждений.

Протестные выступления заключенных имели различный масштаб — от забастовок отдельных бригад до массовых волнений сотен заключенных. В довоенный период эти волнения были не столь многочисленны, а потому достаточно оперативно подавлялись.

В военный период протестное движение так или иначе было связано с войной и военными действиями. В течение 1941-1944 гг. в лагерях и колониях, по официальным данным ГУЛАГа, было выявлено и ликвидировано 603 повстанческих организации и группы, активными участниками которых являлись 4640 заключенных. Учитывая военное положение в стране большинство участников повстанческих организаций и групп ставило своей задачей подготовку вооруженных выступлений, разоружение военизированной охраны лагерей и колоний и переход на сторону немецко-фашистских войск.

Так, например, в 1942 году в Усольяге организовалась этническая повстанческая организация из заключенных, прибывших из Эстонии. В состав организации входили бывшие офицеры эстонской армии и политические деятели нацистских партий Эстонии «Вапс» и «Кайцелит». Руководителями организации являлись: бывший военный министр Эстонии генерал Соотц, бывший начальник генерального штаба эстонской армии генерал Реек, полковник генерального штаба эстонской армии Курвиц, германский разведчик Зигерт фон Кооль. Участниками организации был разработан план разоружения военизированной охраны и ареста лагерной администрации. После этого намечалось связаться по радио с командованием германских войск и просить направления в лагерь воздушного десанта. По данному делу было осуждено 149 заключенных³⁷⁹.

В военное время среди заключенных исправительно-трудовых учреждений участились вредительские и диверсионные проявления, которые, по сути, также имели антисоветский политический характер.

В послевоенный период масштабы выступлений и бунтов значительно увеличились, иногда количество участников доходило до нескольких тысяч заключенных. Частота протестов также стала ощу-

³⁷⁹ Из Доклада начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Л. П. Берия «от 17.08.1944 г. О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60—86.

тимо выше, чем в довоенный период. Кроме того, мотивация этих выступлений также вызывала озабоченность, поскольку если в довоенный период бунтовщики требовали либо особых привилегий для себя, либо улучшения бытовых условий, то в военный и послевоенный период имели место более серьезные, организованные, вооруженные, массовые антисоветские выступления с более серьезными установками.

Так, например, в мае — июле 1953 г. в Горлаге (г. Норильск) имело место крупномасштабное восстание заключенных пяти лагерных пунктов, в которых в общей сложности содержалось более 16 тыс. человек. При этом активных участников восстания было около 3 тыс. человек. Поводом для протестных выступлений стало применение конвойной стражей оружия, в результате чего 2 заключенных были убиты и семь — ранены. Участники протеста отказывались выходить на работу, объявляли голодовку, настаивали на приезде комиссии из Москвы. Требования протестующих по мере развития восстания расширялись и предусматривали распространение амнистии на заключенных особлагов, снижение норм выработки ввиду тяжелых климатических условий Севера, разрешение свиданий с родными и близкими, справедливое разрешение уголовных дел, прекращение произвола лагерной администрации и др. При этом на протяжении всего бунта в течение почти двух месяцев заключенные не допускали на территорию лагерную администрацию и самостоятельно управляли всеми процессами жизнедеятельности внутри лагеря. Были образован руководящий орган и органы для поддержания порядка, выпускалась листовка. С бунтовщиками велись переговоры, разъяснительная работа, имели место отдельные уступки, что позволило снизить накал³⁸⁰.

После амнистии 1953 года в лагерях резко возросло число бандитских проявлений и групповых неповиновений заключенных, сопровождавшихся в ряде случаев человеческими жертвами, поскольку оставшиеся в неволе заключенные были недовольны своей участью. Так, в первом квартале 1954 года в лагерях и колониях ГУЛАГа на почве бандитских побуждений, личных счетов, мести, из-за вражды между группировками уголовного рецидива было совершено 129

³⁸⁰ *Перлик М. И.* Политико-правовая характеристика протестных выступлений заключенных в исправительно-трудовых лагерях МВД СССР послевоенного времени // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3(33). С. 184.

убийств. За это же время из лагерей бежало 155 заключенных, из которых 38 так и не были задержаны³⁸¹.

Таким образом, преступность в местах лишения свободы имела как общеуголовный, так и политический характер, в зависимости от причин, условий, мотивации и субъектов, совершавших те или иные преступления. Система вынуждена была считаться с этим обстоятельством и применять соответствующие меры воздействия, которые по своему характеру и содержанию были карательными и более чем суровыми. Это было связано с тем, что на первом месте перед системой стояли производственные задачи, решению которых мешали любые преступные проявления, но в большей степени политические, поскольку это бросало тень на систему в целом и на администрацию отдельных лагерей.

А после смерти Сталина криминогенная обстановка в местах лишения свободы наряду с другими факторами способствовала развалу всей тоталитарной тюремно-лагерной системы.

³⁸¹ Докладная записка С. Н. Круглова в ЦК КПСС о состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях от 26.05.1954 г. URL: <http://istmat.info/node/57853>.

— Глава 3 —

Противостояние среди осужденных в местах лишения свободы в 1940–1950-х гг. («сучьи войны»)

3.1. Предпосылки раскола среди заключенных

«Сучьи войны» — это безжалостное противостояние между заключёнными, соблюдающими воровской закон и теми, кто изменил ему. Разделение заключённых на «честных воров» («честноту» или «честняг») и на противостоящих им «ссученных» было формально, как бы, узаконено и отражалось в составленных лагерной оперчастью формулярах. «Суки» обозначались как «воры разложенные», а кое-где для краткости писали просто — «ссученные». И когда заключённый переходил в другой лагерь, новая спецчасть по записи в формуляре знала, к какому клану прибывший принадлежит и чего от него ждать.

«Сучьи войны» шли за колючей проволокой на территории всего СССР. По количеству убитых и раненых они сопоставимы с Корейской, Вьетнамской или Афганской войнами, и, тем не менее, эта тема остается «белым пятном» и в историографии и в криминологии. О ней очень поверхностно пишут в учебниках, она является предметом научного исследования весьма незначительного числа работ. Только лишь воспоминания непосредственных участников и очевидцев тех событий позволяют по крупицам сформировать общее представление об этом явлении времен советского тоталитаризма.

Публицистические и художественные издания таких авторов, как Антон Антонов-Овсеенко, Ахто Леви, Анатолий Жигулин, Варлам Шаламов, Вадим Туманов, Владимир Высоцкий, Леонид Мончинский, Лев Разгон, Александр Солженицын образовали самый первый, очень рыхлый, насыщенный больше эмоциями, чем фактами слой первоначальной информации.

Такая ситуация стала еще одним поводом к тому, чтобы заняться данной темой, постараться хотя бы немного восполнить этот пробел, собрать, проанализировать и дать оценку событиям тех лет.

Высшее руководство ГУЛАГа формировало особые команды, состоящие их «разложенных воров», которые разъезжали по всем лагерям и лагпунктам СССР с целью демонстрации силы «сучьей власти» и подавлении любыми способами авторитета воров. Не поли-

тические, а именно «идейные» или «честные воры» в большинстве случаев выступали организаторами сопротивления «сучьим» порядкам.

Несмотря на то, что этих представителей уголовного мира в советских лагерях было гораздо меньше, чем политических заключенных, именно они стали лидерами сопротивления в условиях неволи. Этому есть несколько причин. Верхушка криминального мира была более опытной в создавшихся объективных условиях и подвергалась гораздо меньшему прессингу со стороны государства, поскольку не представляла для него политической опасности³⁸².

Вторая причина кроется в том, что все политические заключённые, в отличие от уголовных, были разобщены. Многие из них продолжали верить в то, что в отношении них была допущена ошибка, которая скоро разрешится. Именно поэтому роль заключённых, осужденных по политическим статьям, в этой войне была минимальной.

В структуре уголовного мира существовали своя иерархия, своя табель о рангах и свои неписанные законы.

Как писал в своих воспоминаниях Лев Разгон — писатель, правозащитник, бывший узник ГУЛАГа с 17-летним стажем: «Теперь они все были поделены на касты, на сообщества с железной дисциплиной, со множеством правил и установлений, нарушение которых жестоко каралось: в лучшем случае — полным изгнанием из уголовного сообщества, а часто и смертью»³⁸³.

Данная система в СССР напоминала пирамиду, верхнюю ступень в которой занимали профессиональные преступники — «урки», «блатные». В их числе были и, так называемые, «воры в законе» — элита преступного мира, выработавшая сложный кодекс своих правил, традиций и обычаев, который возник еще до ГУЛАГа и пережил его.

«Воры в законе» или «законники» представляли собой вершину преступного мира, возвышаясь над подавляющим большинством заключенных ГУЛАГа, сидевших по уголовным статьям — «уголовников».

Несмотря на то, что в период «большого террора» уголовному миру и его иерархам был нанесен тяжёлый урон, к периоду начала

³⁸² Подробнее об этом: *Щекочиных Ю.* Лев прыгнул. Интервью с подполковником милиции, сотрудником ВНИИ МВД СССР Александром Гуровым // Литературная газета. 1988. URL: <https://www.proza.ru/2014/07/22/1963> (дата обращения: 04.04.2019).

³⁸³ *Разгон Л. Э.* Непридуманное: биография и мемуары. М. : Правда, 1988. С. 174.

«сучьих войн» в местах лишения свободы находились тысячи воров-законников и десятки тысяч последователей воровской идеи.

А урон и в самом деле был нанесён немалый. Например, только за период с 5 августа по 31 декабря 1937 г. в одной только Ленинградской области по приговорам «троек» НКВД было осуждено 4016 воров-рецидивистов, из которых 599 человек имели 5 и более судимостей, 1362 — 3-4 судимости. Больше половины из них были расстреляны, остальные получили от 5 до 10 лет лишения свободы в лагерях. Всего уголовников в ЛО осудили: к ВМН — 2900 человек, к ИТЛ — 4200 человек.

Для представления о том, что это были за люди, приведем данные о некоторых из них:

«Алексеев Иван Михайлович (он же Григорьев, Яковлев, Чумаков, Абрамов), 1910 г.р., уроженец д. Семеновщина Осташковского р-на Калининской обл., без определенных занятий и места жительства. Освободился из трудкоммуны Ивановская. Арестован 30.07.1937 г.р. Особой тройкой УНКВД ЛО 17.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 18.08.1937 г.

Батуров Сергей Федорович (он же Хемулаиден Александр Сергеевич, он же Смирнов Иван Тимофеевич, он же Петров Иван Петрович, он же Семенов Иван Дмитриевич, он же Иванов Филипп Иванович, он же Алексеев Степан Алексеевич), 1907 г.р., уроженец д. Дмитрова Гора Новоскольниковского р-на Калининской обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 17.06.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 17.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Борисов Анатолий Осипович (он же Монахов Николай Иванович, он же Богданов Николай Иванович, он же Назарчук Николай Иванович, он же Мельников Николай Иванович, он же Рудаков Петр Николаевич, он же Безгодов Николай Георгиевич), 1902 г.р., ур. г. Самара, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Бежал из г. Мариинск и приехал в Ленинград, где арестован 22.05.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Буткин Николай Васильевич (он же Червяков Николай Васильевич, он же Аверьянов Александр Арсентьевич), 1911 г.р., ур. д. Лубино Уторгошского р-на Лен. обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 02.07.1937 г. совершил побег из заключения и приехал в Ленинград, где арестован 25.07.1937 г. Осо-

бой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Гордеев Степан Михайлович (он же Скамилов Иван Павлович, он же Дуганов Степан Семенович), 1909 г. р., ур. д. Опалево Чудовского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Совершил побег из заключения. Арестован 21.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Григорьев Василий Яковлевич (он же Григорьев Виктор Владимирович, он же Боровков Виктор Александрович), 1911 г. р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 05.07.1937 г. освобожден из ИТЛ и направлен в г. Череповец, но приехал в Ленинград, где задержан и арестован 29.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Гусев Павел Харитонович (он же Тарасов Иван Иванович), 1911 г. р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 27 июня 1937 г. совершил побег из Вяземлага. Арестован 18.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Дежанский Владимир Матвеевич (он же Иванов Иван Петрович, он же Смирнов Александр Иванович, он же Никитин Александр Иванович, он же Васильев Яков Васильевич), 1907 г.р., ур. г. Рига, русский, беспартийный, без определенных занятий. В июне 1936 г. освобожден из ИТЛ и приехал в Ленинград, где арестован 26.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Ефимов Юрий Петрович (он же Игнатъев Михаил Иванович, он же Дьяконов Иван Михайлович, он же Ефимов Иван Михайлович, он же Рудов Иван Алексеевич, он же Коваленко Иван Алексеевич, он же Амелъченко Иван Алексеевич, он же Ларин Михаил Тимофеевич), 1911 г.р., ур. ст. Званка Волховского р-на Лен. обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В мае 1937 г. освобожден из Дальлага, направлен в г. Мурманск, где задержан и арестован 23.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Жемедко Иван Николаевич (он же Кленов Григорий Дмитриевич, он же Клепов Григорий Владимирович), 1898 г.р., ур. г. Колпино Лен. обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В августе 1935 г. совершил побег из Белбалтлага. Арес-

тован 21.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Зельманович Михаил Осипович (он же Плинер Давид Михайлович, он же Никитин Михаил Васильевич, он же Резников Леонид Бенсович, он же Кроль Иосиф Самуилович, он же Смирнов Николай Архипович), 1900 г.р., ур. г. Новгород, еврей, беспартийный, без определенных занятий. В апреле 1937 г. совершил побег из Вяземского лагеря. Проживал на ст. Бронницы Московской обл. и в Ленинграде. Арестован 21.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Степанов Василий Степанович (он же Федотов Алексей Петрович), 1904 г.р., ур. д. Ляховичи Залучского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 28.07.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 05.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Шенин Андрей Сергеевич (он же Дорофеев Василий Петрович), 1906 г.р., ур. д. Слоптово Мошенского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 30.05.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 08.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Чечурин Дмитрий Алексеевич (он же Афанасьев Николай Александрович, он же Чечурин Дмитрий Иванович), 1906 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 09.04.1936 г. освобожден из Дальлага. Направлен на ст. Званка, но приехал в Ленинград, где арестован 31.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Федоров Александр Михайлович (он же Филиппов Василий Андреевич), 1906 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В октябре 1936 г. освобожден из ИТЛ. Арестован 03.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Родионов Павел Федорович (он же Казак Николай Антонович), 1907 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 06.05.1937 г. освобожден из Байкало-Амурского ИТЛ. С места поселения приехал в Ленинград,

где арестован 24.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Пласкевич-Заринкевич Константин Васильевич (он же Каряев Александр Фомич, он же Плавский Константин Константинович, он же Коряев Александр Фомич), 1907 г.р., ур. м. Волковыск Гродненской губ., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 04.09.1936 г. бежал из Карагандинского ИТЛ, скрывался в г. Урицк Лен. обл. Арестован 23.05.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Харин Илья Ефимович (он же Поляков Александр Васильевич), 1908 г.р., ур. д. Афанасовская Приозерного р-на Северного края, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В мае 1937 г. бежал из Свирьлага. Арестован 02.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Скорбин Александр Иванович (он же Семенов Александр Иванович, он же Кедо Бронислав Фомич), 1908 г.р., ур. д. Окуловка Окуловского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В апреле 1937 г. освобожден из заключения. Арестован 15.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Козлов Павел Григорьевич (он же Баринов Евгений Михайлович), 1911 г.р., ур. д. Барсаниха Пестовского р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий. 25.03.1937 г. совершил побег из Белбалтлага и скрывался в Пестовском р-не. Арестован 01.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Круглов Иван Васильевич (он же Гусев Василий Иванович, Гордеев Василий Иванович, он же Иванов Сергей Васильевич), 1911 г.р., ур. г. Новосибирск, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 19.05.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован в п. Бабаево 20.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 28.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 31.08.1937 г.

Оболин Петр Сергеевич (он же Нечаев Петр Александрович), 1911 г.р., ур. с. Красный Бор Карсунского р-на Куйбышевского края, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Совершил побег из 2-го отделения БАМлага. Арестован

17.05.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Федоров Александр Федорович (он же Ефимов Александр Георгиевич, он же Морозов Александр Федорович), 1912 г.р., ур. д. Большая Пустынка Славковского р-на Лен. обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В марте 1937 г. освобожден из тюрьмы, находился в Славковском р-не. Арестован 08.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Турбин Сергей Александрович (он же Грицко Анатолий Семенович, он же Николаев Сергей Иванович), 1913 г.р., ур. г. Макеевка Донецкой обл., беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Освобожден из заключения. Арестован 03.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 09.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 11.08.1937 г.

Простов Александр Александрович (он же Петров Александр Александрович, он же Кошкин Александр Александрович), 1912 г.р., ур. г. Москвы, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В июне 1937 г. освобожден из ИТЛ и приехал в Ленинград, где арестован 22.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Игнатьев Сергей Николаевич (он же Шерчков Сергей Сергеевич, он же Мартынов Василий Петрович), 1912 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В марте 1937 г. освобожден из ИТЛ и приехал в Ленинград, где арестован 30.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Горский Виктор Георгиевич (он же Тарахов Семен Макарович, он же Фролов Петр Григорьевич, он же Громов Сергей Георгиевич), 1912 г.р., ур. д. Роменики Пулевского р-на Ивановской Промышленной обл., русский, беспартийный, без определенных занятий. В марте 1937 г. совершил побег из Свирьлага и приехал в Ленинград, где арестован 04.05.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Александров Иван Романович (он же Мясников Иван Романович), 1913 г.р., уроженец д. Заупорье Батецкого р-на Лен. обл., русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 29.05.1937 г. освобожден из ИТЛ, 25.06.1937 г. приехал из Минска в Ленинград, где арестован 05.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД

ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Антонов Геннадий Иванович (он же Погодин Геннадий Иванович, он же Кузнецов Геннадий Иванович, он же Петровский Василий Иванович), 1913 г.р., ур. д. Антропово Вологодского р-на Северного края, зырянин, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 30.05.1937 г. совершил побег из Белбалтлага. Арестован 01.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Филатов Константин Андреевич (он же Иванов, он же Хлебников, он же Бондаренко, он же Вязин, он же Белецкий, он же Андрейев), 1914 г.р., ур. д. Демьяново Шаховского р-на Московской обл., без определенных занятий и места жительства. После освобождения из ИТЛ находился в Ленинграде, где арестован 11.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 17.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 18.08.1937 г.

Постников Николай Анатольевич (он же Михайлов Виктор Яковлевич, он же Касьянов Николай Анатольевич), 1914 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 02.08.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 04.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Федоров Иван Гаврилович (он же Хоцкевич Данил Павлович, он же Федоров Гаврил Федорович, он же Батыгин Василий Александрович, он же Никитин Федор Васильевич), 1915 г.р., ур. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В 1937 г. совершил побег из Вяземского ИТЛ и приехал в Ленинград, где арестован 11.08.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Ташеев Аркадий Михайлович (он же Михайлов Николай Васильевич), 1915 г.р., ур. г. Скопин, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В 1934 г. осужден на 3 года ИТЛ. Совершил 2 побега. В марте 1937 г. приехал в Ленинград, где арестован 21.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 26.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 29.08.1937 г.

Колосков Сергей Кузьмич (он же Лунин Степан Тимофеевич, он же Волков, он же Комаров, он же Иванов), 1915 г.р., ур. и жит. г. Ленинград, без определенных занятий. В мае 1937 г. освобожден из ИТЛ. Арестован 22.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 17.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 18.08.1937 г.

Лесков Петр Евгеньевич (он же Моторин Николай Степанович, он же Вихров Василий Васильевич), 1916 г.р., уроженец г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. В марте 1937 г. совершил побег из БАМлага. Арестован 05.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.

Крючков Александр Николаевич (он же Мартынов Иван Герасимович), 1917 г.р., уроженец г. Ярославль, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. 12.06.1937 г. совершил побег из Свирьлага. Арестован 17.06.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 22.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 24.08.1937 г.

Федоров Иван Григорьевич (он же Лебедев Леонид Николаевич, он же Машарский Петр Николаевич, он же Пожарский Петр Иванович), 1918 г.р., ур. и жит. г. Ленинград, русский, беспартийный, без определенных занятий. Освободился из Тихвинской ИТК. Арестован 12.07.1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 19.08.1937 г. приговорен к ВМН. Расстрелян в Ленинграде 20.08.1937 г.»³⁸⁴.

За тот же период в Киевской области было репрессировано около 1000, а в Ярославской области — около 600 воров-рецидивистов. В обоих случаях расстреляно было около половины. Но все «рекорды» в этом смысле побил Московская область, где Секретарь Московского обкома ВКП(б) Н.С. Хрущев в июле 1937 г. планировал репрессировать 33436 уголовников (80,9 % от общего числа в 41305 человек), которых предстояло осудить по плану в ходе операции против кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В ходе операции 6500 уголовников были отнесены к первой категории и 26936 — ко второй. В действительности же, к 1 января 1938 г. репрессированные уголовники составили 56,3 % от 36813 осужденных, в том числе 4120 человек были приговорены к высшей мере и 16597 — к лагерям. В официальных данных по МО число уголовников не разбито по мастям и количеству судимостей, но, если принять процентные соотношения такими как в ЛО, то получится, что количество воров-рецидивистов с 5-ю и более судимостями, расстрелянных с августа по декабрь 1937 г. в МО, составляет

³⁸⁴ Книги памяти России. Ленинградский мартиролог. Т. 5 // Проект «Возвращённые имена» Центра при Российской национальной библиотеке. URL: <http://vizs.nlr.ru/person/book/t5/1> (дата обращения: 23.11.2018).

не менее 200 человек (с той же пропорцией по Союзу в целом — более 2000 человек за неполные полгода).

Членами внесудебных «троек», функционировавших в 1937-1938 гг. во всех 64-х республиках, краях и областях СССР, выступали, как правило, начальник местного УНКВД, секретарь областного/краевого комитета ВКП(б) и областной/краевой прокурор. Типичной для того времени формулировкой обвинительного заключения по делам, рассматриваемым «тройками» во внесудебном порядке, была следующая: «Иванов Иван Иванович обвиняется в том, что с 1937 г. общественно-полезным трудом не занимается, определенного места жительства и рода занятия не имеет, гастролирует по городам, рабочим поселкам, обитая на вокзалах, базарах, магазинах, систематически занимаясь карманными кражами денег и документов у трудящихся, имеет тесную связь с уголовно-преступными элементами. Ведет бродячий образ жизни и не имеет при себе никаких документов в подтверждение своей личности».

Так, например, осенью 1937 г. 300 заключенных СЛОНа (на тот момент — СТОН ГУГБ НКВД СССР) вывезли в г. Ленинград, где по приговору Особой тройки УНКВД ЛО от 25 ноября 1937 г. всех осудили к ВМН. Расстреляли там же в один день — 8 декабря 1937 г.³⁸⁵

Другую часть «запроволочных обитателей» составляли, так называемые, «бытовики» — люди, осужденные за мелкую кражу, за нарушение трудовой дисциплины или за другие неполитические преступления. Они ненавидели «воров в законе» так же яростно, как и политзаключенных — «политиков», «фашистов», «контриков».

«Воровской ход» подразумевал специфический уклад жизни. «Воры» представляли собой особую касту со своими законами, заключавшимися в следующем:

- сбор «дани» с работающих заключенных, т. е. поборы с остальных осужденных;
- беспрекословное выполнение решений, принятых на сходках;
- оказание финансовой и иной материальной помощи друг другу;
- наказание (вплоть до убийства) тех лиц, которые нарушили «воровской закон», при одновременном принципиальном неприменении насилия в отношении населения, даже в наиболее крайних случаях, и отрицательном отношении к «мокрым делам» в отношении «чужих»;

³⁸⁵ Книги памяти России. Ленинградский мартиролог. Т. 5.

— верное служение воровским «идеям»: предательство, даже совершенное под давлением с применением насилия или в беспомощном состоянии, не имело никаких оправданий;

— запрет на занятие любым общественно полезным трудом;

— запрет на наличие семьи, поддержание отношений с родственниками;

— запрет вступать в контакт с работниками правоохранительных органов (за исключением случаев, которые связаны со следствием и судом), выступать потерпевшим или свидетелем, признавать вину в совершенном преступлении, получать какую-либо помощь от государства или его официальных представителей;

— проявление честности и уважения в отношении членов сообщества, т. е. других «воров». «Вор» не может ударить или оскорбить себе подобного, что не относилось к лицам, которые не входили в сообщество;

— запрет на службу в армии, брать оружие от властей и защищать интересы государства;

— запрет на совершение таких преступлений, как убийство, если это не имеет отношения к защите «воровского сообщества» или чести «вора», хулиганство, изнасилование³⁸⁶.

Также истинному «вору» не разрешалось иметь частную собственность и предметы роскоши. Все, что было добыто, оправлялось в «общак», следить за которым являлось главной обязанностью «воров в законе». Они должны были легко относиться к деньгам и к богатству.

Тюрьма для воров должна была стать вторым домом, а учитывая то, что, согласно воровским понятиям, воры не должны были иметь дома, то — первым. Несмотря на то, что «воры» ни в местах лишения свободы, ни на свободе не могли сотрудничать с властью и им не разрешалось работать, они держали под своим контролем все процессы на зоне. Влияние воров на «запроволочную жизнь» было огромным.

Криминальный мир даже имел свой язык общения, который называли «феня». Этот язык отличался от обычного русского языка и его вполне можно было считать отдельным средством общения «запроволочного государства», именуемого ГУЛАГ.

³⁸⁶ «Воры в законе»: на рубеже веков : лекция / Г. В. Курбатова, С. А. Кутякин. Рязань : Изд-во АПиУ Минюста России, 2003. С. 42–49.

Феня представляла собой замаскированный, зашифрованный, обладающий определенным смыслом и динамикой преступный язык. Многие думали, что это просто сленг, но это не так. «Феня» развивается согласно времени, некоторые слова и выражения имеют двойное или даже тройное значение, для того, чтобы скрыть или подчеркнуть что-то и всегда применяется арестантами. Понимать и говорить на «фене», можно только постоянно общаясь в таких кругах. Два «шпанюка» способны полностью обсудить стоящего рядом человека: его возраст, социальное и материальное положение, а также размер одежды и хронические болезни, но при этом обсуждаемый не заподозрит и не поймет ничего, хотя может принимать активное участие в общении.

Собственный язык был для воров не только средством общения, но и атрибутом принадлежности к закрытой общности, средством идентификации своих и способом сокрытия смысла сказанного от постороннего непосвященного понимания.

Событием, которое кардинально изменило воровской мир, стала Великая Отечественная война. Рецидивистов на фронт не призывали, однако, осужденным по незначительным статьям давалась возможность «искупить вину кровью».

В начале Великой Отечественной войны в соответствии с указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. из мест лишения свободы досрочно были освобождены и отправлены на фронт некоторые категории заключенных (около 25 % от общего числа). За 1942-1943 годы на основании специальных решений ГКО СССР освобождено еще около 10% осужденных.

Кем же являлись эти люди? Мы не берём во внимание случаи репрессированных чекистов и высокопоставленных военных: генералов и военачальников, в отношении которых Президиум Верховного Совета СССР принимал персональные решения. Например, среди таких были:

— комдив Букштынович Михаил Фомич, осужденный еще 28 мая 1939 года по ст. 58-7, 17-58-8, 58-11 УК РСФСР и приговоренный к 15 годам лишения свободы;

— полковой комиссар Карачинов Сергей Иванович, приговоренный 26 июля 1941 года к 7 годам лишения свободы;

— генерал-майор Лазаренко Иван Сидорович, осужденный 17 сентября 1941 года по ст. 193-17 п. «б», 193-20 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к высшей мере наказания;

— генерал-майор Кособуцкий Иван Степанович, осужденный 26 июля 1941 года по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР и приговоренный

к 10 годам лишения свободы; генерал-майор Семенов Иван Иосифович, осужденный 7 октября 1941 года по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 10 годам лишения свободы;

— полковник Фомин Борис Андреевич, осужденный тогда же по ст. 193-17 УК РСФСР и приговоренный к 7 годам лишения свободы; генерал-лейтенант Тюрин Александр Алексеевич, осужденный 20 января 1942 года по ст. 193-17 п. «а» УК РСФСР и приговоренный к 7 годам лишения свободы;

— вице-адмирал Левченко Гордей Иванович, осужденный 29 января 1942 года по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 10 годам лишения свободы;

— генерал-майор Ермаков Аркадий Николаевич, осужденный тогда же по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 5 годам лишения свободы;

— генерал-майор Собенников Петр Петрович, осужденный 6 февраля 1942 года по ст. 193-21 п. «б» УК РСФСР и приговоренный к 5 годам лишения свободы и др.³⁸⁷

Кроме того, известно, что в декабре 1941 г. Л. П. Берия обратился к Сталину с просьбой в связи с нехваткой кадров на фронтах освободить из заключения 1610 бывших сотрудников НКВД, отбывавших наказание главным образом за нарушения законности. Осенью 1942 г. из лагерей и тюрем выпустили еще одну большую группу бывших работников НКВД, а отдельные освобождения предпринимались до 1945 г. включительно. Таким образом, исследователи предполагают, что всего в годы войны было освобождено не менее 2-3 тыс. чекистов, отбывавших наказание в местах лишения свободы³⁸⁸.

Более того, есть все основания полагать, что в начале войны часть отбывавших сроки чекистов освобождали и в, так называемом, «рабочем порядке», без особых правовых оснований.

Так, например, уже в июле 1941 г. был освобожден и вскоре отправлен на фронт в особый отдел бывший начальник контрразведывательного отдела (КРО) УНКВД по Новосибирской области

³⁸⁷ *Филатов В. В.* ГУЛАГ в предвоенные и военные годы. URL: <http://www.world-war.ru/gulag-v-predvoennye-i-voennye-gody/> (дата обращения: 28.09.2018).

³⁸⁸ *Тепляков А. Г.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны // Клио. 2012. № 7(67). С. 69-76. URL: <http://naukarus.com/amnistirovannye-chekisty-1930-h-gg-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 28.03.2019).

Ф. Н. Иванов, истребивший тысячи людей. Осуждённый в мае 1941 г. на 5 лет ИТЛ бывший начальник отдела кадров УНКВД по Алтайскому краю А. Т. Степанов, который в конце 1937 г. только по одному делу составил справки на арест 84 рабочих и служащих предприятий Барнаула, из которых 55 были расстреляны, уже в августе 1941 г. оказался амнистирован и направлен в РККА, где служил до 1943 г. на командных должностях и был демобилизован по состоянию здоровья. Чекист О.С. Флейшман, работавший в 1937-1938 гг. начальником Сквирского РО УНКВД по Киевской области, арестованный в феврале 1940 г. и осуждённый за нарушения законности на 8 лет заключения, в августе 1941 г. был освобождён и направлен в РККА. Сотрудник оперчасти 28-го Ойротского погранотряда войск НКВД (Алтайский край) Г. Г. Гафаров в 1938 г. сфабриковал (вместе с двумя оперативниками, позже осуждёнными) два дела на 28 человек, которые впоследствии были освобождены. Военным трибуналом войск НКВД Западно-Сибирского округа в мае 1941 г. Гафаров был осуждён на 5 лет ИТЛ, а в октябре 1941 г. был освобожден и отправлен на фронт, позднее был демобилизован после ранения³⁸⁹.

При этом часть амнистированных избежала фронта, получив назначение в тыловые подразделения НКВД.

Например, бывший помощник начальника УНКВД по Алтайскому краю Г. Л. Биримбаум, подлежавший за нарушения законности расстрелу по ст. 58-7-11 УК согласно «сталинскому» списку от 6 сентября 1940 г. и осуждённый в мае 1941 г. на 10 лет лагерей, был вскоре возвращён в НКВД и на декабрь 1941 г. работал начальником УИТЛК УНКВД по Иркутской области³⁹⁰.

Следует согласиться с мнением, большинство «бытовиков», «мелкосрочников» и прочей «перхоти» (блатное слово для наименования ничего не значащих арестантов) были призваны на фронт ещё в 1941-м, а «политическим» в армию дорога была закрыта, то из уголовников в зоне оставались, прежде всего, именно «воры», а также «бытовики», которые попадали туда уже во время войны³⁹¹.

³⁸⁹ *Тепляков А. Г.* Амнистированные чекисты 1930-х гг. в период Великой Отечественной войны.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ См.: *Сидоров А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.). Ростов н/Д, 1999. URL: <https://knigogid.ru/books/168202>

Свободу получили те, кто был осужден за малозначительные преступления, учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО (фабрично-заводского обучения), осужденные по Указу от 28 декабря 1940 г. — за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы). 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие этого Указа также на бывших военнослужащих, осужденных за малозначительные преступления, совершенные до начала войны. Все освобожденные направлялись в части действующей армии. По этим указам было мобилизовано более 420 тыс. заключенных, годных к военной службе. К такому шагу руководство страны не в последнюю очередь подтолкнула тяжелая обстановка на фронтах и огромные потери Красной Армии.

С началом войны у заключённых появился легальный шанс на обретение свободы. Перспективу освобождения давали либо «безвредность» и «ненужность» для ГУЛАГа, поскольку от неработоспособных заключённых, причём не только с малыми сроками заключения, старались поскорее избавиться, либо мобилизация в Красную Армию. Например, в конце 1943 г. начальник ГУЛАГ Наседкин предлагал руководству НКВД освободиться от ненужной части заключённых, содержащихся в лагерях — инвалидов, больных, ослабленных, то есть таких, которые не приносят никакой пользы. Речь шла об освобождении примерно 200-250 тыс. человек³⁹².

Судя по справке заместителя начальника ГУЛАГа Грановского секретарю Президиума Верховного Совета СССР, мобилизация заключённых в Красную Армию были массовым социально-значимым явлением. В справке отмечалось, что ряд бывших заключённых даже были приняты в ВКП(б) и им были присвоены офицерские звания. По данным ГУЛАГа, заключённые в период эвакуации и отступления неоднократно участвовали в боях с противником, из их числа формировались даже диверсионные группы³⁹³.

В архивных собраниях Тульского отделения Общества «Мемориал» имеется список заключенных, отобранных в Промколонии № 1 Тульской области в марте 1943 года для досрочного освобождения и направления в Красную Армию. В нем более половины (55%) осужденных за опоздания и уход с работы. Судьба их служились по-разному. Так, например:

³⁹² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1 Д. 2412. Л. 90.

³⁹³ См.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 64. Д. 687. Л. 2-6; ЦА ФСБ.Ф. 3. Оп. 9. Пор.144. Л. 159, 164.

— Скуднов Дмитрий Васильевич, 1924 г.р., уроженец д. Прудки Одоевского р-на, осужденный на 5 лет по указу от 26.12.1941 г., после освобождения стал сержантом, командиром отделения, погиб в 1944 г. в боях за освобождение Латвии³⁹⁴;

— Бакулин Григорий Иванович, 1923 г.р., уроженец д. Б. Еловой Тульской обл. и района, получивший по указу от 26.12.1941 г. 4 года колонии, после досрочного освобождения служил в 26 инж.-сап. бр. в звании сержанта, погиб в марте 1945 г.³⁹⁵

В 1942-1943 годах специальными постановлениями ГКО СССР на фронт были направлены ещё более 157 тыс. бывших заключенных. Всего за годы войны исправительно-трудовые лагеря и колонии передали в действующую армию более миллиона человек, из них только 10% были направлены в штрафные подразделения, а большинство пополнили обычные линейные части.

Осужденные по «политическим статьям» были лишены права «кровью искупить перед Родиной свою вину». То есть именно наиболее сознательная часть заключенных, которая действительно желала с оружием в руках защищать Отечество, была вынуждена оставаться в зоне. Добровольцами могли стать лишь уголовники и «бытовики». Среди последних желающих было немало.

Так, например, только из двух северных лагерей Джидинлага и Бурлага на фронт было отправлено 2493 заключенных. Из Джидинского ИТЛ в ряды Красной Армии было направлено 1171 заключённых, из них в 8-ю Армию прибыло 988 человек, из которых 230 в Отдельную штрафную роту при 128сд. Из Бурлага было направлено в Красную Армию 1322 заключённых, из них в 8-ю Армию — 1059 человек³⁹⁶.

При этом, как следует из докладной записки руководству ГУЛАГа НКВД СССР о работе северных лагерей в 1941-1943 гг.: «Бывшие заключенные Печорского лагеря, досрочно освобожденные и переданные РККА в порядке директив НКВД и Прокуратуры СССР, в своих письмах с фронта с исключительным патриотизмом рассказывают о своих боевых делах и призывают оставшихся в лагере лучше работать на благо и укрепление нашей Родины»³⁹⁷.

³⁹⁴ ЦА МО. Ф. 58. Оп. 18002. Д. 659.

³⁹⁵ ЦА МО. Ф. 58. Оп. 18003. Д. 1300.

³⁹⁶ Докладная записка Г. Покровского руководству ГУЛАГа НКВД СССР о работе северных лагерей в 1941–1943 гг. // ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л.Л. 34–38об. Машинописная заверенная копия.

³⁹⁷ Там же.

Например, в одном из писем бывший заключенный Евгений Арсеньевич Цыганков (полевая почта 25708-ц) с группой бойцов, также бывших заключенных, рассказывая о своих боевых делах на фронте, как доказательство прислал вырезку из Красноармейской газеты от 07.04.1943 г. под заголовком «Следуйте их примеру». Содержание заметки следующее: «Приказом по Н-ской стрелковой части за храбрость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, командование от имени Президиума Верховного Совета СССР 31 марта 1943 г. наградило медалью «За отвагу» сержанта В. В. Белова, красноармейца А. А. Дудина, сержантов Н. И. Козловского и Д. И. Капалеишвили, красноармейцев В. Е. Карпова, Н. Ф. Киприна, Т. С. Ореховского и В. Г. Попова, сержанта Порхаева и красноармейца Е. А. Цыганкова, медалью «За боевые заслуги» — красноармейца М. О. Елизарова, старшину М. Г. Камышева, красноармейца Г. А. Котовского, сержанта Ф. Ф. Котлова, красноармейцев В. В. Козичева, Г. Д. Моисеева, Х. Шейгусейнова³⁹⁸.

Все награжденные, упоминавшиеся в этой заметке, являлись в прошлом заключенными Печорского лагеря.

В одном из писем с фронта бывший заключенный Печорлага старший сержант Шипунов Яков Федорович (полевая почта 57851-п) от 15.08.1943 г., награжденный медалью «За оборону Ленинграда», пишет: «Тов. строители доблестной нашей стройки, примите от артиллеристов грозных советских батарей наш пламенный боевой привет. Дорогие товарищи, мы не так давно призывались с Вашей славной стройки на защиту своей любимой Родины. В первых боях по прорыву вражеской блокады к великому городу Ленинграду мы также приняли участие. Нашу волю и мужество к победе никогда не сломить, мы смело идем в бой за Родину и не боимся смерти»³⁹⁹.

О природе этих писем остается только догадываться, но с их помощью администрация лагерей пыталась решить воспитательные задачи, поднять боевого духа и патриотический настрой заключенных, остававшихся в лагерях.

Большинство штрафников попавших на фронт уже после 1943 года были представлены в основном именно «уркаганами», «блатными» — теми самыми «жуликами», считавшими прежде для себя позорным брать оружие из рук власти. Но суровой действительностью были продиктованы свои жестокие законы: либо сдохнуть в «зоне»,

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ Там же.

либо получить на фронте хоть какой-то шанс выжить. А там — война всё спишет.

Конечно, это решение многими «ворами» было принято не сразу. Наиболее стойкие из них стремились во что бы то ни стало сохранить верность «воровскому закону», обеспечивавшему им главенство в уголовном мире и дававшему право «держат» все арестантское население ГУЛАГа, а потому уклонялись от всяческой работы и от военной службы в интересах советской власти.

В 1942-1943 годах в лагерях стали широко распространяться так называемые «мастырки» — иными словами, факты членовредительства. Заключение, причем это были не только воры, но и многие, пытавшиеся выжить в лагерях, проявляли поразительную изобретательность. Например, в Архангельской области заключенные вводили под кожу керосин, прикладывали к ранам мыло с солью или ядовитыми растениями. В Каргопольском ИТЛ практиковалось употребление в огромном количестве соли и соды, что вызывало искусственное опухание. В Новосибирской области с этой целью заключенные ели мыло, чем обеспечивали себе расстройство желудка и отравления. И так далее⁴⁰⁰.

Так описывала свою работу врачом в 1-м лагерном отделении Самарского ИТЛ С. Л. Гузикова: «Тоненький кусочек мыла, введенный в моченспускательный канал, вызывал картину гонореи. Годился и керосин. Нитка с иглкой погружались в керосин, после чего мышца на кисти рук прошивалась насквозь иглкой так, что смоченная керосином нитка на некоторое время оставалась в мышце. После извлечения нитки развивалась флегмона: отторгались ткани, обнажались и нервы. Картина была ужасной, и не менее ужасны были последствия. Человек оставался калекой. Съеденный кусочек мыла вызывал бурный понос, изнурявший больного, ухудшавший течение любой болезни. Улучшение в состоянии больного часто не радовало ни больного, ни врача»⁴⁰¹.

Для медперсонала ГУЛАГа тиражировались брошюры с грифом «секретно», где приводилось описание течения пеллагры и перечень членовредительств.

⁴⁰⁰ Рудевич А. Война воров: неизвестная гражданская война в СССР. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post338215574> (дата обращения: 28.03.2019).

⁴⁰¹ Архив НИИЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 21. Л. 1-6, 10 а. Копия.

Со своей стороны власти и администрация сурово расправлялись с «мастыричками», привлекая их к уголовной ответственности за членовредительство по «политической» статье 58 УК РСФСР. Таким образом, они становились «контрреволюционерами» со всеми вытекающими из этого факта последствиями.

Для того, чтобы осмыслить и понять причины, толкавшие других заключённых на фронт, нужно изучить официальные данные об уровне смертности в лагерях.

По официальным данным самого ГУЛАГа, в период с 1930 по 1940 годы в системе ИТЛК зарегистрировано 403308 смерти заключённых. Наибольшее число смертей было зафиксировано в 1933 году — 67297 человек или 15,3% от среднесписочного состава заключённых. С началом войны смертность существенно увеличилась. Так, в 1942 году было зарегистрировано уже 352560 смертей или 24,9% от среднесписочного состава, то есть умер почти каждый четвертых заключённый⁴⁰².

Например, в Богославлаге в 1941 г. умерли: в октябре — 247, в ноябре — 458, за первой половине декабря — 495 человек. В этом же году в Ураллаге умерло 1510, в Сызранском особлагпункте — 1039 человек⁴⁰³. В Кривошековском отделении Сиблага с 26.IV. по 11.X.1941 г. умерло 238 заключённых, за месяц с 26.IX.1941 г. — 130 заключённых. В Новосибирском отделении с 1.VIII. по 17.X.1941 г. умерло 204, а за время с 26.IX. по 17.X.1941 г. — 102 заключённых⁴⁰⁴.

Причиной такого положения дел являлось то, что все усилия и внимание государства были сосредоточены на военных действиях. Заключённые были истощены, на них возлагался еще более значительный объем тяжелых физических работ. Увеличилась заболевае-

⁴⁰² Справка о смертности заключённых в системе ГУЛАГа за период 1930-1956 гг., подготовленная по материалам ОУРЗ ГУЛАГа // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. С. 441—442.

⁴⁰³ *Сидоров А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.). - Ростов н/Д, 1999. URL: <https://knigogid.ru/books/168202> (дата обращения: 28.02.2016).

⁴⁰⁴ Спецсообщение зам. начальника Оперативного отдела ГУЛАГа о состоянии Сиблага от 02.11.1941 г. (приводится по: *Голодяев К.* Тюрьмы и лагеря столицы Сибири // Репрессированная сибирская провинция: матер. Второго регион. науч.-практич. семинара, Новосибирск, 18-19 окт. 2016 г. / отв. ред. С. А. Красильников, А. Л. Рудницкий. Новосибирск, 2016. URL: <https://bsk.nios.ru> (дата обращения: 12.03.2019).

мость, медицинская помощь оставляла желать лучшего, либо вообще отсутствовала⁴⁰⁵.

При этом значительно сократились нормы питания, на фоне того, что нормы выработки постоянно возрастали. Отчасти это было закономерным побочным результатом советского централизованного планирования: от предприятий требовали год от года наращивать производство. Но начальство все повышало и повышало нормы, пока они не стали невыполнимыми. Нормы становились жестче еще и потому, что и заключенные, и нормировщики лгали, преувеличивая объем выполненной работы. В результате нормы иногда вырастали до астрономических нереальных размеров.

Ученый-физик Александр Вайсберг, арестованный в 1937 году, вспоминал, что даже на «легких» работах нормы были невероятно высоки: «Каждому давали практически невыполнимое задание. Двое работников прачечной должны были за десять дней перестирать одежду восьмисот человек»⁴⁰⁶.

В таких условиях руководство страны вынуждено было раскрывать маховик репрессий, стремясь пополнить лагеря новой дешевой рабочей силой.

Во второй половине 1941 года советскими судами и военными трибуналами было осуждено 1339702 человека, из них 67,4% были приговорены к лишению свободы. В первой половине 1942 года количество осужденных достигло 1396810 человек, из которых 69,3% попали в исправительно-трудовые учреждения ГУЛАГа. В последующие военные годы этот процесс продолжился⁴⁰⁷.

Вместе с тем верхушка преступного мира не стремилась на фронт. Для «вора в законе» служба в армии считалась позором, он не имел права брать оружие из рук власти и воевать за идеалы власти. Поэтому неверно утверждать, будто в первые месяцы войны армейские подразделения пополнялись из лагерей исключительно «блатными». Скорее, наоборот, больше уходило на фронт осужденных по «бытовым» статьям — «бытовиков». Тем более, выбор в пользу фронта диктовался

⁴⁰⁵ Спецсообщение зам. начальника Оперативного отдела ГУЛАГа о состоянии Сиблага от 02.11.1941 г. (приводится по: *Голодяев К.* Тюрьмы и лагеря столицы Сибири).

⁴⁰⁶ *Этлбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М. : МШПИ, 2006. URL: <https://history.wikireading.ru/67434> (дата обращения: 11.02.2019).

⁴⁰⁷ *Бердинских В., Веремьев В.* Краткая история ГУЛАГа. М. : ЛомоносовЪ, 2019.

лагерной обстановкой. «Отсидеться» и выжить в ГУЛАГе в первые военные годы было чрезвычайно сложно.

Отбывавший в то время наказание Лев Разгон рассказывал: «Рабочий день был установлен в десять, а у некоторых энтузиастов и в двенадцать часов. Были отменены все выходные дни. И конечно, немедленно наведена жесточайшая экономия в питании зэка. ...В течение двух-трех месяцев зоны лагеря оказались набитыми живыми скелетами. Равнодушные, утратившие волю и желание жить, эти обтянутые сухой серой кожей скелеты сидели на нарах и спокойно ждали смерти. К весне 42-го лагерь перестал работать»⁴⁰⁸.

Снижение норм довольствия заключённых было связано не только с трудностями военного времени и нехваткой продовольствия, но и с тем, что людей держали впроголодь специально, потому что «пайка», наряду с принуждением, была одним из важнейших средств воздействия начальства на зэков.

В феврале 1942 г. была введена инструкция, в которой разрешалось применение оружия без предупреждения при отказе заключенных приступить к работе после двукратного предупреждения.

Как отмечает в одной из своих работ писатель-публицист Александр Сидоров (Фима Жиганец), все это привело к тому, что за годы войны в местах лишения свободы от болезней и в силу иных причин умерли почти 600 тысяч человек, то есть столько, сколько, по одной из версий, умерло жителей Ленинграда во время блокады⁴⁰⁹.

Немаловажным фактором, повлиявшим на позицию колебавшихся «блатных», стало изменение положения на фронтах Великой Отечественной войны в конце 1942 — начале 1943 гг. Начало коренного перелома было связано с разгромом фашистских войск под Сталинградом, когда попавшие в окружение деморализованные, измученные холодом и голодом немецкие войска под командованием генерала Паулюса сдались в плен целой армией. Победа под Сталинградом обернулась общим наступлением на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа, немецким войскам пришлось отступить на 600 километров от Ростова, который был освобождён 14 февраля 1943 г. За следующий месяц советским войскам удалось отбить у против-

⁴⁰⁸ Разгон Л. Э. Непридуманное: биография и мемуары. М. : Правда, 1988. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=3886> (дата обращения: 02.03.2019).

⁴⁰⁹ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

ника Воронеж, Курск, Белгород, Харьков и значительную часть Донбасса. А уже 5 июля немцы потерпели сокрушительное поражение в Курской битве. Во время крупнейшего танкового сражения второй мировой войны под Прохоровкой были уничтожены отборные, элитные танковые дивизии фашистов, оснащённые самой современной техникой.

Как бы парадоксально это ни звучало, но именно Сталинградской и Курской битвами был ознаменован не только коренной перелом в Великой Отечественной войне, но и положено начало крупнейшего раскола в советском уголовном сообществе, и в конечном результате — к так называемой «сучьей войне»⁴¹⁰.

Разгром гитлеровских войск воодушевляюще подействовал на советских людей не только на фронте и в тылу, но даже в лагерях. Именно после этих событий в армию хлынула волна добровольцев из «блатных», тем более, что командование положительно относилось к такому рвению, поскольку штрафные части постоянно нуждались в пополнении. Безусловно, причины заключались не только в стремлении к призрачной свободе (на фронте год засчитывался за три, но «воры» и примыкавшие к ним мелкие уголовники и так отбывали небольшие сроки) и в желании выжить. Разумеется, в лагерях умирали десятками тысяч, но и штрафные роты были не самым лучшим местом для спасения жизни. Хотя уголовники, с их авантюризмом и бесшабашностью (как всё это называется на их языке — «духовитость») предпочитали риск с надеждой на «фарт» (счастье, удачу) безысходной и неминуемой смерти в лагерях.

Как верно подметил писатель Варлам Шаламов, прошедший через несколько арестов и ГУЛАГ: «Из уркаганов выходили смелые разведчики, лихие партизаны. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали из них ценных солдат»⁴¹¹. Рассчитывали, главным образом, на «первую кровь»: ранение — перевод в обычную часть — война в «нормальных» (по сравнению со штрафным подразделением) условиях.

Советская внутрилагерная пропаганда, набиравшая обороты по ходу войны, поощряла такой патриотический порыв. Как и повсюду

⁴¹⁰ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

⁴¹¹ Жиганец Ф. Глазами «битого фраера»: Варлам Шаламов как летописец «сучьей войны» // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2014. № 39.

в СССР, в лагерях развешивали плакаты, показывали военные фильмы, выступали с политинформацией. ...«Мы сейчас должны работать в несколько раз лучше, ибо каждый грамм золота, добытый нами — это удар по фашизму»⁴¹².

Конечно, сейчас можно спорить, насколько была действенна такая агитация, как невозможно оценить действенность любой пропаганды. Но с трудом верится, что она играла определяющую роль в выборе большинства осужденных, избравших путь «штрафников».

Существует версия, что в 1942 году была проведена влиятельная воровская «сходка», на которой многие «воры» высказались за то, чтобы «законникам» дать право защищать Родину. И на этой сходке, якобы, и произошел раскол между «честнягами» и «отколовшимися» ворами, которых стали называть «суками»... Но никаких подтверждений данной версии не обнаружено. Вероятно, это очередная легенда уголовного мира.

Необходимо назвать ещё одну вескую причину, подталкивавшую воров «защищать Родину». В это время многие представители воровского мира почувствовали запах лёгкой добычи и очень хотели принять участие в её дележке: Красная Армия наступала, и впереди открывалась дорога в богатую Европу и, прежде всего, в Германию, в которую можно было прийти победителем, с «праведным гневом» и с оружием в руках. Данное обстоятельство для многих было манящим и определяющим. Таким образом, на фронт уходили уже не столько для того, чтобы спастись от голодной смерти, но и в расчёте на лёгкую добычу и «жиганское счастье». Нельзя исключать, конечно, и патриотические чувства, но они вряд ли были определяющими для людей, отбывающих наказание и имевших свои счёты к советскому государству.

И, наконец, стоит сказать и о том, что зачастую «блатные» просто ставились перед выбором: либо фронт, либо смерть. Во время войны на хлебники в лагерях были не нужны. В ряде публикаций очевидцев прямо указывается, что уголовники делали свой выбор под дулом пистолета или автомата⁴¹³.

Всего за время войны из ГУЛАГа ушло на фронт 975 тыс. человек. При этом заключённых сначала отправляли в штрафные

⁴¹² *Эннлауб Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М. : МШПИ, 2006. С. 147.

⁴¹³ См., напр.: *Шаламов В. Т.* «Сучья» война». Очерки преступного мира. М. : ФТМ, 2016.

роты, откуда в обычные армейские подразделения они могли попасть только после ранения, полученного в бою, окончания испытательного срока от одного до трёх месяцев или совершённого подвига.

В некоторых оккупированных немцами территориях создавались партизанские отряды, куда входили заключенные, отбывавшие наказание в исправительно-трудовых лагерях, расположенных на этих территориях. Заключенные укрывались в лесах, нападали на оккупантов, захватывая оружие. Командование Красной Армии не отказывалось от сотрудничества с данным контингентом и проводило с ними совместные операции. Во главе подобных отрядов, как правило, стояли криминальные авторитеты.

В военное время под усилившимся давлением администрации, отдельным «ворам» пришлось начать работать. Отказ осужденного от работы в рассматриваемый период расценивался как серьезное правонарушение или даже политическое преступление. Согласно инструкции ОГПУ от 28 ноября 1933 г. все, кто отказывался работать, должны были направляться в лагеря Крайнего Севера. С 1937 г. отказ от работы стал рассматриваться как «контрреволюционный саботаж строительства социализма» и влек ответственность по ст. 58 УК РСФСР. Уже в начале войны за систематический отказ от работы суды стали выносить смертные приговоры. Так, в Воркутинском ИТЛ в 1941 г. за отказ от работы было осуждено 204 человека⁴¹⁴.

В составе «специального контингента», мобилизованного в армию, было немало «воров».

Все это, как известно, считалось серьезным отступлением от «воровского закона». Однако никто в это время не мог и предположить, что война разделит представителей криминального мира на две непримиримые друг к другу враждебные группы. Почти сразу же представителей образовавшейся довольно многочисленной группы «отошедших воров», «вероотступников», «сук» стали преследовать «авторитеты» уголовной среды.

Особенно остро ситуация внутри пенитенциарной системы начала развиваться после окончания Великой Отечественной войны. Многие из блатных, воевавшие на фронте, по тем или иным причинам вновь оказались в лагерях. В стране наблюдался значительный рост преступности. Часть «воров» — участников войны вернулась к своему ремеслу и в результате снова оказалась в исправительно-

⁴¹⁴ Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. С. 149.

трудовых лагерях. Но воровская среда уже не приняла их. Воры старой формации рассматривали всех воевавших воров, независимо от того на чьей стороне они воевали, как сотрудничавших с государством, изменников, «ссучившихся». Воры, не отступившие от «воровского хода», были крайне обозлены на «сук», возвращавшихся в лагерь. Среди возвращавшихся с фронта «блатарей» было немало уважаемых воров, которые поначалу рассчитывали на понимание со стороны «законников», однако, воры не приняли «вояк» обратно в свою среду, исключив участие последних в «сходках», «съездах», «правилках», как грубо нарушивших уголовные традиции и обычаи⁴¹⁵.

Воровской мир не стал принимать во внимание геройское прошлое фронтовиков и отвоёвывавших «штрафников» встретили крайне агрессивно. Формально они отстаивали незыблемость воровских «понятий». Вор никогда не должен брать оружие из рук властей. Любой, нарушивший этот закон, является отступником, для которого не может быть никаких оправданий. «Истинные воры» заявляли, что «штрафники» проявили малодушие, не захотев переносить тяжести лагерной жизни и фактически превратились в «холоуев» властей, подчинившись людям в погонах — и не имело значения, в милицейских или в военных. Необходимо также учитывать, что в голодное послевоенное время каждый кусок был на счету. И принимать лишние рты в «блатную» компанию (пусть даже рты «воровские») означало отдать своё и потуже затянуть пояс. Проще было за счёт прибывших увеличить не число «честняг», а ряды «пахарей». Поэтому и вспомнили «праведные каторжане» о «святых традициях истинных воров».

Писатель и непосредственный очевидец тех событий Варлам Шаламов так описывает обычную «встречу фронтовика» с ворами. «Ты был на войне? Ты взял в руки винтовку? Значит, ты — сука, самая настоящая сука и подлежишь наказанию по закону. К тому же ты — трус! У тебя не хватило силы воли отказаться от маршевой роты — взять срок или даже умереть, но не брать в руки винтовку»⁴¹⁶.

На самом же деле здесь в большей степени имела место обычная борьба за власть в уголовном мире. Лагерные «законники» просто получили удобный повод, чтобы исключить своих «нестойких»

⁴¹⁵ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

⁴¹⁶ Шаламов В. Т. Левый берег. Серия «Колымские рассказы». М. : Вагриус, 1998. С. 509.

собратьев из «элиты» уголовного мира, лишив их привилегий — не работать, жить за счёт «фраеров», быть безраздельными хозяевами в лагерях. По большому счёту, дело было не в том, что они взяли в руки оружие («воровской» мир при необходимости «прощал» и более серьёзные отступления от своих «законов» и «понятий»). У бывших же воров также появился достаточный повод, чтобы возненавидеть воров-законников, поскольку они должны были быть среди тех, кто правит в «запроволочном государстве», а им всем дали «от ворот поворот», объяснив, что «отныне они все мужики и фраеры и их место у сохи». Бывших воров это не устроило, и в послевоенном ГУЛАГе началась настоящая война за власть.

Бывшие фронтовики из числа «воров» стали сопротивляться и в силу своей многочисленности, а также поддержки со стороны лагерного начальства им не составило труда потеснить старых законников. Благодаря боевому опыту, «духовитости» и «куражу» «штрафники» резко выделялись на фоне других заключённых.

Здесь важно вспомнить, что еще до начала «сучьей войны» в «законах» уголовного мира появились определенные изменения. Безусловно, они не затрагивали главного принципа — «Вор ворует, фраер вкалывает». Но в отношении лагерной жизни они приняла более гибкий характер. Теперь уже «блатному» дозволялось выходить на работу. Правда, «не в тепло», не в «зоне», не на привилегированные хлебные должности учётчика, повара, нарядчика, коменданта, а на общих работах вместе с основной массой арестантов — на лесоповале, рытье траншей и пр. Конечно, при этом сам «вор», «блатной», как правило, не «пачкал рук» тачкой или лопатой, ему просто приписывали норму выработки. Однако, во всяком случае, он создавал видимость, обеспечивая показатели выхода на работу для начальства. Но даже эти уступки под воздействием обстоятельств некоторые представители «блатного братства» считали недостаточными. Они полагали, что не вполне разумно, сделав первый шаг, не сделать второй. А именно: если уж «законному вору» всё равно теперь разрешалось выходить на общие работы, нужно пойти дальше. «Воровской масти» должны принадлежать все более или менее значимые, «хлебные» арестантские должности также и внутри «зоны» — нарядчиков, хлеборезов, заведующих банями и т. д. То есть тех, кого само арестантское сообщество называло «придурками», которые умеют устроиться в жизни за счёт большинства эков, «пашущих» на тяжёлых работах.

Однако этот шаг предполагал обязательное сотрудничество с «ментами», с «вертухаями» — с лагерным начальством. Но «закон» устанавливал совершенно определённо: никаких дел, соглашений или компромиссов с ними — ни в «зоне», ни на воле.

Некоторые «блатные», даже не воевавшие в штрафных подразделениях, говорили, что одно дело — «держат стойку», когда тебе «впяли» пару лет, и совсем другое — если «разматываешь пятнашку» или «тянешь четвертак». «Мы же не “политики”, не “фашисты”! — возмущались они. Главное — любыми способами взять власть в “зонах”, и тогда там действительно будет “воровской закон”! Ради этого все средства хороши! Кто выиграет от того, что мы все передохлаем или превратимся в “доходяг”? Те же “менты”! Какой понт рогами упираться и корчить из себя “несгибаемых”, если это на руку только лагерным “начальничкам”?»⁴¹⁷

Но большинство «идейных воров» (которых насчитывались тысячи) выступило резко против подобных «революционных нововведений». Среди них были в основном люди, которые были действительно преданы «воровской идее». Они сумели пережить нелегкие лагерные времена в годы войны, у них был солидный авторитет в уголовном мире, и именно эти «законники» приняли решение, что нельзя отступать от принципов и традиций, которые были выработаны «шпанским братством».

И всё же среди «блатного» сообщества росло количество колеблющихся, одновременно в лагерях и тюрьмах увеличивалось и число «военщины» — бывших «штрафников», ставших в глазах их прежних «коллег» «ссученными». Эти уголовники прошли самыми страшными дорогами войны, смотрели в лицо смерти и легко проливали кровь, разумеется, они не могли смириться с тем, что им было отведено место среди «овец» (безропотных, не могущих постоять за себя арестантов). Но самое главное: они уже не имели предрешений в отношении людей в погонах. Многие из них сами носили погоны, воевали под командованием офицеров. Помимо этого, многие из них во время войны сами смогли дослужиться до офицерских званий. Например, известный вор Толик Черкас (Анатолий Павлович Черкасов) с 1942 года храбро воевал, заслужив два «Ордена Славы» и пять медалей. Вор-карманник Владимир Подгорбунский, попав на войну рядовым солдатом, дослужился до капитана,

⁴¹⁷ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

став командиром танковой роты, и был удостоен звания «Герой Советского Союза»⁴¹⁸. Поэтому, этим людям уже не составляло труда легко и даже демонстративно перешагнуть через «воровской закон».

Более того, как рассказывали некоторые лагерники, в 1948 году «ссученные» на «толковище» в пересыльной тюрьме бухты Ванино на Колыме приняли собственный «сучий закон», одним из центральных пунктов которого и стало тесное, активное сотрудничество с администрацией⁴¹⁹. Это имело конкретную и вполне понятную цель — заручиться поддержкой лагерной администрации в кровавой войне с «ворами». Они нуждались в сильном союзнике, поскольку «штрафников» в лагерях все же было меньшинство.

Поскольку среди «отошедших» было достаточно много авторитетов и идеологов криминального мира прошлого, они никак не могли и не желали мириться с тем новым для себя униженным положением, которое им отвели «правоверные воры». Поэтому в 1940-х гг. и был выработан «новый воровской кодекс». Точная дата его провозглашения не установлена, и существуют различные точки зрения на этот счет. Так, политолог, бывший польско-французский коммунист и заключенный ГУЛАГа Жак Росси, чей «Справочник по ГУЛАГУ» не бесспорен, но интересен обобщением многообразного личного опыта автора, утверждает, что свой «сучий закон» «отколовшиеся» воры ввели еще в конце войны⁴²⁰. Варлам Шаламов указывает на 1948 год, описывая процедуру его распространения в исправительно-трудовых лагерях, которые были расположены на территории Дальнего Востока⁴²¹.

Новый «воровской закон» по своему содержанию в корне противоречил правилам поведения «правоверных воров». Так, новым «авторитетам» теперь было разрешено работать в лагерях и тюрьмах на весьма «сытых» должностях старост, бригадиров, нарядчиков, им теперь не запрещалось иметь семью, не ставилась в укор прошлая служба в армии.

⁴¹⁸ «Гвардейский» вор в законе: про фронтовые подвиги идеологов советского рэкета // Музей истории воровского мира. URL: https://www.primecrime.ru/news/2019-06-12_7234/ (дата обращения: 06.12.2019).

⁴¹⁹ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

⁴²⁰ Росси Ж. Справочник по ГУЛАГУ : в 2-х частях. 2-е изд., доп. М. : Просвет, 1991.

⁴²¹ Шаламов В. Т. «Сучья» война. Очерки преступного мира.

Новоявленные «законники» среди авторитетов уголовной среды получили название «ссученных воров» («сук»). Отсюда исследователи проблемы уголовной субкультуры Ж. Росси, В. М. Монахов, В. Шаламов и другие возникшему противостоянию между «идейными» и «отколовшимися» ворами дали название «сучьи войны».

Поначалу у лагерных «законников» не было желания воевать с отступниками, тем более уничтожать их. Выражаясь языком современного криминала, сначала предполагалось просто указать им своё «стойло».

«Отколовшимся» ворам предлагалась альтернатива — стать обычными «мужиками», то есть лагерными работягами, чья участь «за колючкой» — не «боговать», а вкалывать, «пахать» на «хозяина» (начальника лагеря), то есть на то самое государство, которое они, нарушив «воровской закон», защищали с оружием в руках. А бывшие кореша-подельники, оставшиеся «в законе», имеют право их же унижать, существовать за их счёт, как они сами некогда существовали за счёт «мужиков» и «фраеров».

С началом борьбы за ресурсы и влияние между криминальными группировками и начавшимся переделом власти в лагерях усилилось «паразитическое давление» на остальных заключенных.

Как отмечают исследователи, в апреле 1946 г. было зафиксировано повышение активности организованных уголовников-рецидивистов в лагерных зонах, которое выражалось в «зверских убийствах заключенных, грабежах и терроризировании лагерного населения»⁴²². Оперативные работники в таких условиях были озабочены уже не разложением или ликвидацией уголовных группировок, поскольку это было совершенно безнадежное дело, а их своевременным «расселением». Однако характерное для ГУЛАГа в 1945-1947 годах «паразитическое перенаселение» делало весьма затруднительным последовательное исполнение данного принципа. Это и привело к раскручиванию маховика кровавой и безжалостной «сучьей войны». Изменившаяся социальная структура ГУЛАГа после массовых посадок, последовавших по указам 1947 г. об усилении борьбы с хищениями общественной и личной собственности (заметно расширившая поле действий «хозяев» зоны), уже не могла остановить размах непримиримой борьбы между «ворами» и «суками».

⁴²² Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2 // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

В августе 1947 г., согласно данным руководства ГУЛАГа, доля особо опасного элемента в лагерях составляла 40% от общей численности заключенных. В численном выражении это были 690,5 тыс. человек, осужденных за контрреволюционные преступления, убийства, бандитизм, разбой, побег. Из них около 93 тыс. считались наиболее опасными, и это были уже не мнимые «контрреволюционеры», осужденные за мифические преступления, а реальные уголовники, привлечённые к уголовной ответственности за убийства, бандитизм, разбой и т. п. Именно эта группа, являвшаяся относительно немногочисленной категорией заключенных, «своим поведением и своими действиями буквально терроризировала остальных заключенных, занимаясь избиениями, грабежами, азартными играми на продукты и вещи других заключенных, спекулируя этими вещами и совершая издевательские действия по отношению к женщинам и честно отбывающим срок наказания заключенным»⁴²³. В некоторых лагерях и колониях бандитизм принимал просто угрожающие масштабы.

В конце 1940-х годов значительно изменился социальный состав заключённых в местах лишения свободы. В связи с тем, что происходило ужесточение законов и увеличение сроков, в лагерях стало оседать гораздо больше профессиональных уголовников, в то время как «бытовиков» и «фраеров» становилось все меньше. На ситуацию оказала влияние амнистия 7 июля 1945 г., согласно которой было освобождено 301450 заключённых.

Сыграло свою роль и изменение обстановки в обществе: нужны были рабочие руки в колхозах — необходимо было кормить страну, на стройках — необходимо было восстанавливать страну. Война значительно сократила численность мужчин, в том числе и специалистов в различных отраслях народного хозяйства. С этим обстоятельством нужно было считаться, и поэтому было необходимо временно ограничить террор в отношении населения страны. Конечно, не в полном объеме, поскольку производство существовало и в лагерях, где тоже нужны были специалисты. Но всё же в результате соотношение «блатных» и тех, за чей счёт они всегда жили, изменилось, и работяг на всех могло просто не хватить⁴²⁴.

⁴²³ *Козлов В. А.* Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁴²⁴ *Сидоров А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

Серьезные последствия для всей системы ГУЛАГа имело и то обстоятельство, что советская власть стала избегать прямого наименования способа казни своих врагов. Слово «расстрел» стало считаться не совсем подходящим. Секретность казней отразилась на терминологии. От лица государства официально употребляли термины «высшая мера наказания» или «высшая мера социальной защиты». После окончания войны, в большей степени из-за нехватки человеческих ресурсов, Указом от 26 мая 1947 г. смертная казнь была отменена, взамен было предусмотрено наказание в виде 25 лет лишения свободы. В итоге, из-за расширения применения данной нормы в ИТЛ и ИТК ГУЛАГа образовалась внушительная прослойка заключенных, которые были осуждены внушительные сроки — до 25 лет. Многие «двадцатипятилетники» воспринимали это как пожизненное заключение. Такие длительные сроки лишения свободы имели, как правило, заключенные, осужденные по некоторым пунктам ст. 58 УК, а также те, кого по официальной гулаговской терминологии именовали «уголовно-бандитствующий элемент». Последних было ничтожно мало.

Согласно статистическим данным, на 1 января 1951 г. из общего числа заключённых в 2528146 человек, лишь 121430 человек имели срок заключения свыше 20 лет, что составляло лишь 4,8 %⁴²⁵.

Численность «двадцатипятилетников» в обычных лагерях определялась несколькими сотнями человек, но именно они делали лагерную жизнь невыносимой для простых заключённых, даже не обязательно осужденных по политическим мотивам. Новые приговоры лагерных судов уже практически ничего не меняли в их судьбе. В результате, как отмечают специалисты, был превышен объективный предел карательных санкций в борьбе с преступностью⁴²⁶. Страх перед новым уголовным наказанием у «двадцатипятилетников» пропал, и поведение данной категории заключенных практически было выведено из сферы уголовно-правового воздействия. А постоянную готовность к выступлениям против режима содержания и порядка управления лагерями ограничивал лишь страх перед ответным «беспределом» со стороны лагерной администрации или остальных заключенных. Бандиты и рецидивисты с необычайной легкостью совер-

⁴²⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 190. Л. 4.

⁴²⁶ Подробнее см.: *Parker H.* The Limits of the Criminal Sanctions. Stanford-California, 1968.

шали в зоне кровавые убийства. Так, только для того, чтобы избежать выхода на работу, особенно в зимнее время, в морозы, они «немедленно после выдачи им производственного инструмента совершали убийства совместно работающих заключенных». Эти бандиты прямо заявляли: «Кого-то надо убить, не хочется зимой ходить на работу. Пока зима, посижу в следственном изоляторе, а летом (время побегов из рабочих зон) можно выходить на работу»⁴²⁷. Порой убийства имели открытый, циничный, подчеркнуто демонстративный характер: убийцы в буквальном смысле пили кровь своих жертв, расчленили тела, отрубали головы и т. д. В своих показаниях многие бандиты открыто признавались, что убийства происходят в лагере потому, что если даже «двадцатипятилетний» убьёт кого-либо заключенного или вольнонаемного, то он получит те же 25 лет, а не расстрел, как было бы раньше. Преступников, которым тюрьма заменяла родной дом, от совершения преступления сдерживал только страх за свою жизнь.

Отмена смертной казни развязала руки уголовному миру, превратив тем самым жизнь многих сотен тысяч узников ГУЛАГа в настоящий кошмар. Преступный произвол, тайно и явно поощряемый лагерной администрацией, проявлялся в кровавых расправах уголовников с неугодными лицами, в число которых в первую очередь попадали «враги народа», «работяги», а также нередко и сами представители администрации.

«Двадцатипятилетники» превратились в мощную ударную силу организованных преступных группировок среди заключенных. Справиться с подобным массовым явлением лагерной жизни было практически невозможно, даже если бы удалось полностью изолировать этот специфический контингент от остальных заключенных.

Элита уголовного мира легко множилась. Воровские авторитеты подталкивали лагерную молодежь к убийствам и лагерным беспорядкам обещаниями более комфортных условий отсидки, более высокого статуса в лагерной иерархии или под страхом смерти заставляя брать на себя чужие преступления.

В новой ситуации значительно пошатнулось положение сотрудничавших с администрацией различного рода агентов, информато-

⁴²⁷ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.). Статья 2.

ров и помощников. В 1940-х годах администрация ГУЛАГа организовала весьма обширную агентурно-осведомительную сеть среди заключенных. Если в июле 1944 г. данная сеть насчитывала 72455 человек из числа заключенных⁴²⁸, то спустя три года в июле 1947 г. — уже 138992 заключенных, из них 9958 резидентов, 3904 агента, 64905 осведомителей и 60225 — «противопобеговая сеть». По сравнению с довоенным периодом, когда данная сеть включала в 1940 году лишь на 1% от общего числа заключенных (то есть на каждую тысячу заключенных приходилось 10 «стукачей», в 1947 году это были уже 8% (то есть 80 «стукачей» на каждую тысячу заправочного населения)⁴²⁹. Соответственно, все они оказались под ударами новых и окрепших старых групп и группировок — криминальных, этнических и этнополитических.

Внутренняя жизнь лагерного населения, в определенном смысле предоставленного администрациями лагерей и колоний самому себе, а точнее говоря, отданного на откуп доминирующим лагерным группировкам, переживала радикальные перемены.

Уже к концу 1940-х годов лагерная администрация столкнулась с возрастающим недовольством высшего руководства сложившейся практикой, которая была чревата снижением производственного потенциала ГУЛАГа. В конце 1949 г. ГУЛАГ признал сложный характер накопившихся проблем и то, что практически все бандитские проявления и убийства совершались «под видом взаимной борьбы между уголовными рецидивистами, якобы отошедшими от «воровских законов», так называемыми, «суками», и рецидивистами, открыто придерживающимися «воровских законов», так называемыми, «законниками». Было установлено, что как та, так и другая категория рецидивистов стремится вести в лагерях паразитический образ жизни, терроризируя остальных заключенных и занимаясь их ограблениям, избиениями и другими насильственными действиями вплоть до убийств.

⁴²⁸ Доклад начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина наркому внутренних дел Берия Л. П. от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)». С. 60—86.

⁴²⁹ По данным исследования В. Н. Земскова (см.: *Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 10—27).*

3.2. Противостояние «воров» и «сук»

В блатном мире «сукой» было принято называть изменника воровскому делу, вора, перешедшего на сторону уголовного розыска. Однако применительно к «сучьим войнам» речь шла несколько в ином контексте. Первоначально «ссучившимися» стали называть воров, которые взяли из рук государства оружие и воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Позднее это понятие расширилось и стало включать всех, кто воспринял новый воровской закон и новые воровские устои — «сучий закон». Таким образом, началось разрушение старых устоев, сложившихся еще с конца 1920-х годов, наступил период внутрисобных «сучьих войн». Было очевидно, что воровской закон уже не изменить, поэтому «суки» посчитали, что надо принимать свой альтернативный закон.

Жак Росси так характеризовал сучью войну: «Смертная война, которую ведут между собой уголовники, соблюдающие воровской закон, с теми, кто изменил ему»⁴³⁰.

Раньше «изменников» (а их было совсем немного) из «воровского мира» изгоняли либо применяли другие санкции, культивируемые в конкретном сообществе. В свою очередь, персонал ИТЛ старался изолировать их в отдельные камеры, получившие в среде заключенных название «сучьи будки». Но с окончанием войны и демобилизацией военнослужащих из РКА количество «сук» постоянно увеличивалось, и со временем из них образовалась самостоятельная категория осужденных, своеобразная криминальная «масть».

У лагерного начальства «суки» не пользовались авторитетом (за исключением лишь первых месяцев возникшего противостояния). Во многих лагерях администрация предпочитала иметь дело с «блатарями» старого покроя, они были понятней и проще⁴³¹.

«Суки» были в каждом лагере. Среди них особо выделялись фронтовики, чаще всего бывшие штрафники. Совершив на воле тяжкие преступления, получив за них по 25 лет и не имея шансов на освобождение, эти люди шли на сотрудничество с администрацией лагерей, дававшей им работу — комендантами, нарядчиками, бригадирами, другими разного уровня начальниками. Они уже усвоили простую истину «если хочешь выжить в лагере — наплюй на всех». Опыт старых каторжан говорил: «Всем не выжить». Но когда в

⁴³⁰ Росси Ж. Указ. соч.

⁴³¹ Жиганец Ф. Указ. соч.

твоих руках власть, тебе выжить гораздо проще, поскольку ты уже на голову выше всех остальных и твоя жизнь будет зависеть от твоих возможностей и от умения их использовать.

На первых порах «суки» (как и «воры») не особенно жаждали крови. Их главная цель заключалась в том, чтобы заставить «воров» принять их новый «сучий закон», отказаться от «воровской идеи» и тем самым подтвердить правильность выбора «блатарей», решивших жить в «зоне» по-новому, «по-сучьи». При этом кровь и, так называемая, «гнуловка» рассматривались всего лишь как неприятная необходимость.

Однако со временем борьба все чаще заканчивалась поножовщиной — «воры» просто убивали «сук». Не отставали от них и «суки», которые пытались склонить на свою сторону «честных воров», заставить принять «новую веру». Несогласных «трюмили» либо просто убивали. Это тоже стало нормой.

Таким образом, сообщество заключенных вышло за рамки сбалансированного состояния, что создало условия для возникновения кровопролитной междоусобной массовой борьбы за привилегированное место и влияние в зоне. Эта борьба получила обоснование специфическими идейными мотивами и соответствующим эмоциональным состоянием участников конфликта.

Так, например, 27 августа 1950 г. на 23-м ОЛП Норильлага случилась массовая резня между «ворами» и «суками», в которой с обеих сторон приняли участие более 150 человек. Со стороны «воров» были: Попов Николай Николаевич (1931 г.р., ранее судимый в 1947 г. по ст. 162 п. «в» УК РСФСР 1926 г. на 1 год, 1948 г. — по ст. 74 ч. 1 на 1 год, в 1949 г. — по ст. 74 ч. 1 на 1 год, 1950 г. по ст. 16-59-3 на 3 года, пришел в Норильск 19 августа 1950 г.), Иванов Евгений Тихонович и др. Со стороны «сук»: Степанов Михаил Ильич, Шахназаров (он же Богдасаров) Лев Лазаревич и др.

Накануне блатные избili бригадира Сухарева. Следующим вечером, 27 августа, когда Степанов ужинал, на кухню вошла группа воров, которых вели Попов и Иванов. В ходе разговора один из воров попытался зарубить Степанова топором, но тот вырвался и весь в крови убежал за помощью к своим. «Суки», вооружившись ножами и разогнутыми заточенными скобами, во главе со Степановым и Шахназаровым направились в барак воров, которые вышли к ним навстречу. Первым шел Попов, выкрикивая «Урки, вперед!» Началась резня, в результате которой 6 человек были убиты, 19 ранены. Для прекращения бойни стрелки с вышек открыли огонь.

Вскоре всех организаторов осудили спецлагсудом: Попова по ст. 59-2 п. «а» на 25 лет (в 1955 г. за отказы, игру, сходки, сопротивление режиму и т. п. был на год переведен на тюремный режим, где дал подписку в 1956 г.), Иванова — по ст. 59-2 п. «а» на 10 лет ИТЛ. Главную лагерную «суку» Степанова — на 8 лет. Шахназарова оправдали за недоказанностью состава преступления⁴³².

Война между «ворами» и «суками» стала одним из определяющих элементов послевоенной лагерной жизни. Конфликты между криминальными группировками бывали и ранее, но они не носили столь ожесточенного характера и не были настолько откровенно спровоцированными.

Со слов очевидцев, «сучья война» началась в 1947 году одновременно по всей лагерной системе, что позволило многим утверждать о причастности к этому начальства⁴³³. Видимо к концу 1940-х власти, судя по всему, отказались от идеи перевоспитания профессиональных преступников. Вместо этого они решили использовать их для контроля и устрашения других заключенных, в первую очередь «фашистов», осужденных по статье 58 УК РСФСР и представлявших угрозу советскому строю. Несогласные с этим должны были быть уничтожены. На вооружение при этом был взят лозунг «Кто не с нами, тот против нас» — фраза, ставшая очень популярной в Советской России в годы Гражданской войны и установления советской власти. Первоисточником ее считаются, якобы, слова Иисуса Христа, переданные в Евангелии от Матфея: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30).

Бывший заключенный Вадим Туманов в своей автобиографической книге размышляет о том, что «в Главном управлении лагерей (ГУЛАГе) стратеги исправительно-трудовой системы нашли безошибочный способ, как заставить работать миллионы воров, принципиально не желающих иметь что-либо общее с администрациями лагерей, и заодно вовлечь уголовников в массовое уничтожение друг друга»⁴³⁴.

⁴³² Из приговора лагерного суда Норильского ИТЛ по обвинению Н. Н. Попова, М. И. Степанова, Е. Т. Иванова, Л. Л. Шахназарова в организации массовых беспорядков заключённых // ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 18. Д. 1476. Л. 2-4. Заверенная копия.

⁴³³ *Этлбаум Э.* Указ. соч. С. 432.

⁴³⁴ *Туманов В. И.* Все потерять — и вновь начать с мечты... 3-е изд. М. : Либрика, 2017.

Очевидец «сучьей войны» писатель Анатолий Жигулин, отбывавший наказание на Колыме, вспоминал: «Воры и суки смертельно враждовали. Попавшие на сучий лагпункт воры, если им не удалось сразу же после прихода этапа укрыться в БУРе, спрятаться там, часто оказывались перед дилеммой: умереть или стать суками, ссучиться. И, наоборот, в случае прихода в лагерь большого воровского этапа суки скрывались в БУРах. Власть менялась, лагпункт становился воровским. <...> При таких сменах власти, как и при любых иных встречах воров и сук, часто бывали кровавые стычки»⁴³⁵.

Страшная, беспощадная война «сук» с «ворами» шла на всех пересылках. В захваченную суками зону воры наотрез отказывались заходить, как и суки в воровскую.

Музыкант, преподаватель и бывший политзаключенный Георгий Фельдгун так описывал в своих воспоминаниях «сучьи войны»: «Между суками и ворами идет смертельная вражда. Воры безжалостно убивают сук. Но в данном случае суки обладают подавляющим большинством. Они будут бить воров, пытаться их до тех пор, пока те тоже не ссучатся. В знак покорности они должны совершить любопытный обряд — поцеловать замок от изолятора. Но обращение воров, так сказать, в сучью веру может длиться много времени»⁴³⁶.

Так, например, в январе 1952 г. начальник Усольлага полковник Семенович телеграммой докладывал о том, что 19 января 1952 г. в лагерь по общему наряду ГУЛАГа из Цимлянского ИТЛ прибыл этап заключённых в количестве 491 чел., среди которых оказались две большие враждующие группы, состоящие из 300 чел., так называемых «отошедших от воровских законов» и около 150 чел. воров «законников». «Отошедшие от воровских законов», боясь мести со стороны «воров законников», предъявили ультимативное требование к администрации лагеря о направлении их всех вместе в отдельное лагерное подразделение. Такое же требование предъявила и вторая враждующая группа. Об этом инциденте начальник ГУЛЛП МВД СССР М. М. Тимофеев спецсообщением доложил министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову⁴³⁷.

Один из заключенных вспоминал, что слышал от вора, что все «суки» — уже, считай, трупы, мы их приговорили, любого, при

⁴³⁵ Жигулин А. В. Чёрные камни: Автобиограф. повесть. Урановая угодка : Стихотворения. доп. изд. М. : Культура, 1996.

⁴³⁶ Фельдгун Г. Г. Записки лагерного музыканта. Новосибирск, 1998. С. 91.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 8. Д. 9. Л. 37-38. Подлинник.

первом случае какой-нибудь блатной замочит»⁴³⁸. Другой описывал последствия одной из таких битв: «Часа через полтора блатных из нашей группы привели и бросили на землю. Они были неузнаваемы. Вся приличная одежда с них была содрана. На “сменку” они получили драные телогрейки, вместо сапог — какие-то опорки. Измордовали их зверски, у многих были выбиты зубы. У одного из урок не поднималась рука: она была перебита железной палкой»⁴³⁹.

В Справке старшего оперуполномоченного лагерного отделения № 11 Кунеевского ИТЛ Феклистова о массовом неповиновении заключенных, прибывших из Ахтубинского ИТЛ, описывается типичная ситуация: 3 июня 1953 г. в лаготделение № 11 Кунеевского ИТЛ прибыл эшелон № 97471 с этапом заключенных в количестве 1045 человек из бывшего 17-го лаготделения Ахтубинского ИТЛ, в сопровождении оперуполномоченных лейтенанта Тюрина и младшего лейтенанта Фоменкова. После того, как администрация лаготделения № 11 произвела обход вновь прибывшего контингента, провела разъяснительную работу, ответила на все интересующие их вопросы, а так же проведена беседа работниками КВО Управления Кунеевского ИТЛ, была дана команда организованным порядком повагонно входить в свободный лагпункт 11-го лаготделения. Заключенные из числа уголовно-бандитствующего элемента, возглавляемые Караевым Р., Кавлашвили А. Д., Бутылкиным П. М., Казарьяном О., Карапетьяном С. Х., Попояном М. П., Аэропетяном Аганес, он же Оник Гришевич, Геросьяном С. М., Абаловым Ф. С. и Загибаловым А. Д., стали выкрикивать, что в зону не пойдут. На неоднократные предложения встать и следовать в зону лагпункта они демонстративно, в присутствии всего эшелона, организовали массовое неповиновение с проявлением хулиганских действий, призывали заключенных не подчиняться администрации лагеря, заявляя, что «мы законные воры и разнесем весь лагерь», стали наносить оскорбления администрации лагеря и руководству управления. При водворении их в зону лагеря они стали оказывать физическое сопротивление, пытались напасть на надзирателей в присутствии прокурора. К этой группе присоединились нижеследующие заключенные <...>⁴⁴⁰, которые также стали оказывать массовое неповиновение.

⁴³⁸ Этлбаум Э. Указ. соч. С. 433.

⁴³⁹ Фельдгун Г. Г. Указ. соч. С. 91.

⁴⁴⁰ Опущены фамилии 51 заключенного.

Принятыми мерами руководством Управления Кунеевского ИТЛ и администрацией лагеря массовое неповиновение было ликвидировано и [заключенные] водворены в изолятор. Причем в разговорах с прибывшими сопровождающими данный этап оперуполномоченными — «кто является руководителем и авторитетом уголовно-бандитствующего элемента», они ответили, что все они блатные в количестве 120 человек, не назвав ни одной фамилии их авторитетов.

Прибывший этим этапом заключенный Лагвилава 7 июня с.г. совершил убийство в стационаре заключенного Крепак, нанес ему 22 ножевых ранения. По данному делу ведется расследование, убийца Лагвилава арестован⁴⁴¹.

Примерно такая же картина наблюдалась и в других лагерях.

Из письма Генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову о применении силы при подавлении беспорядков в Ахтубинском ИТЛ от 19 сентября 1952 г.: В ИТЛ Строительства Сталинградгидростроя МВД СССР 10 июля 1952 г. по указанию зам. начальника ИТЛ и Строительства подполковника тов. Воробьева к большой группе заключенных были применены меры физического воздействия.

Произведенным представителем Прокуратуры СССР расследованием установлено: 9 июля 1952 г. около 18 часов в лаготделение № 11 ИТЛ был доставлен этап заключенных в количестве 512 человек, прибывших из ИТЛ Волгодонстроя МВД СССР и временно содержащихся в лаготделении № 10.

По пути в лаготделение № 11 этапируемым заключенным заключенные женщины сообщили, что в лаготделении № 11 содержатся заключенные, отошедшие от воровской среды и, если среди этапируемых находятся воры, то им в это лаготделение идти нельзя, так как их там убьют. Кроме того, часть заключенных лаготделения № 11, узнав, что прибыл этап, поднялись на крыши жилых помещений и стали угрожать прибывшим заключенным убийством. Несмотря на это, 246 заключенных зашли в зону лагеря, а остальные заключенные из-за боязни быть убитыми заходить в зону лаготделения № 11 категорически отказались и потребовали вести их обратно. Уговоры и убеждения этих заключенных администрацией лагеря положительных результатов не дали, и было принято решение этих заключенных оставить на ночь под усиленной охраной за зоной лагеря.

⁴⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 724. Л. 12. Подлинник.

Днем 10 июля 1952 г. на место происшествия прибыл нач. отдела режима и оперработы ИТЛ майор Зверев, который совместно с работниками лаготделения № 11 установил, что среди прибывших заключенных имеется около 150 заключенных, относящихся к группе «воров», и вводить их в лаготделение № 11 нельзя, так как в нем действительно имеются заключенные, отошедшие от воровской среды и содержание в одном лагере этих враждующих групп может привести к убийствам и массовым беспорядкам. Об этом майором Зверевым было доложено по телефону нач. ИТЛ и Строительства тов. Логинову, который отдал распоряжение: этих заключенных увести обратно и рассредоточить по другим лагподразделениям. Когда заключенных повели обратно, то их встретил зам. нач. управления подполковник Воробьев и приказал возвратить их в лаготделение № 11, хотя ему майором Зверевым было сообщено о распоряжении начальника Управления ИТЛ и Строительства тов. Логинова, и он сам лично не проверил причины отказа заключенных идти в ЛО-11.

Заключенные, услышав распоряжение подполковника Воробьева, отказались следовать в ЛО-11, сели на проезжей дороге и сцепились за руки. Видя такое положение, подполковник Воробьев к месту происшествия вызвал солдат ВСО, надзирателей и две пожарных машины и вновь предложил заключенным следовать в ЛО-11, но они опять отказались.

Тогда подполковник Воробьев принял решение развести их по другим лаготделениям, о чем объявил заключенным и предложил им разбиться на три группы, но заключенные, боясь обмана, разбиться на группы так же отказались и потребовали вести всех вместе.

В целях выполнения своего решения подполковник Воробьев приказал надзирателям растащить заключенных по группам силой, но заключенные, сцепившись друг за друга руками, оказали надзирателям сопротивление.

В процессе растаскивания заключенных по группам надзиратели избивали их ремнями, пожарные поливали их водой, а стрелки вели беспорядочную стрельбу. В результате применения к заключенным физической силы 13 заключенных получили телесные повреждения.

Следует отметить, что перед применением к заключенным физического воздействия подполковник Воробьев инструктировал надзирателей, когда и как наносить заключенным удары, если они окажут сопротивление. Со стороны заключенных, за исключением криков и шума, каких-либо нападений на администрацию ИТЛ допущено не было.

Указанный инцидент происходил на глазах гражданских лиц и заключенных женщин, также следует отметить, что принятые подполковником Воробьевым меры физического воздействия положительных результатов не дали и заключенных повели всей группой⁴⁴².

О том, как велась война между ворами и суками, вспоминал также поэт и бывший заключенный ГУЛАГа Леонид Ситко: «...Однажды в коридор забежал надзиратель и закричал: “Война, война!” <...> Воры бросились спасаться в тюрьму, потому что их было меньше, чем сук. А суки их преследовали, кое-кого они убили. Воры прибежали прятаться, и надзиратели их прятали, чтобы меньше крови было в зоне, а потом этих воров отправляли в другие лагеря, чтобы не было снова столкновений»⁴⁴³.

В противостояние воров порой вмешивались и политические, особенно если начальство предоставляло «сукам» слишком много прав. Анатолий Жигулин пишет: «Не стоит романтизировать воров и их закон, как они это сами делали в жизни и в своем фольклоре <...>. Но суки в тюрьмах, в лагерях были для простого зека особенно страшны. Они верно служили лагерному начальству, работали нарядчиками, комендантами, буграми (бригадирами), спиногрызами (помощниками бригадиров). Зверски издевались над простыми работягами, обирали их до крошки, раздевали до нитки. Суки не только были стукачами. По приказам лагерного начальства они убивали кого угодно. Тяжела была жизнь заключенных на лагпунктах, где власть принадлежала сукам»⁴⁴⁴.

Но это было уже послевоенное время, многие политические уже не были беззащитными. В лагере, где отбывал срок Анатолий Жигулин, группа бывших красноармейцев ломami и топорами перебила свиту главаря «сук», а самого главаря жестоко казнила, распилив заживо на пилораме. Его старшему помощнику Деземии с подручными удалось укрыться в БУРе. Но политические переправили его «кодле» письмо, пообещав жизнь в обмен на голову Деземии, которую они должны показать в окно. Собственную жизнь, разумеется, они ценили дороже, чем голову предводителя, поэтому вскоре отрезанная голова была показана и опознана.

⁴⁴² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 1812. Л. 160-163. Копия.

⁴⁴³ Ситко Л. К. Где мой ветер?...: Книга воспоминаний / под ред. А. Я. Истогина. М.: ИЭГ «Панорама», 1996.

⁴⁴⁴ Жигулин А. В. Указ. соч.

Стоит также подчеркнуть, что «сучьи войны» не были локальным явлением, которое ограничивалось только лагерными и тюремными стенами. Это противостояние, продолжавшееся с конца сороковых до середины 1950-х годов, затронуло всю страну. Особенно заметными были его проявления в восточных и северных областях.

Так, геолог Сергей Потапов в 1954 году проезжал на вахту через Якутск и описал то, что увидел: «Помню, как народ на вокзале вдруг резко притих. В воздухе повисло какое-то тревожное ожидание. Потом я увидел, как по перрону идет толпа. Люди рядом стали перешептываться: “Воры”. Люди шли вдоль полотна, выбирали кого-нибудь из толпы, поднимали голову, смотрели. Видно, кого-то искали. Уже потом я узнал, что здесь во всю идет война старых и новых воров»⁴⁴⁵.

Осмисливая события «сучьей войны», свидетелем которых писатель Варлам Шаламов был лично, он пытается проникнуть в душу «блатарей-воров» и «сук», объяснить психологию кровавой вакханалии: «Сучья война отвечала темной и сильной воровской потребности — сладострастного убийства, утолению жажды крови. Эпизоды настоящей войны отразились, как в кривом зеркале, в событиях уголовной жизни. Захватывающая дух реальность кровавых событий чрезвычайно увлекла вожаков. Даже простая карманная кража ценой в три месяца тюрьмы или “квартирный скак” совершаются при некоем “творческом подъеме”. Им сопутствует ни с чем не сравнимое, как говорят блатари, духовное напряжение высшего порядка, благодетельная вибрация нервов, когда вор чувствует, что он — живет. Во сколько же раз острее, садистически острее ощущение убийства, пролитой крови, а то, что противник — такой же вор — еще усиливает остроту переживаний. Присущее блатному миру чувство театральности находит выход в этом огромном многолетнем кровавом спектакле. Здесь все — настоящее и все — игра, страшная, смертельная игра. Как у Гейне: “Мясо будет точно мясо, кровью будет кровь людская”»⁴⁴⁶.

Характерные черты воровского мира — это демонстративность и любовь к театральности. Для перехода в новый «сучий» Орден вводился специальный обряд — целование ножа. Добровольно или принудительно прошедший этот обряд вор навсегда терял свой статус в старом воровском мире и становился «сукой». Тех, кто отка-

⁴⁴⁵ Рудевич А. Война воров: неизвестная гражданская война в СССР. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarism/post338215574>

⁴⁴⁶ Шаламов В. «Сучья война». Очерки преступного мира.

звался принимать «сучью» веру, резали или «трюмили» — избивали кувалами через лист железа или металлические двери⁴⁴⁷.

Поначалу лагерное начальство искусственно создавало численный перевес «сук» над «законниками». В первую очередь, это было возможно осуществить в тюрьмах, где существовала камерная система («хаты») и где воров содержали относительно небольшими группами, изолированными друг от друга. Как правило, чисто «воровских» «хат» было мало. Существовали, так называемые, «абиссинии» и «индии» (камеры, в которых содержались блатные), но обычно «блатных» содержали в одних камерах с общей арестантской массой — «перхотью». Рассчитывать на помощь этой «перхоти» — «фраеров», «мужиков», «политиков» — «законники» не могли, поскольку в основной массе они были инертны.

Именно в тюрьмах начались так называемые «гнуловки», которые заключались в попытках насильно принудить «воров» к отказу от «воровской идеи» и «закона». Делалось это достаточно просто: в камеру входила специальная команда «сук», которые были вооружены ножами, заточками, «пиковинами». Они вычисляли воров (многих из них «суки» знали лично: когда-то вместе «тянули срок», «цифирили», а то и «колупали лабазы»⁴⁴⁸). После этого «воровская масть» отделялась от общей массы арестантов, «блатным» предлагалось тут же, публично, отказаться от «воровского закона» и принять «сучий закон». Свой выбор каждый вор должен был сделать по отдельности, в присутствии свидетелей, дабы потом нельзя было найти для себя никаких оправданий, «отмазок»: мол, я ничего не говорил, от меня ничего не слышали... Если же «вор» упорствовал — тогда его начинали «трюмить».

На блатном жаргоне словом «трюм» называли тюремный карцер. Существовало и существует до сих пор выражение «бросить (кинуть, опустить) в трюм» — что подразумевает карцер, штрафной изолятор, строгое наказание. Тюремная камера считалась одним из самых строгих видов изоляции, а карцер был тюрьмой в тюрьме, — как говорили зэки, «строже строгого»⁴⁴⁹.

⁴⁴⁷ Рудевич А. Война воров: неизвестная гражданская война в СССР. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post338215574>

⁴⁴⁸ Сидоров А. А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.).

⁴⁴⁹ Там же.

Применительно к «сучьим войнам» это понятие также получило новое значение.

«Трюмить» — означало не просто убить, а убивать изощрённо, долго и мучительно, на глазах у всех, чтобы запугать других, тех, кто следующим предстанет перед «суками», после добываемого вора. Тем самым «суки» решили показать, что даже наиболее страшное, по арестантским меркам, наказание — это ничто в сравнении с тем, что ждет тех воров, которые все же откажутся «перековаться». Их «перековывали» в самом буквальном смысле.

Как пишет Варлам Шаламов: «Блатарей не убивали просто. Перед смертью их “трюмили”, то есть топтали ногами, били, всячески уродовали... И только потом — убивали»⁴⁵⁰.

Имел место также обряд «гнуловки», который изначально отличался от «трюмиловки». В своих воспоминаниях Вадим Туманов, который провел 5 лет в штрафных «командировках» конца 1940-х — начала 1950-х годов, обряд «гнуловки» «воров» при стечении эзков на плацу называет именно «трюмиловкой»⁴⁵¹. Однако поначалу разница всё же была...⁴⁵².

Так, Вадим Туманов вспоминал, что в бухте Ванино на пересылке «трюмиловку» («гнуловку») проводили в присутствии высоких начальников и на глазах у этапов, насчитывавших по несколько тысяч человек⁴⁵³. Обряд заключался в ударе в колокол (или в подвешенную рельсу — «цингу»). Связано это было с тем, что удар в колокол или рельсу был сигналом для заключённых к выполнению каких-либо действий: обед, развод, съём и прочее. Подача такого сигнала расценивалась как начало работы на «начальника». В случае отказа «вора» ударить в колокол, его здесь же, на глазах у гулаговских офицеров и этаплируемых арестантов, убивали, но «не слишком жестоко»: просто резали ножом.

Вообще, сначала в рядах «сук» не сложилось единого мнения относительно разного рода процедур и «обрядов». Так, например, воркутинские «ссученные» не одобряли жестокости колымчан, негативно относились к «трюмиловкам», считая, что достаточно просто убивать «нераскаявшихся» воров, а дополнительная жестокость ни к чему.

⁴⁵⁰ Шаламов В. «Сучья война». Очерки преступного мира.

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Сидоров А. А. Указ. соч.

⁴⁵³ Туманов В. И. Указ. соч. С. 414.

Первое время «суки» постоянно заявляли, что их главной целью является защита общей массы заключённых от воровского «беспредела», наведение порядка в местах лишения свободы, установление справедливости. И многие заключенные поначалу этому поверили⁴⁵⁴.

В «сучьей войне» не было особой разницы между «ворами» и «суками». Те и другие хотели главенствовать в местах лишения свободы, подчинить себе зону с целью улучшения питания и бытовых условий, создания более комфортного проживания. Между «суками» и «ворами» существовала лишь одна разница: «суки» охотно занимали все хлебные должности в низовой лагерной администрации и всеми способами выбивали план из работающих заключённых, а «воры», как правило, отказывались от сотрудничества с оперчастью, считая это неприемлемым, но не гнушались грабежами лагерного населения. Правда в отличие от «сук» и «беспредела» они всё же при этом старались применять не «беспредельные» методы, а действовать более деликатно, например, обыгрывая в карточные игры.

Основная масса зэков настороженно и зло относилась как к «ворам», так и к «сукам», а заодно и к «начальничкам», поскольку именно в них видела представителей сталинской карательной машины, бросившей арестантов в лагерь.

Однако в процессе «резни» большая часть «сидельцев» стала относиться к «воровскому» миру лучше, чем к «сучьему». Объясняется это достаточно просто. «Воры», конечно, были закоренелыми преступниками, но они не скрывали своих взглядов, готовы были принять за них мученическую смерть. В то время как «суки» воспринимались как лицемеры, лизоблюды, холуи, которые добивались власти над «фраерами», и в этом им способствовала ненавидимая арестантами администрация лагерей. Постепенно, в результате «трюмилловок» и обрядов «целования ножа», «воры» в глазах остальных заключённых приобретали мученический ореол, становились жертвами, «страдальцами». Такова русская традиция — жалеть тех, кто подвергается гонениям...

Но даже не это главное. «Сучьи войны» заставили «воров» понять: нельзя, как говорится на блатном жаргоне, «переть по бездорожью». Нельзя открыто и беспредельно издеваться над всеми этими «мужиками», «оленьями», «штымпамы», «чертями» и прочими.

⁴⁵⁴ Сидоров А. А. Указ. соч.

Нельзя постоянно безнаказанно их унижать, грабить, «дербанить» их «сидоры», «кешари» и «баулы». Именно в простом арестанте надо искать своего союзника. Именно в умы рядовых «сидельцев» следует вдальбивать «идеи» о том, что «воровской» мир строг, но справедлив, что вор никогда не обидит «честного арестанта», не позволит сделать этого и другим, защитит от «беспредела». А если подобное произошло — жестоко накажет виновного. Надо, чтобы «мужик» сам принёс тебе то, что до этого ты у него вымогал. Тогда это будет честно и справедливо, без обид.

До «сучьих войн» даже мысли об этом не возникало. «Фраер» существовал для того, чтобы кормить «блатного» и «пахать» на него. «Блатной» мог делать с «фраером», что захочет — вот основные заповеди довоенной лагерной морали.

Теперь же всё стало постепенно поворачиваться по-иному. Более тонко и умно. Теперь «вор в законе» провозглашал себя радетелем за арестантское благо, защитником и покровителем «сидельца». Простой заключённый стал замечать что-то странное. В одном случае, у старика здоровые «лбы» отняли передачу — и вот уже на глазах у всех арестантов по приказу «вора» «беспредельщиков» забивают ломами. В камере наглые «урки» издевались над слабым, не умеющим постоять за себя интеллигентом. По приходу в лагерь им отрезали головы, а заодно выяснили, кто сидел с ними в одной «хате», и зверски расправились со всеми — чтобы неповадно было молча наблюдать за «беспределом». В другом, вору сообщили, что у одного их «мужиков» умерла жена, и на воле сиротами осталось двое малолетних детей. Через некоторое время «мужик» узнаёт, что его ребят одели, обули, «подогнали» немного денег на первое время... Такие случаи реально имели место, но только несколько позднее — в конце 1950-х.

Безусловно, подобных случаев показательного театрального благородства было не так уж много. И все они были рассчитаны на яркий эффект, передавались из уст в уста, обрастали удивительными подробностями, становились легендами. И мощная, хитроумная «воровская пропаганда» давала свои результаты.

На пересылке вопросы жизни и смерти арестантов решала команда известного в прошлом вора — «ссученного» Ивана Фунта и его подручных, которые подрядились помогать администрации в ведении порядка, в том смысле как они его понимали.

С вновь прибывших этапников снимали хорошие вещи, которые присваивались «суками». Они же контролировали работу пи-

щеблока, получение посылок и передач, денежных переводов. В это время там находились известные воры Иван Львов, Игорь Благовидов (Ростовский), Паша Бодайбо, Николай Федорчук (Коля Хол), Млад Володя, а также Александр Кочев (Вася Корж), Николай Летодиани (Коля Сван), Павел Андреев (Пашка Америка), Дикарь (в 1953 г. зарезан суками на приiske Омчак Магаданской области), Мишка Стальной (задушен в 1949 году на штрафном приiske «Ленковский» Магаданская область).

Иван Фунт сначала занимал должность коменданта Владивостокской, а потом более крупной Ванинской пересылки. Он ходил в офицерских галифе, заправленных в хромовые сапоги, и в военном кителе без погон. Широкие плечи и катающаяся между ними чугунная голова внушали трепет. Попасть к нему в немилость было опаснее, чем прогневать лагерное начальство. У администрации еще могли оставаться какие-то человеческие чувства, внутренние ограничения или внешние запреты, опасения за жизнь своей семьи и детей, чувства жалости и сострадания. «Суки» же не знали никаких сомнений. Иван Фунт и его подручный Серёга Свист лично «трюмили» воров-законников. В конечном итоге Иван Фунт был убит в Ш-320 УЛИТУ Нырбеспецлес.

Существующая в лагерях ГУЛАГа система была создана изощрённым чекистским умом, главная цель которой было наведение ужаса на всех заключенных. Воры резали «сук», «суки» — воров. И те, и другие унижали, обирали и нещадно эксплуатировали бесправное население ГУЛАГа — «мужиков», «фраеров», «политиков». Внутри системы руками одной части заключённых уничтожалась другая, при этом создавалась иллюзия непричастности администрации ГУЛАГа к политике произвола в местах лишения свободы.

Так, например, в одной из докладных записок того периода сухо констатируется: «В 1953 году в лагерях резко возросло число бандитских проявлений и групповых неповиновений заключенных, сопровождавшихся в ряде случаев человеческими жертвами. В первом квартале 1954 года ... в лагерях и колониях на почве бандитских побуждений, личных счетов, мести, из-за вражды между группировками уголовного рецидива было совершено 129 убийств»⁴⁵⁵.

Существует точка зрения, что теория уничтожения преступного мира самим преступным миром была разработана одним из идеоло-

⁴⁵⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 50-66.

гов, теоретиков и организаторов массовых репрессий доктором юридических наук, профессором А. Я. Вышинским⁴⁵⁶.

Александр Солженицын также считал, что использование «сук» как инструмента управления лагерями было результатом целенаправленной политики чуть ли не высшего руководства страны. Он утверждал, что подобные явления нельзя сваливать на неких «пришпешников Берии», другими словами, обращал внимание на их органичный, системный характер.

При всем уважении к великому писателю и знатоку ГУЛАГа заметим, что лагерная администрация имела гораздо большую свободу, чем это можно себе представить. Необходимо отметить, что в целом лагерная администрация часто «осмеливалась» выполнять только те указания сверху, которые могла и хотела. Кроме того, она прекрасно понимала бюрократический язык недомолвок высшего руководства, отделяя официозные фразы о наведении порядка от действительных угроз. Суждение Солженицына о неспособности гулаговских церберов «осмелиться» действовать в своих собственных интересах противоречит тезису самого писателя о том, как стремясь после смерти Сталина и уничтожения Берии сохранить насиженные места и привилегии, убедить московские власти в своей «нужности», лагерные бюрократы пошли на неочевидные, но достаточно эффективные провокации лагерных бунтов, вполне осознанно «осмеливаясь» нарушать инструкции.

Поддержка и пестование «сук» администрацией лагерей в послевоенные годы шло в обход служебных инструкций и директив, или, по крайней мере, параллельно с ними, под видом привлечения к работе по «перековке» тех, кто отошёл от «воровской идеи», встал на путь исправления.

Лагерные бюрократы ответственные за план, знали, что это самая главная задача, за невыполнение которой с них могут снять не только погоны, но и шкуру. Поэтому, на почве личного страха и необходимости выполнения плана любой ценой, возникла идея террористических методов управления спецконтингентом лагерей, как со стороны официальной лагерной администрации, так и неофициальной, при помощи «разложенных» воров. Данное явление возникло, прежде всего, в силу производственной необходимости, для более продуктивного использования рабочей силы заключенных.

⁴⁵⁶ Рудевич А. Указ. соч.

Действительно, администрация помимо введения более строгого режима и увеличения сроков для укрощения уголовников пользовалась и другими средствами. В ход шел знаменитый принцип «Разделяй и властвуй». Суть его была проста: воры за отказ от своего «закона» и готовность к сотрудничеству получали всевозможные поблажки и привилегии. Те, кто соглашался, получали возможность измываться над прежними товарищами, они могли даже пытаться их и убивать при полном попустительстве лагерной охраны. Это были совершенно развращенные уголовники-коллаборационисты⁴⁵⁷.

Вскоре волна «трюмиловок» прокатилась по всем крупным зонам страны — команды отборных головорезов, которые создавались при содействии лагерного начальства, «гастролировали» по крупным зонам, где под страхом мучительной смерти заставляли «честных воров» ссучиваться — начав сотрудничество с властью.

Одной из самых беспощадных слыла команда Васьки Пивоварова (Пивовара), созданная в Караганде в Карлаге из отпетых уголовников, которые провинились перед преступным миром и не имели иного шанса выжить, кроме как объединившись с лагерными властями сломать хребет «законному» воровскому сообществу.

Пивоваровская банда была создана по подобию фунтовской. Отличие заключалось в том, что «пивоваровцы» были «гастролерами» и «с благословения» чекистов гастролировали по всем тюрьмам Советского Союза. Их провезли через Воркуту, Сиблаг, Норильск, Ангарлаг и другие зоны Севера с одним и тем же заданием. Везде они «гнули» воров, «трюмили» непокорных. Одно имя Пивовара наводило жуть не только на воровское сообщество, но и на рядовых арестантов — «мужиков» и «фраеров». Ведь, несмотря на мнимую «заботу» о зэках и проповедь справедливости, «сучня» не терпела, когда кто-то проявлял излишнюю независимость, «непокорность».

Предоставленные его команде властями почти неограниченные права позволяли бандитам действительно наводить страх на лагеря, на управления лагерей, даже если в них содержалось по 30-40 тысяч человек⁴⁵⁸.

В конечном итоге, когда в начале 1950-х надобность в «пивоваровцах» исчезла, их на Колыме бросили на растерзание ворами.

Несмотря на сомнения отдельных авторов в существовании Пивовара, заключённый по фамилии Пивоваров упоминается в Указании ГУЛАГа начальникам первых отделов (отделений) ИТЛ и

⁴⁵⁷ Эпплбаум Э. Указ. соч. С. 432.

⁴⁵⁸ Рудевич А. Указ. соч.

ИТК № 9/9831 от 30 ноября/2 декабря 1949 г. как руководитель бандитских актов в Ангарлаге.

Очень скоро «сукам» стало неинтересно «трюмить» «воров». И тогда чрезвычайно популярным стал обряд «целования ножа».

Необходимо подчеркнуть различие между «трюмиловкой» и «целованием ножа». «Целование ножа» появилось немного позже, непосредственно в лагерях, когда у «ссученных» возникло свободное время для творческой деятельности в изобретении «театральных церемоний». «Трюмиловки» же имели чисто «прикладной» характер: они были нацелены на то, чтобы сломить, запугать, привлечь в свои ряды «честных воров». Конечно, в итоге для арестантов и «воров» все эти различия между «трюмиловкой» и «целованием», а также ударом в рельсу и прочими «изысками» стёрлись.

«Трюмиловки», как уже отмечалось, проводились в тюремных камерах (нередко — прямо на тюремном плацу, куда выводили «сидельцев» из одной «хаты»). Для «целования» была необходима торжественная обстановка, большое число зрителей. Для этих целей подходил только лагерный плац, в центре которого стоял главный «сука» и его подручные. Воров выводили поодиночке, они представляли перед сотнями глаз, что делало для «честняков» отказ от «идеи», от воровского звания особенно болезненным и унижительным. Была еще одна особенность церемонии «целования ножа». Каждому новичку, отказавшемуся от «воровского закона» и принявшему «сучий», надлежало не только поцеловать нож. Он должен был перед всей собравшейся толпой доказать верность «сучьему закону», для чего должен был здесь же собственноручно убить одного из «несгибаемых воров», который отказался прикоснуться губами к «сучьему перу». «Казни» осуществлялись несколькими способами; наиболее распространены были — зарезать ножом или забить ломом (на Севере были популярны также «забурники» — наконечники на буровом оборудовании, при помощи которых бурились скважины⁴⁵⁹). В случае «трюмиловки» подобные действия не имели бы необходимого эффекта «публичности», такого характера массового действия, жуткого театрального спектакля.

Многие видные воры (Мишка-одессит, Чибис) приняли «сучью» веру, другие (Полтора Ивана Балабанов, Полтора Ивана Грек) предпочли умереть, чем изменить «воровской идее»⁴⁶⁰.

⁴⁵⁹ Рудевич А. Указ. соч.

⁴⁶⁰ Сидоров А. А. Указ. соч.

Вот характерная сцена для того времени: «Когда суки положили Пушкина на железный лист и начали подпекать на костре, он прокричал стоявшим поодаль зрителям: “Эй, фраера! Передайте людям, что я умираю воров!”»⁴⁶¹

Борьба приобретала все более дикие формы. Но для проявления своих убеждений у «воров» было все же больше возможностей, у них хотя бы была альтернатива: отказаться от своей «правоверности» и перейти во вводимый «суками» «новый закон», либо умереть. У «сук» такой альтернативы не было — если они попадали в руки «воров», то их однозначно ждала смерть. Вражда между группировками приняла постоянный характер, жертвами ее стали тысячи заключенных.

Наиболее ожесточенным противоборство было в лесозаготовительных лагерях, а также в лагерях Дальстроя. Это объясняется тем, что изоляция «бандитствующего элемента» выражалась в перемещении его именно в указанные учреждения⁴⁶².

В ИТЛ Дальстроя на 1 декабря 1952 г. содержалось 152 828 заключённых (без Особого лагеря № 5 МВД СССР), в том числе: в Тенькинском ИТЛ (пос. Усть-Омчуг) — 15746 чел., в Западном ИТЛ (пос. Сусуман) — 13708 чел., в Северном ИТЛ (пос. Ягодный) — 11592 чел., в Индигирском ИТЛ (пос. Усть-Нера) — 12276 чел., в Юго-Западном ИТЛ (пос. Н. Сеймчан) — 3905 чел.; в Омсукчанском ИТЛ (пос. Омсукчан) — 7085 чел., в Чаун-Чукотском ИТЛ (пос. Певек) — 12701 чел., в Чаунском ИТЛ (пос. Певек) — 5278 чел., в Чукотском ИТЛ (Залив Креста) — 7866 чел., в Янском ИТЛ (пос. Эге-Хая) — 7740 чел., в Дорожном ИТЛ (пос. Адыгалах) — 2838 чел., в Магаданском ИТЛ (г. Магадан) — 7786 чел., в Ванинском ИТЛ (бух. Ванино) — 4352 чел., в Приморском ИТЛ (г. Находка) — 4105 чел., в Усть-Кутском ИТЛ (пос. Усть-Кут) — 889 чел., в Транспортном ИТЛ (пос. Мякит) — 5947 чел., в ИТЛ УПХ (пос. Весёлая) — 6587 чел., в ИТЛ Промжилстроя (г. Магадан) — 2426 чел., в отделениях: ИТЛ Янстроя (пос. Хандыга) — 3774 чел., ИТЛ Ушосдора (пос. Карамкен) — 2048 чел., ИТЛ КИРП (пос. Зырянка) — 3522 чел., Ожогинского ИТЛ (пос. Ожогино) — 1598 чел., ИТЛ БерГРУ (пос. Нексикан) — 2599 чел., транзитном отделении (г. Магадан) — 3216 чел., ИТЛ центральной больницы (пос. Дебин)

⁴⁶¹ Терц А. Голос из хора. Лондон : Стенвали, 1975.

⁴⁶² Дмитриев Ю. А., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Минюста РФ. Ростов н/Д : Феникс, 2007.

— 2264 чел., ОЛП-12 Комбината № 1 (Бутыгыгчаг) — 378 чел., и в пути, то есть в перебросках между лагерями — 600 чел.⁴⁶³

С самого начала «сучьей войны» воровской мир понёс серьёзные потери, в первую очередь, из-за того, что «сучью идею» целиком поддержало гулаговское начальство. Фактически воровская резня, по мнению многих исследователей, была официальной политикой лагерного руководства. Казалось, что «сукам» легко удастся одержать победу над «блатными», тем более, что в результате «гнуловок» и «трюмиловок» в ряды «ссученных» все больше входили не только бывшие «штрафники», но и многие «честняги», предпочитавшие жизнь мучительной смерти за «идею».

Но и воровской мир не дремал. В его пользу указывало то, что при любых раскладах слишком велико было численное превосходство «блатных» над «суками», и поколебать его не способны были даже «трюмиловки». По пересыльным тюрьмам проходили многотысячные этапы, и «сучьи» гастролёры просто физически не могли воздействовать на всех воров. В лучшем случае из этапа им удавалось обработать несколько камер, остальные вору благополучно добирались до лагерей, где дело нередко принимало совершенно иной оборот. В лагерях «законники» могли вооружиться как следует и дать отпор даже в том случае, если начальству удавалось оставить их в меньшинстве и нагнать в «зону» «ссученных». В целом, «суки» во всех лагерях встречали жесточайшее сопротивление⁴⁶⁴.

Но все равно на протяжении 1947-1948 годов Дальний Восток и Колыма, которые стали своеобразным полигоном для обкатки «сучьего закона», находились под контролем «отколовшихся». Лагерное начальство смогло в целом обеспечить для «ссученных» благоприятные условия, при которых они могли безопасно для себя «гнуть» воров. Перелом наступил весной 1949 года, когда после открытия навигации на Колыму пошли новые массовые этапы с материка. Указ «четыре шестых» сослужил службу воровскому миру: знаменитый пароход «Джурма» под завязку был набит «элитой блатного мира». Для послевоенного советского государства наступило время наконец-то заняться чисткой своих городов от криминала.

⁴⁶³ По данным исследования А. И. Широкова (см.: *Широков А. И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920-1950-х гг.: Опыт и уроки истории* / под ред. Э. И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009).

⁴⁶⁴ *Сидоров А. А. Указ. соч.*

В новых условиях «воры» предприняли все меры для сохранения в целостности системы корпоративных правил поведения и поднятия престижа «воровской идеи». В отношениях друг с другом они стали более принципиальными и решительными.

Не только на свободе, но и в исправительно-трудовых лагерях постоянно проводились «сходки» и «правилки», порой собиравшие по 200-400 делегатов. На них «судили» и убивали изменивших «закону», вводили новые правила поведения. В 1947 г. такой съезд состоялся в Москве в Сокольниках, в 1955 г. — в Казани, в 1956 г. — в Краснодаре⁴⁶⁵.

Изменился порядок приема лиц в криминальное сообщество. Нередко кандидату ставилось предварительное условие убить человека, причинившего ущерб преступному миру. Если в числе его знакомых имелся кто-либо сомнительный, то убийство им такого лица было обязательным условием. Устанавливался строгий контроль за поведением каждого «авторитета», ограничивалось время нахождения его на свободе до шести месяцев, им запрещалось досрочно освобождаться из мест лишения свободы. «Воры», нарушившие «закон» или не выполнившие указаний главарей, преследовались во всех лагерных пунктах, а окончательно судьба их решалась на коллегиальной основе. Если выносился «приговор» о лишении жизни, то убийство, по обычаю, совершал кто-то из молодых «воров», а ответственность возлагалась на «фраера» или так называемого «грузчика из калашного ряда». Заключенному, имеющему срок наказания 25 лет и отбывшему 1-2 года, ничего не стоило совершить новое преступление, так как фактически для него это ничего не меняло⁴⁶⁶, так как до 1953 г. за убийство в местах лишения свободы закон не предусматривал исключительной меры наказания в виде смертной казни.

Суть одной из характерных тенденций рассматриваемого периода заключалась также в сближении между хранителями уголовной субкультуры и «фраерами». Это был вынужденный шаг. Группировки «воров» во время «сучьей войны» нуждались в поддержке со стороны иных лиц, отбывающих наказание. Таким образом, обозначалась консолидация уголовных элементов независимо от прошлой преступной деятельности.

⁴⁶⁵ Анисимков В. М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. М. : Юридический центр, 2003.

⁴⁶⁶ Там же.

Анализ обстоятельств чрезвычайных происшествий, имевших место в пенитенциарных учреждениях в конце 1940-х и начале 1950-х гг., показывает, что половина из них произошла именно в результате стремления уголовников-рецидивистов вести паразитический образ жизни. Используя весьма разнообразные средства и способы, «авторитеты» уголовной среды стремились распространять свое влияние на все категории осужденных, чаще всего это совершалось путем применения суровых санкций за отступление от «правил-заповедей арестантов», даже самое незначительное.

Например, в Чаун-Чукотском ИТЛ ворами-рецидивистами Абалковым и Егоровым был убит заключенный Мошталкин, проигравший в карты. В Баковском лагере Невзоровым был убит Сухарев, проигравший ему в кости и не уплативший долг. В лагерном отделении Каргопольского ИТЛ покончил жизнь самоубийством Яковлев, который не смог расплатиться за карточный долг. Аналогичные факты имели место практически во всех исправительно-трудовых лагерях⁴⁶⁷.

Имея большие сроки наказания, постоянно терпя насилие, издевательства, унижительные оскорбления, заключенные теряли веру в возможность освобождения. Многие теряли веру в саму жизнь, умирали от истощения, болезней и безысходности. В местах лишения свободы неуклонно росла смертность осужденных. Эта тенденция подтверждается и проведенным нами исследованием личных дел осужденных, погибших или умерших в Ивдельлаге в 1937-1956 гг. При этом следует отметить, что основными причинами смерти заключенных в 1937-1945 гг. являлись авитаминоз, упадок сердечной деятельности, истощение, туберкулез. С середины 1940-х гг. наблюдается всплеск убийств осужденных.

В конечном счете, это привело к тому, что в первой половине 1950-х гг. в исправительно-трудовых лагерях Сахалинской области, в Вятском ИТЛ и в ряде других исправительно-трудовых учреждений произошли открытые массовые выступления «мужиков» и примкнувших к ним «воров» против «сук».

Так, из Докладной записки комиссии Минюста начальнику ГУЛАГ И. И. Долгих о результатах проверки условий размещения и режима содержания заключенных, прибывающих в Кунеевский ИТЛ от 27 июня 1953 г. следует: «В период нашей работы в Кунеевском ИТЛ по нарядам ГУЛАГа прибыло из Ахтубинского ИТЛ 10 тыс.

⁴⁶⁷ *Анисимков В. М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы.

заключенных. Прибывающие заключенные из эшелонов направлялись в специально выделенные лагерные пункты для санитарной и оперативной обработки. Кроме указанных лагерных пунктов, были подготовлены к приему два пересыльных пункта в г. Сызрани и Красной Глинке. Заключенные, прибывшие эшелонами, подвергались санитарной обработке и 4-5-дневному карантину, после чего, распределялись с учетом специальностей по действующим лагерным подразделениям.

Состоящий на оперативном учете уголовно-бандитствующий состав из общей среды заключенных изымался и водворялся в штрафные изоляторы, впоследствии главари направлялись в штрафной лагерный пункт, остальные, также с учетом специальностей, направлялись в лагерные подразделения.

В процессе приемки и последующего распределения заключенных по подразделениям выявилась слабость работы отдела режима и оперативной работы Кунеевского ИТЛ. Режимно-оперативный отдел слабо знает контингент заключенных в лагерных подразделениях. Уголовно-бандитствующий элемент на оперативный учет не взят и не выявлен, а в результате при распределении заключенных по лагерным подразделениям встретились с большими трудностями в изоляции враждующих групп. Режимно-оперативным отделом проводилась изоляция уголовно-бандитствующего и хулиганствующего элемента из подразделений, в которые завозился контингент Ахтубинского ИТЛ, но в силу слабости агентурно-оперативной работы в лагерных подразделениях уголовно-бандитствующий элемент остался невыявлен и не был изолирован. Оставшийся неизолированным уголовно-бандитствующий элемент в двух лагерных подразделениях пытался учинить расправу с ворами, нарушившими «воровской закон», прибывшими с эшелоном из Ахтубинского ИТЛ.

Так, в третьем лагерном отделении заключенные из уголовно-бандитствующего элемента напали на вновь прибывших заключенных Ахтубинского ИТЛ, ранее нарушивших воровской закон. Последние забаррикадировались в жилом бараке. В целях ликвидации создавшегося положения в жилую зону лагерного отделения были введены солдаты, без оружия, но это мероприятие не прекратило драку между заключенными; было принято решение дать несколько предупредительных выстрелов из винтовок и автоматов с постовых вышек, после предупредительных выстрелов драка прекратилась; в драке получили ранения 3 человека заключенных. Вновь прибывшие за-

ключенные были выведены из жилой зоны и размещены в отдельном лагерном пункте.

В четвертом лагерном отделении из вновь прибывшего контингента 37 человек заключенных, нарушивших «воровской закон», вошли в зону, но в бараки идти отказались, т. к. им якобы угрожает опасность. Было принято решение временно их изолировать в штрафном изоляторе и впоследствии вывезти в другое подразделение. Через два дня, когда их хотели перевезти в другое лагерное подразделение, они попросили осмотреть жилую зону с целью выявления враждующих с ними заключенных, для чего выделили из своей среды 9 человек заключенных. Это было им разрешено. Когда заключенные вышли в зону, то один из заключенных, находящийся в зоне, опознал заключенного, с которым он враждовал на воле; по его сигналу из бараков собрался хулиганствующий элемент и стал преследовать осматривающих зону прибывших заключенных; последние стали отходить к вахте, но у самой вахты, одному из прибывших заключенных был нанесен смертельный удар ножом»⁴⁶⁸.

Таким образом, противостояние нарастало и приобретало жесткие формы и массовый характер. При этом основная масса простых заключенных либо относилась враждебно к обеим противоборствующим сторонам, либо старалась соблюдать нейтралитет.

3.3. Криминальные и националистические группировки заключенных

В местах лишения свободы кроме официальной власти всегда устанавливалась и другая иерархия – неформальная. Это всегда была наиболее сильная и сплоченная группа заключенных, которые стремились получить привилегии и жить чуть лучше других. Именно она задавала тон в данном лагере, устанавливала правила поведения, принимала решения о том, кто, где и как будет отбывать срок, регулировала отношения между заключенными, наказывала провинившихся и т. д.

До конца 1940-х годов, пока не набрали силу крупные национальные группы (украинцы, прибалты, чеченцы, поляки), лучше всех были организованы уголовники. Именно они обычно захватывали места на верхних нарах, где было теплее и просторнее, заставляли бригадиров приписывать им норму выработки, устанавливали правила жизнедеятельности в зоне, вершили лагерный суд.

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 724. Л. 96-102. Подлинник.

Но к концу 1940-х годов в местах лишения свободы образовались многочисленные группировки осужденных, объединенные новыми идеями, принципиально противоречащими «воровским». Произошедшие изменения в «блатном мире» привели к серьезным конфликтам, поскольку одни хотели восстановить свой статус, другие не желали уступать зоны «узаконенного» грабежа, сферы влияния, «наследственного» права на власть, паразитического существования.

В отдельных ИТЛ объявили свою неформальную власть над другими заключенными «польские воры». О происхождении данного криминального образования в литературе нет единого мнения. Одни считают, что ими являлись бывшие «воры», мобилизованные в армию во время войны и воевавшие на территории Польши. Другие к ним относят воров-одиночек. Третьи связывают возникновение этого сообщества с польскими привычными преступниками. Так, Б. Ф. Водолазский констатировал, что «в период 1939-1940 гг., после присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, появилась новая криминальная группировка под названием «польские воры»⁴⁶⁹. Так же С. И. Кузьмин пишет: «На присоединенной к СССР территории Прибалтийских государств, Западной Украины и Белоруссии, Бессарабии находилось немало тюрем, в которых отбывали наказание уголовники-профессионалы. Этапированные оттуда в систему ГУЛАГа воры-профессионалы пытались утвердиться в новых для них условиях, чтобы занять достойное положение в среде осужденных. Не зная всех тонкостей жизни воровских авторитетов — “паханов” в местах заключения СССР, они грубо нарушали отдельные нормы такого поведения, восстанавливали против себя местных воров. К тому же расширение сообщества воровских авторитетов в результате пополнения пришельцами с запада, которых стали называть “польскими ворами”, сулило местным немало трудностей. В силу этих обстоятельств воровское сообщество разделилось на две враждующие между собой группировки»⁴⁷⁰. Французский исследователь Жак Росси причисляет «польских воров» к «полублатным», то есть к субкультурной прослойке между «авторитетами» и «нейтральными».

⁴⁶⁹ *Водолазский Б. Ф.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее) : учеб. пособ. Омск, 1979.

⁴⁷⁰ Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. А. И. Зубкова.- М., 1997. С. 174.

«Закон польских воров» позволял членам своей группировки во время отбывания наказания в ИТУ заниматься любой работой, сотрудничать с представителями администрации мест лишения свободы. Участники названного сообщества демонстрировали более гибкую тактику действий, более высокую приспособляемость к обстоятельствам. Между тем они также собирали с работающих заключенных «положенную дань», тем самым формировали свой корпоративный «общак», устраивали «сходки», жестоко расправлялись с непокорными.

Указанные принципы поведения «польских воров», как трудно заметить, мало чем отличались от нововведений «отошедших воров», именно данное обстоятельство предопределило их объединение.

Из воровской среды выделилась также группа заключённых, которую называли «беспределом», «махновцами», «лохмачами» или «беспредельщиками». Они не признавали ни старый «воровской закон», ни новый — «сучий», отказывались соблюдать «правила-заповеди арестанта». В своих действиях они не руководствовались ничем, кроме злобы, не выдвигали никаких лозунгов, кроме мести и кровной вражды к «сукам» и «ворам» в равной степени. «Беспределу» было все равно, «вор» или «сука», никаких «правил» не устраивалось, физическая расправа над лицом совершалась лишь за его принадлежность к «авторитетам». Они совершали грабежи, вымогательства, разбои, насилие в отношении всех обитателей мест лишения свободы. Вековые устои «тюремной общины» были поколеблены.

Обычные заключенные — «бытовики», «военщина», «политики» в целях своей защиты от воцарившегося в ГУЛАГе произвола уголовщины, вынуждены были объединяться в группы «самооборонцев».

В разгар «сучьих войн» и уголовного террора конца 1940-х — начала 1950-х годов продолжался активный процесс социального структурирования и самоорганизации заключенных. В документах наряду с «ворами» и «суками» чаще всего упоминаются этнические (этнополитические) группы и организации, которые формировались на основе национальности или места происхождения.

Лидирующими среди них были западные украинцы (украинские националисты, западники), «чечены» («кавказцы», «мусульмане»), им незначительно уступали литовцы, отдельные группировки частично или полностью состояли из бывших «власовцев». Тенденция к сплочению и самоорганизации в ИТЛ была характерна и для

«новых политических» из числа тех, кто был осужден по статье 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация)⁴⁷¹.

Землячества образовывались самым естественным образом: прибыв в лагерь, заключенный немедленно принимался искать сородичей — эстонцев, украинцев или даже (в единичных случаях) американцев.

Уолтер Уорик, один из «американских финнов», попавших в лагерь, в своих воспоминаниях пишет о том, как объединились в его лагере финноязычные заключенные, чтобы защититься от грабежа и бандитизма уголовников: «Стало ясно, что если мы хотим хоть немного покоя, надо объединиться против них. И мы создали группу взаимопомощи. Нас было шестеро: два американских финна <...> два финских финна <...> и два финна из-под Ленинграда...»⁴⁷².

По словам Виктора Булгакова, арестованного за участие в антисталинской молодежной организации и отбывавшего наказание в Минлаге, где было несколько четко очерченных национальных группировок: «У прибалтов была тесно сплоченная организация, но без грамотной иерархии, а оуновцы, украинцы, были очень высоко организованны, у них старшие были еще с воли, они знали друг друга, у них структура возникала на месте почти автоматически»⁴⁷³.

Прибалты считали свою жизнь до 1940 года идеальной, мечтали к ней вернуться и твердо верили в возрождение независимости своих стран. Именно среди них «органы» и предпочитали «вскрывать» разного рода национально-культурные землячества, братства, «подпольные контрреволюционные организации», фабрикуя и раздувая «политические» дела.

По имеющимся в отчетах органов МГБ «сводкам настроений» видно, что отношение массы заключённых к советской системе в целом, к низовой лагерной администрации и ворами, действительно отличалось неприкрытой критичностью, а нередко — откровенной враждебностью.

Оперативные отделы, конечно же, бдительно отслеживали настроения среди этой категории заключённых, возбуждали уголовные дела в отношении тех из них, кто допускал наиболее критичные

⁴⁷¹ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁴⁷² Этлбаум Э. Указ. соч.

⁴⁷³ Там же. С. 450.

высказывания в отношении советской власти, государственного строя или руководителей партии и правительства.

Как правило, прибалты, «западные» украинцы, уроженцы Кавказа и другие мусульмане держались достаточно замкнуто и отчужденно от основной массы заключённых, устанавливая лишь необходимые или вынужденные контакты. Друг с другом разные этносы общались тоже не очень активно, замыкаясь в своем национальном кругу. Не обходилось без спонтанных и националистических проявлений, так как многие из них считали именно русских виновниками своих бед.

В официальных источниках периодически упоминается о попытках лагерных «низов», в том числе осужденных за контрреволюционные преступления, проявить своеобразную кастовую солидарность и сплотиться против вымогательств и насилия «отошедших». Например, в Ванино (Дальстрой) в октябре 1949 г.

В «сучьей войне» со временем стали выделяться «кавказцы», что повлекло ряд столкновений с русскими заключенными. В частности, в Черногорстрое (Черногорский ИТЛ) в январе 1952 г.⁴⁷⁴ и во время работ на котловане Куйбышевской ГЭС (Кунеевский ИТЛ) в марте 1952 г.

Практически все этнические группировки считали свое пребывание в неволе незаконным, несправедливым, ошибочным. Наиболее эмоциональными и беспокойными по внешним проявлениям своего недовольства и протеста были украинцы, считавшиеся наиболее влиятельной группой среди тех, кого относили к политическим заключенным. В отличие от «врагов народа» 1930-х гг. им не был свойственен комплекс вины перед «родным советским государством», они не ограничивали себя рамками лагерной «законности», имели специфические навыки существования в подполье, их не останавливало, в случае необходимости, убийство, но главное — они были способны противостоять воровским группировкам, так как в их числе было немало осужденных за политический бандитизм.

Активность украинских националистов застала лагерную администрацию врасплох. В справке руководства Песчаного ИТЛ отмечалось, что «оуновское подполье западных областей Украины устанавливает связь с семьями украинских националистов, бандитов и

⁴⁷⁴ Из докладной записки исполняющего обязанности начальника ГУЛАГ А. З. Кобулова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову о массовых беспорядках и убийстве заключённых в отделении общего режима Черногорского ИТЛ 4 января 1952 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. Д. 20. Л. 8-8.

бандпособников, выселенных в отдаленные районы Советского Союза, путем тайнописи и зашифрованной переписки, направляемой через почту, а также посылкой в места спецпоселения специальных курьеров и связников»⁴⁷⁵.

При помощи курьеров и агентуры среди спецпоселенцев-украинцев зарубежные центры ОУН и бандеровцы связывались с лагерным подпольем и даже координировали деятельность подпольных групп и организаций. Оперативный отдел Песчаного ИТЛ докладывал, что «в качестве связников оуновско-бандеровского подполья между лаготделениями и с волей служит некоторая часть работников хозорганов, общающихся с заключенными по работе (шофера, технадзор и другие), а в ряде случаев деклассированный элемент, особенно, из женщин»⁴⁷⁶.

С «западниками» в ГУЛАГ были привнесены методы подпольной борьбы, с другой стороны, они сами очень легко и органично восприняли опыт «паразитического выживания» прежних криминальных группировок. В 1952 г. в Минеральном ИТЛ, где большинство заключенных составляли именно западные украинцы, последние начали борьбу за «занятие в лагере привилегированного положения». Помимо уже давно известной тактики захвата при помощи насилия и террора всех «выгодных» производственных постов и постов лагерной obsługi националисты добавили собственный специфический опыт «контрразведывательной» борьбы, объявив войну всем секретным осведомителям, всем тем, кто мог выступить свидетелем по уголовным делам. Из-за этих действий в некоторых случаях были парализованы оперативно-чекистские аппараты. Старые агенты боялись приходить на явки, свидетели убийств отказывались от показаний, нередко просто не являясь на допросы, предпочитая дисциплинарное наказание смерти от рук националистов. «Западники», как правило, не шли на вербовку, были и такие случаи, когда «завербованные агенты, как жаловались оперативники, становились «двурушниками»»⁴⁷⁷ и сами убивали агентов МВД и МГБ. В качестве боевиков выступали осужденные на 20-25 лет оуновцы, не боявшиеся получать дополнительные сроки наказания.

⁴⁷⁵ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Там же.

Украинским националистам удалось достаточно быстро пройти период адаптации и статусного самоутверждения в лагерях, освоить механизм «паразитического выживания», что позволило им вернуться к формулированию политических целей, они стали заниматься пропагандой и обучением новой смены. В 1951 г. в Дубравлаге ветеранами подполья составлялись антисоветские рукописные листовки и прокламации с «героическими» эпизодами из истории Украины. Они даже предпринимали попытки проводить агитацию среди украинцев — бойцов вооруженной охраны лагерей.

Отношения украинских националистов с остальными национальными группировками складывались по-разному. Совершенно очевидно, что ждать покорности и рабского повиновения от такого контингента лагерной администрации не приходилось.

Так, в 1952 г. группировка западных украинцев, начавшая борьбу за ресурсы и власть в Камышлагге, натолкнулась на объединенное сопротивление «чеченов» и «сук», которые оказались в то время в меньшинстве. При этом «западники» предприняли попытку внести раскол в состав противников, пытаясь взять чеченцев «под свое влияние».

Имели место факты конфликтов западных украинцев с прибалтийскими группировками. Однако в некоторых лагерях они действовали совместно. Так, например, в 1952 г. в Дальлагге группировка литовцев «действовала по указанию» бывших бандеровцев, согласовав с ними убийство заключенного эстонца из лагерной обслуги. В 1951 г. о консолидации западных украинцев и прибалтов докладывалось в Речлагге⁴⁷⁸.

Порой попытки бескровного раздела сфер влияния и мирных договоренностей были безрезультатными, и борьба за власть приводила к конфликтам и убийствам. В октябре 1951 г. в Речлаг из Песчаного лагеря прибыли две враждующие группировки — западные украинцы, «осужденные за оуновскую деятельность и участие в бандах УПА», и «чечены», к которым присоединились заключенные азиатской и кавказской национальности, в свое время притесняемые заключенными «бандеровцами»⁴⁷⁹. Обе группировки стремились поставить своих людей на все низовые административно-хозяйственные должности в лагере. Вскоре выяснилось, что для обеих сторон

⁴⁷⁸ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулаггом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁴⁷⁹ Там же.

возможна только одна форма компромисса — конкурент должен безоговорочно уступить. В итоге конфликт перерос в кровавое столкновение. Руководителя «чеченской» группировки и его телохранителя убили. «Чечены» выполнили предсмертную волю своего вожака, «чтобы рядом с моим трупом лежало 20 трупов “бандеровцев”», совершив несколько ответных убийств.

В позициях и во всем поведении украинских националистических группировок в лагерях отчетливо прослеживались два мобилизующих фактора — ненависть к советской власти и ненависть в целом к русской национальности. Последнее приводило к тому, что «западники» «старались приносить в жертву русских» (например, в марте 1952 г. в Минеральном лагере), а образ врага объединял для них «русских, чекистов и секретное осведомление». Негативное отношение к русским при определенных условиях нередко приводило к объединению обычно враждующих друг с другом этнических групп. Так, летом 1952 г. в Песчаном лагере появилась группировка «из числа заключенных кавказских и восточных национальностей, поддерживающих тесную связь с бандеровцами, враждебно относящихся к русским»⁴⁸⁰.

Оперативниками Минерального ИТЛ отмечалось, что бывшие оуновцы, составлявшие почти 60% населения лагеря, в основном боролись с привилегированными заключенными русской и иных национальностей, которые использовались на работах в качестве лагерной администрации. В свою очередь, русские заключенные подчеркивали, что украинцы все же не убивали всех без разбора; их террор был направлен в основном против стукачей. Есть предположение, что украинскими националистами «рубилровка» велась таким способом не из каких-то представлений о справедливости, а лишь для того, чтобы отвести от себя подозрения в повальном терроре против русских.

Отношения этнических группировок заключенных в ГУЛАГе в некотором смысле напоминали отношения недружественных держав. Национализм не препятствовал при необходимости заключать обоюдовыгодные сделки. Абсолютных этнических группировок не было, а взаимные пересечения и союзы могли вполне создаваться не только на этнической, антирусской, но и на политической, антисоветской почве.

⁴⁸⁰ Там же.

Так, в особлагере № 5 «Береговой» в 1951 году была раскрыта группировка, занимавшаяся подготовкой группового вооруженного побега. Возглавлял ее русский заключенный, который был осужден на 25 лет за измену Родине, а в числе его поделщиков был член подпольной организации украинских националистов, который «готовил вооруженное восстание в случае нападения США на СССР». В Степном лагере существовала бандитская группировка, в которую входили белорусско-украинские националисты, а также заключенные из числа восточных украинцев и русских⁴⁸¹.

Таким образом, помимо «честных воров» и «отколовшихся», заметным фактором в «сучьих войнах» были этнические группировки, которые нередко не просто вмешивались в борьбу, но брали ситуацию под свой контроль. При этом, воровские идеи и законы интересовали их далеко не в первую очередь.

3.4. Роль лагерной администрации в условиях противостояния заключенных. Итог «сучьих войн»

Гулаговские инструкции охватывали практически все стороны лагерной жизнедеятельности — от способов постройки бараков до повседневного режима жизни заключенных. Таким подход в полной мере соответствовал задачам, стоящим перед ГУЛАГом.

Советское правительство в послевоенные годы уже не хотело, чтобы лагеря ГУЛАГа были лагерями смерти, какими большинство из них являлось в 1930-е и военные годы. Однако это отнюдь не означало, что руководство страны взяло курс на гуманизацию мест лишения свободы. Определяющими такого подхода были экономические факторы — надлежало восстанавливать страну после многолетней и изнурительной войны, которая подорвала экономику и унесла значительное число населения.

С этой целью директивы Москвы требовали строжайшего контроля над заключенными, который должен был осуществляться посредством регулирования условий их жизни. По идее, как уже отмечалось, лагерь должен был отнести каждого зека к той или иной категории, учитывая его приговор, профессию и трудоспособность. Лагерь должен был дать каждому заключенному работу и назначить

⁴⁸¹ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

ему норму. Лагерь должен был предоставить каждому ээку самое необходимое — еду, одежду, жилое помещение, учитывая то, как он эту норму выполняет. Все стороны лагерной жизни должны были работать на улучшение производственных показателей. Даже культурно-воспитательная часть существовала в лагерях главным образом потому, что, по мнению гугаговского начальства, она могла стимулировать труд заключенных.

Главным препятствием на пути выполнения и перевыполнения плана встали многочисленные и повседневные случаи лагерного бандитизма и широкое распространение массовых волнений и бунтов заключенных. Массовые беспорядки в лагерях, кровавые столкновения заключенных между собой и с администрацией лагерей, имели разные причины и характер, но одинаковые последствия для гугаговской системы. Волнения, бунты и беспорядки, в которых участвовали все категории заключенных, а не только закоренелые преступники, фактически ставили под вопрос целесообразности сохранения ГУЛАГа в его первоначальном варианте. Бунты, охватывающие даже такие приоритетные объекты, как «коммунистические» строительства Куйбышевской и Сталинградской ГЭС в густонаселенных центральных районах страны, были тревожным сигналом для режима. ГУЛАГ становился реальным источником политической нестабильности и волнений, поразивших пенитенциарную систему СССР из лагерей, которые вполне могли перекинуться за пределы колючей проволоки на все общество.

О том, что ГУИТУ СССР было в курсе того, что происходит в исправительно-трудовых лагерях и в системе в целом, нет никаких сомнений. Огромное количество всевозможных чинов из столицы регулярно планомерно и внепланово посещали пенитенциарные учреждения и могли объективно оценивать обстановку на местах, кроме того практиковались постоянные донесения в центр о происходящем в тюрьмах, лагерях и колониях.

Уже в конце войны ГУЛАГ почувствовал первые признаки того, что выведенная для «лёгкости управления» и контроля над заключёнными порода «придурков» выходит из под контроля, превращается во «вторую власть» в лагерях и начинает создавать гораздо больше проблем, чем способно решать.

Так, в Директивном указании Оперативного отдела ГУЛАГа от 30 марта 1945 г. начальникам оперативно-чеккистских отделов и отделений лагерей и колоний говорилось о раскрытии «двух бандитских групп» в Усольяге, состоявших из заключённых, осужденных

за контрреволюционные и уголовные преступления и работавших на административно-хозяйственных должностях. Используя своё служебное положение и пользуясь отсутствием контроля со стороны вольнонаёмного состава, участники групп терроризировали лагерное население и проводили активную подрывную деятельность.

Оценивая криминальное поведение своих бывших адептов и сторонников ГУЛАГ не поспешил на обвинения. В документе говорилось о том, что «участники бандитских групп по обоюдной договорённости умышленно доводили до истощения заключённых, перевыполнявших производственные нормы, водворяли без всяких оснований лучших рекордистов в ШИЗО, использовали заключённых 3-й категории на тяжёлых работах, выводили на работу больных, занимались систематической припиской реально незаготовленной древесины, избивали неугодных им заключённых резиновыми дубинками и палками, не выдавали положенной им нормы продуктов, искусственно создавали промотчиков и отказчиков и ежедневно оставляли 5-10 здоровых женщин, с которыми сожительствовали».

В документе фактически были названы и причины, по которым приемлемое в прошлом поведение «придурков» вдруг было объявлено преступным — «усиление массового недовольства среди заключённых» и сплочение групп, не только готовых дать отпор «второй власти» и побороться с ней за право паразитировать на лагерном населении, но и уже приступивших к «нападениям на бригадиров, мастеров и десятников со смертельными исходами»⁴⁸². Всё это вместе взятое было чревато хаосом и потерей управления над лагерями.

В марте 1954 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Якутской АССР рассмотрела уголовное дело в отношении 12-ти человек, обвиняемых по ст. 59-3 УК РСФСР. Суд вынес частное определение, которое гласило, что заключенные несомненно виновны, но при этом администрация НТК № 1 УИТЛК МВД ЯАССР и управление ИТЛК ЯАССР допустили серьезные ошибки. Оказывается, было заранее известно, что в отдельном бараке № 11 находились заключенные, содержание которых в общей зоне представлялось невозможным. Но из-за слабого контроля жизни этих заключенных постоянно угрожала опасность, и администрация лагеря вынуждена была в ночное время запираить их в бараке.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. Р-9214. Оп. 8. Д. 5. Л. 92-9.

Несмотря на то, что обитатели барака № 11 неоднократно требовали отправления их в другой лагерь или изоляции их от враждебной группы, положение не улучшилось. Это спровоцировало вооружение заключенных. Администрация лагеря, режимный и оперативный отделы, заведомо зная об этом, никаких мер по изъятию оружия у заключенных не предприняли. Об этом свидетельствуют конфискованные у заключенных железные скобы, какие использовались при строительстве зоны, и бруски для их заточки. Еще одним серьезным упущением в работе администрации ИТК № 1 явилось занятие заключенных браговарением. Напившись браги, заключенные подняли эту бучу. По показаниям заключенных, за два месяца они четырежды варили и пили брагу. В заключение суд решил довести обо всем этом до сведения МВД Якутской АССР.

В зоне тоже говорили, что шум подняли пьяные «суки». Кто это были, можно увидеть из частного определения суда, характеризующего одного из них: 2 марта 1954 г. оперуполномоченный Лиспа попытался снять с одного из обвиняемых А. А. Птичникова отобранное у другого пальто и вернуть владельцу, но Птичников не подчинился. В итоге решили надеть на него смирительную рубашку. При этом Птичников порезал бритвой лицо надзирателю Касьянову. «Рубашка на него была надета и затянута. Как поясняет подсудимый Птичников, с приходом заместителя начальника тюрьмы Зуева его уже беспощадно стали избивать еще сильнее и били до тех пор, пока он не потерял сознание»⁴⁸³.

При всех обвинениях в адрес «контрреволюционной» части лагерного населения практические работники не могли не понимать, что в то время главная угроза для порядка управления исходила все-таки не от «контрреволюционеров» и даже не от их новых пополнений с Украины и из Прибалтики, еще переживавших свой «организационный период», а от особо опасных уголовных преступников.

В августе 1947 г. в Докладной записке на имя заместителя начальника ГУЛАГа Б.П. Трофимова начальник 6-го отдела 1-го управления ГУЛАГа Александров проанализировал оперативную обстановку в лагерях и колониях. По его оценке, доля особо опасного элемента составляла 40% от общей численности заключенных — 690495 человек, из которых 567000 осужденных за контрреволюционные преступления и 93000 осужденных за бандитизм, убийства и разбой

⁴⁸³ Далан. Жизнь и судьба моя: Роман-эссе. Якутск : Бичик, 2003.

и т. п. При этом чиновник констатировал, что «контрреволюционеры» никакой опасности для режима не представляли, ибо основная угроза исходила именно от уголовников, поскольку «своим поведением и своими действиями они буквально терроризируют остальных заключенных, занимаются избиением, грабежами, азартными играми на продукты и вещи других заключенных, спекулируют этими вещами и совершают издевательские действия по отношению к женщинам и честно отбывающим срок наказания заключенным»⁴⁸⁴.

Администрация ГУЛАГа чувствовала, что теряет управление над вверенной ей системой. Активность особо опасных уголовников, несмотря на то, что их доля была невелика, поделивших (не без участия лагерной администрации) лагеря и колонии на вотчины, грозит не только режиму содержания и порядку в лагерных подразделениях, но и святая святых — «трудовому использованию контингентов». Именно тогда в прагматичном среднем звене гулаговского аппарата появилась идея радикального решения проблемы — организовать «специальные лагеря для содержания осужденных за бандитизм, убийство, вооруженный разбой и побег». Как показали дальнейшие события, высшее руководство страны предпочло разумному и прагматичному полицейскому решению проблемы — решение политическое и, как выяснилось, опасное для самой власти.

Организованная борьба самых разных группировок за власть, ресурсы и контроль над зоной (по определению А. Солженицына, это и была сучья война» в ИТЛ и особлаговская «рубилровка» — уничтожение «стукачей» и неудобных «придурков» из числа заключенных) воспринималась лагерной администрацией главным образом как рост бандпроявлений. Как отмечал А. Солженицына, режим сознательно и лицемерно смешивал в одну кучу «лагерный бандитизм», войну с «суками» и «рубилровку». В какой то степени автор прав, если рассматривать специфическую направленность «рубилровки» против «стукачей» и как способ контроля над лагерным социумом.

Но для гулаговских начальников все это было однопорядковыми явлениями, мешавшими управлять заключенными, а главное — выполнять производственные планы. Так, лагерное начальство не делало разницы между «рубилровкой», направленной против «стукачей», и «сучьей войной», то есть кровавыми столкновениями группировок в борьбе за ресурсы, контроль над зоной и хлебные долж-

⁴⁸⁴ Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985 гг.; Бердинских В., Веремьев В. Указ. соч.

ности в лагерной службе. В значительной мере эти столкновения были вызваны специфическим составом особых лагерей, в которые, вопреки первоначальным планам, направлялись не только «политики», в том числе осужденные за политический бандитизм, но и особо опасные уголовные преступники.

В результате амнистии 1945 года, из которой целенаправленно исключались политические заключенные, произошло существенное увеличение доли политических в лагерях. По данным на 1 июля 1946 г. более 35% заключенных в системе в целом являлись осужденными за «контрреволюционные преступления». В ряде лагерей данный процент был еще выше, политические составляли более половины лагерного контингента. За период 1953-1955 годы произошли значительные изменения в составе заключенных по характеру совершенных преступлений: увеличился удельный вес численности заключенных, осужденных за бандитизм, разбой, вооруженные ограбления, убийства, хулиганства и изнасилования. Число осужденных за контрреволюционные преступления в 1953 году увеличилось с 21,9% до 34,8%, однако за 1954-1955 годы уменьшилось почти в 2,5 раза. В итоге на 1 января 1956 г. в исправительно-трудовых лагерях и лагерных подразделениях УИТЛК-ОИТК содержалось 113735 заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления⁴⁸⁵.

Изменился не только состав, но и качество политического контингента в лагерях. Это были политзаключенные нового поколения, люди с иным жизненным опытом: не интеллигенты 1930-х годов, а бывшие бойцы и офицеры РККА, в том числе и те, кто прошел фронт, немецкие концлагеря, опыт участия в партизанских отрядах. Практически сразу эти новые политзаключенные стали создавать проблемы для лагерного начальства. Блатным уже не удавалось подчинять их себе. Среди многообразных криминальных и этнических группировок, боровшихся за доминирование в лагерях, образовалась новая — «красные шапочки» (вопреки мнению некоторых авторов, это были не «ссучившиеся» воры, а именно бывшие военные). В основном к ним относились бывшие солдаты и партизаны, объединявшиеся для борьбы с беспределом блатных, а заодно и с начальством, которое смотрело на эти бесчинства сквозь пальцы. Более того, как уже говорилось выше, начальство само нередко поощряло

⁴⁸⁵ Справка ГУЛАГа о наличии, движении и составе заключенных ИТЛ и ИТК МВД СССР за период 1953-1955 гг. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов. (Документ № 102).

действия «ссучившихся», поскольку рассчитывало, что они помогут поддерживать порядок в лагерях и приструнят как «воров», так и политических.

В 1950-х администрация лагерей пыталась ликвидировать группировки политических, в том числе пользуясь «услугами» уголовников. Так, зимой между 1954 и 1955 годами в шахтерском лагере в Ипте начальство попыталось ликвидировать хорошо слаженную организацию политических с помощью шестидесяти уголовников, которые были специально для этого заселены в зону. Обжившись, уголовники «начали шkodить по зоне». Один из очевидцев так описывал события: «У них появилось холодное оружие, все как полагается в таких случаях. <...> У одного старика украли деньги и вещи, мы сказали, чтобы отдали по-хорошему, но у них не было привычки отдавать, поэтому где-то часа в два, только что развод прошел, подошли к этому бараку с разных сторон, вошли в барак, встали вокруг. Начали бить, избивали до лежачего состояния, один выскочил в окно, с рамой на голове, она маленькая, добежал до вахты, там упал на пороге. Пока охрана прибежала, никого уже не было. <...> Блатных из зоны забрали»⁴⁸⁶.

Нечто подобное происходило по свидетельствам очевидцев и в Норильске: «...в лагпункт, заключенные которого состояли сплошь из 58-й статьи, пришла партия воров и стала устанавливать свои порядки. “Военщина”, бывшие солдаты и офицеры Красной Армии, не имея никакого оружия, разорвали бандюг на куски. С дикими воплями остальные бандюги бросились к вахте и к охранным вышкам, умоляя о помощи»⁴⁸⁷.

Конечно, уголовники не всегда были проигравшей стороной. В Вятлаге воры-рецидивисты убили девять заключенных. До этого они потребовали от каждого по 25 рублей и всех, кто отказывался платить, убивали⁴⁸⁸.

Для власти был повод задуматься. Если политические могут объединяться против бандитов, то они могут объединиться и против лагерного начальства. В 1948 г. с целью предупреждения беспорядков, руководство ГУЛАГа распорядилось о переводе политзаключенных, «представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности», в специальные «особые лагеря»,

⁴⁸⁶ Куц В. Поединок с судьбой. М., 1999. С. 165.

⁴⁸⁷ Эттлбаум Э. Указ. соч..

⁴⁸⁸ Там же.

предназначавшиеся исключительно для «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участия ков других антисоветских организаций и групп».

Особые лагеря создавались исключительно в наиболее суровых районах страны — в Ипте, Воркуте, Норильске, на Колыме, в степях Казахстана, в глухих лесах Мордовии и по своему режиму напоминали каторгу.

Однако выделение «представляющих опасность» политических из общей массы не сделало их более покладистыми. Напротив, в особых лагерях они были избавлены от постоянных конфликтов с уголовниками, а оставшись наедине с администрацией, они усилили сопротивление⁴⁸⁹.

Перевод многих политических в особые лагеря повлиял и на политику администрации в отношении уголовников, тем более, что центральное руководство настойчиво требовало выполнение плана.

Двуединой задачей ГУЛАГа было обеспечить охрану и режим содержания заключенных, а также выполнить большой комплекс производственных заданий. Как говорил министр внутренних дел С. Н. Круглов: «Советские лагеря должны быть образцовыми: с одной стороны, это должна быть тюрьма, с другой стороны, заключенные должны перевоспитываться в процессе труда»⁴⁹⁰. Поэтому в зависимости от спускавшихся сверху установок на первый план в работе ГУЛАГа выходили то задачи укрепления режима, то хозяйственные вопросы.

Начальство ГУЛАГа изменило отношение к матерым уголовникам, безделье, развращенность и угрожающее поведение которых отрицательно влияли на производительность лагерного труда. Ранее, когда уголовники помогали лагерному начальству «держат» политических, эти «услуги» компенсировали все неудобства, приносимые блатными. Теперь же, когда они уже не контролировали политических, эти «неприятности» уже не компенсировались никакими плюсами. Несмотря на то, что уголовники никогда не вызывали к себе такого враждебного отношения, как политические, и отношение к ним со стороны лагерной охраны было более или менее снисходительным.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ ЦА ОПИМ. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 1136. Л. 178.

Послевоенное руководство ГУЛАГа, решив положить конец всевластию блатных в лагерях и навсегда ликвидировать прослойку «воров в законе», которые отказываются работать, попустительствуя и даже отчасти поддерживая «сучьи войны», довело до того, что последние приняла столь отвратительные формы, что в конце концов переполнила чашу терпения даже администрации.

В 1954 году МВД СССР распорядилось «в целях изоляции участников враждующих лагерных групп друг от друга <...> определить конкретные лагеря для раздельного содержания рецидивистов каждой из окрасок»⁴⁹¹. Это был единственный способ прекратить кровопролитие. Символично, что «сучья война» развилась из-за желания властей установить контроль над уголовниками, а стала пресекаться из-за того, что власти утратили контроль над ней⁴⁹².

ГУЛАГ начал собственную войну с «ворами», которая велась одновременно в двух формах — открытой и завуалированной. В первую очередь, наиболее опасных матерых уголовников просто отделили от остальных заключенных, дав им более длительные сроки — до 25 лет. Помимо этого, в конце 1948 г. министром внутренних дел был отдан приказ об организации специальных лагерных подразделений строгого режима для бандитов и рецидивистов, согласно которому такие подразделения должен был охранять наиболее подготовленный, дисциплинированный и физически здоровый личный состав. К приказу прилагалась подробная инструкция организации и режима содержания данного контингента. ГУЛАГ потребовал незамедлительного создания таких подразделений в 27 лагерях, общая вместимость которых должна была составить свыше 115000 человек.

Но руководству ГУЛАГа не удалось создать непреодолимый барьер между ИТЛ и особыми лагерями, у них нередко были не только общие объекты работы, но и общее начальство (например, Норильский ИТЛ и Горный особый лагерь), и поэтому проблемы также оставались общими⁴⁹³.

Как отмечают исследователи «сучьей войны», уже в 1948 году в результате резни «воров» и «сук» показатели смертности подскочила вверх. «Суки» и «воры», попадая на одну «командировку», сходу хватались за «пики» и дрыны и бросались друг на друга. Кровь лилась рекой. Под горячую руку попадали все без разбора, в

⁴⁹¹ Эттлбаум Э. Указ. соч.

⁴⁹² Там же.

⁴⁹³ Сидоров А. А. Указ. соч.

том числе арестанты, не имевшие отношения ни к «ворам», ни к «сукам». Человеческая жизнь вообще перестала что-либо стоить⁴⁹⁴.

Один из лагерных заключенных вспоминал: «До сих пор помню состояние бессилия, которое испытывал, когда вечером после работы лагерную тишину вдруг разрывал истошный крик и очередная жертва беспредела валилась на землю с распоротым животом. Расправы в лагере в те времена были делом обычным и с каждым годом приобретали всё более внушительные размеры»⁴⁹⁵.

Об этом пишет и Варлам Шаламов: «Поднаторев в кровавых расправах (а смертной казни не было в те времена для лагерных убийц) — и “суки”, и блатные стали применять ножи по любому поводу, вовсе не имеющему отношения к “сучьей” войне. Показалось, что повар налил супу мало или жидко — повару в бок запускается кинжал, и повар отдаёт богу душу. Врач не освободил от работы — и врачу на шею заматывают полотенце и душат его»⁴⁹⁶.

По мере прибытия новых этапов «блатных» война вспыхивала со все большей и особой жестокостью. Лагерное начальство хваталось за голову, о применявшейся ранее практике невмешательства уже не могло быть и речи. Было объявлено, что привлечение «отошедших» к управлению лагерями явилось шагом «ошибочным и вредным для дела исправительно-трудового перевоспитания преступников». Предпринятые ранее попытки использования «сук» для установления дисциплины и увеличения производительности труда заключенных лагерное начальство признало в корне ошибочным.

Начальство лагерей обвинялось в попустительстве, в том, что искусственно создавало «внешнее благополучие», поскольку «отсутствие жалоб и заявлений является результатом терроризирования заключенных со стороны уголовно-преступных рецидивистов». Паразитизм и разгул беспредела «сук» в лагерях признавался одной из главных причин «ослабления физического состояния заключенных». Здесь стоит сделать оговорку, что, конечно, не здоровье заключенных беспокоило начальство, а производственные функции. Именно на них ослабление физического состояния» заключенных влияло самым негативным образом. «Прозрение» было оформлено в виде строгой рекомендации лагерным оперативникам, чтобы они не относились к «отошедшим» «с большим доверием, чем к другим заклю-

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Жиганец Ф. Указ. соч.

⁴⁹⁶ Шаламов В. «Сучья война». Очерки преступного мира.

ченным»⁴⁹⁷. Использование «сук» в качестве низовой лагерной администрации теперь формально запрещалось⁴⁹⁸.

Однако запоздалый диагноз и консервативное «лечение» уже не могли спасти ситуацию. В ИТЛ и ИТК шла масштабная, невиданная ранее борьба за власть над зоной, которая принимала все более массовый и кровавый характер. Криминальные сообщества, которые возникли в ГУЛАГе не просто при попустительстве, а при активном участии лагерного начальства, соблазненного перспективой избавления от множества обременительных, а порой и опасных обязанностей, а затем вышедшие из-под контроля, получили реальную власть, они умело пользовались механизмами круговой поруки, основанными на терроре. С помощью угроз и насилия они заставляли остальных заключенных совершать убийства или брать ответственность за них на себя, сами же оставались в тени.

Разумеется, одним лишь объявлением «сук» *«persona non grata»* невозможно было решить эту проблему ГУЛАГа. Лишив одну из воровских группировок режима наибольшего благоприятствования, власти создали ситуацию, когда преимущество получила другая. Теперь «законники» смогли поднять голову, вступив с новыми силами в жестокую и кровавую борьбу с «отошедшими» за то, чтобы вернуть себе власть в зоне. В этой борьбе они иногда пользовались поддержкой «положительного контингента», которому обещали избавление от «сучьего» террора, на самом же деле создавалась лишь новая форма лагерной «дедовщины».

Характеризуя в сентябре 1952 г. порочный круг организованной лагерной преступности, один из начальников ГУЛАГа отмечал: «Уголовники-рецидивисты в целях захвата главенствующей роли в подразделении организуются в группы и ведут борьбу между собой за захват низовых административно-производственных должностей. Лагерная администрация в целях прекращения этой борьбы выводит из подразделения одну группу, а вторую оставляет без соответствующего надзора, участники которой без особого труда захватывают власть в подразделении и творят свои преступные дела»⁴⁹⁹.

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп.8. Д. 14. Л. 311-313. Подлинник.

⁴⁹⁸ Сидоров А. А. Указ. соч.

⁴⁹⁹ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

У организованных преступных группировок была собственная система связи между лагерными подразделениями и колоннами, они имели возможность предварительно обсуждать планы совместных действий, намечали кандидатуры жертв. Принадлежность к той или иной группе обеспечивала поддержку в зоне. Взамен от заключенного требовалось только одно — соблюдать абсолютную дисциплину и полностью подчиняться старшему в иерархии. Уголовные группировки держали в страхе не только «работающий контингент», их побаивались даже оперативники. Кроме открытого террора в отношении некоторых представителей лагерной администрации, в качестве инструмента воздействия уголовных сообществ на лагерную администрацию использовалась организация бунтов, «волынок», массовых акций неповиновений и отказов от работы. «Законники» всячески стремились доказать, что только при их содействии администрации удастся обеспечить порядок в зоне. В некоторых случаях спровоцированные уголовными авторитетами «волынки» и беспорядки приобретали своеобразную форму борьбы за феодальный порядок в лагерях, ультимативным требованием к «сюзерену» (администрации) наделить каждую группировку собственным «доменом».

В начале 1951 г. руководством ГУЛАГа был зафиксирован резкий рост количества случаев организованного сопротивления лагерной администрации (Каргопольлаг, Ивдельлаг, Краслаг, Сахалинлаг и др.), сопровождавшегося убийствами или покушениями на лагерных работников, избиениями надзирателей. Одновременно фиксировались случаи разложения целых лагерей, которые находились в своеобразной «оккупации» криминальных группировок. Так, в одном из ИТЛ администрация совсем утратила контроль над ситуацией и даже не пыталась исполнять приказы, распоряжения и директивы МВД по режиму. Бандиты в лагере за это время уничтожили около тридцати заключенных, многие получили тяжелые травмы и увечья.

Расконвоированные заключенные занимались грабежами окружающего населения, разбоями и хулиганствами. «В зонах “уголовно-бандитствующий элемент” грабит, отбирает, запугивает, терроризирует, не дает возможности заключенным честным трудом искупить свою вину»⁵⁰⁰. Лагерная администрация зачастую просто боялась заходить в зону.

⁵⁰⁰ Там же.

Такой сбой в управлении лагерями в начале 1951 года руководство ГУЛАГа объясняло неудачной реорганизацией управления и притоком в лагеря особо опасных преступников, которые активно сопротивлялись лагерной администрации. Но главной причиной было все-таки то, что, объявив отказ от сотрудничества с «отошедшими», ГУЛАГ так и не смог найти альтернативы лагерной дедовщине в качестве инструмента управления лагерями.

Одних авторитетов в зоне сменяли другие, однако, методы управления оставались неизменными. В свою очередь, требования руководства МВД очистить низовые лагерные должности (нарядчиков, бригадиров и пр.) от матерых бандитов, неоднократно судимых за убийства и грабежи, натолкнулись на тихий саботаж со стороны администрации лагерей. Без уголовного авторитета бригадирам и нарядчикам на зоне делать было нечего, разве что исполнять указания криминальной элиты, но не лагерного начальства⁵⁰¹.

При этом вдохновители и организаторы бандитских проявлений в зоне легко уходили от ответственности. В то время как администрация лагерей активно проводила «массовые изъятия» рядовых исполнителей, зачинщики беспорядков и руководители группировок оставались в лагерях, продолжая вновь группировать вокруг себя наиболее отрицательный элемент. В условиях переполненных тюрем и специальных лагерных подразделений бандитизм и убийства прекратить было практически невозможно. Более того, бандитский террор явно достиг поставленных перед собой целей. Бандитам не только периодически удавалось заполучить почти полный контроль над лагерным населением, но и породить «неорганизованность, растерянность и даже трусость со стороны руководителей и офицерского состава в подавлении разного рода бандитских выступлений и стремление их к вывозу в другие лагеря заключенных, осужденных за бандитизм, грабеж и разбой»⁵⁰².

Казалось бы, из сложившегося положения был один простой выход — разделить заключенных по видам режима в зависимости от тяжести совершенного преступления, рецидива, принадлежности к преступным группировкам, изолировать «положительный контингент» и молодежь от рецидивистов. Но за несколько лет попытки

⁵⁰¹ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁵⁰² Там же.

сделать эти простейшие и очевидные шаги по наведению порядка в ИТЛ и ИТК имели ограниченный успех, поскольку каждый раз упирались в категорический императив *производственной необходимости*. Производственными управлениями МВД, ответственными за трудоустройство заключенных и выполнение производственных планов без всякого зазрения совести нарушались инструкции о порядке содержания заключенных, при этом они не слишком охотно отвлекали силы и средства на строительство подразделений строгого режима и штрафных изоляторов.

Катастрофическая вспышка лагерной преступности начала 1951 года все же значительными усилиями была локализована. В сорок восемь наиболее неблагополучных ИТЛ были направлены специальные комиссии. За короткий срок было построено 194 штрафных изолятора, организовано 37 штрафных лагерных пунктов, 191 лагерный пункт усиленного режима и 259 специальных женских подразделений. 12 тыс. злостных нарушителей режима были переведены в тюрьмы, а 25 тыс. — в спецлагподразделения строгого режима⁵⁰³.

Руководство ГУЛАГа делало все, чтобы изолировать «сук» и «воров» друг от друга. Поначалу в пределах одного лагеря стали создавать отдельные «воровские» и «сучьи» зоны, однако, это не дало результата. Тогда решили закреплять за «ссученными» и «честняками» отдельные прииски. Но всё равно нередко обе враждующие группировки создавали «летучие отряды», совершавшие наскоки на места обитания и работы противника. В конце концов за «ворами» и «суками» начали закреплять целые приисковые управления, которые объединяли в себе несколько приисков. Так, всё Западное управление с больницами, тюрьмами, лагерями досталось «сукам», Северное — «ворам». Опыт золотодобывающих приисков Колымы распространился и на лагеря Центральной России, Урала, иных территорий⁵⁰⁴.

Основная масса заключенных, которые были осуждены за контрреволюционные преступления, но не попали в особые лагеря, оказалась в «специальных изолированных друг от друга подразделениях усиленного режима». Туда же была оправлена половина представителей «бандитствующего элемента» — 70 тыс. человек. Однако и в конце 1951 года 135 тыс. «политических» и 91 тыс. уголовников содержались вместе с остальными заключенными.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Сидоров А. А. Указ. соч.

Это значило, что угроза повторения кризиса сохранялась. Как обычно, средств на устройство специальных лагерных подразделений не было, а производственные главки МВД как и прежде занимались строительством или реорганизацией зон усиленного режима без какого-либо энтузиазма и в последнюю очередь.

Волевой импульс высшей гулаговской бюрократии оказался непродолжительным. Противоречие, которое существовало изначально между пенитенциарной и производственной функциями систем принудительного труда постоянно воспроизводили проблему лагерной преступности и лагерного бандитизма. В ретроспективном анализе ГУИТК МВД СССР от августа 1958 г. подчеркивалось, что в рассматриваемый период практически во всех ИТЛ существовали подразделения, в которых «орудовали преступные группировки и банды. Столкновения этих банд приводили к многочисленным человеческим жертвам». Фактов массовых неповиновений и беспорядков, которые происходили «на почве вражды между уголовными воровскими группировками... было много, и их характер в то время отличался особой дерзостью»⁵⁰⁵.

И даже в условиях общего улучшения оперативной обстановки в 1952 году в лагерях лесной, горно-металлургической промышленности, железнодорожного строительства и Дальстроя, где была высокая концентрация особо опасных контингентов и где из производственных соображений постоянно «перемешивались» различные категории заключенных, ситуация так и оставалась неблагоприятной «по допуску количества бандитских проявлений». Отраслевые управления объясняли основные причины производственных потерь враждой группировок заключенных. Начальники лагерей постоянно жаловались, что к ним «в последнее время поступает в основном окончательно испортившийся и неисправимый уголовный контингент» и высказывали опасения, что «дальше будут поступать такие же»⁵⁰⁶.

Ни ГУЛАГу, ни МВД не удавалось взять под контроль уголовную преступность в стране, а также сложившийся в системе принудительного труда образ жизни нескольких миллионов людей. Управленцы пенитенциарных учреждений оказались неспособны пресечь массовые беспорядки, погромы, поджоги в зоне. Положение в

⁵⁰⁵ Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.). Статья 2.

⁵⁰⁶ Там же.

исправительно-трудовых лагерях становилось критическим. Сложная обстановка требовала особых мер.

27 июня 1953 г. заключенные Горлага обратились к Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР и ЦК КПСС с письмом⁵⁰⁷, которое фактически стало констатацией сталинского политического и юридического произвола, применения репрессий как универсального ключа к решению не только политических, но также экономических и даже социальных проблем. «Прошлое доказывает, — простодушно писали авторы обращения, — что чем сложнее проблемы приходилось решать Советскому государству, тем больше было репрессированных». Заключенные как будто бы находили оправдание жестокости системы, соглашаясь с тем, что «великое созидание требовало строгой государственной дисциплины, следовательно, и жертв: «Для содержания репрессированных государством была создана система исправительно-трудовых лагерей, ибо экономика страны не могла вынести бездействия многих миллионов, в рабочей силе которых ощущалась острая потребность». «Результат налицо, — писали заключенные Горлага, на себе прочувствовавшие сталинские методы строительства коммунизма, — города и рабочие поселки, рудники и шахты, каналы и дороги, фабрики и заводы, сталь и уголь, нефть и золото — все величайшие сооружения эпохи социализма — результат не поддающегося описанию титанического созидания к человеку, в том числе лагнаселению». «Соответственно, — добавляли авторы письма, — усиливался лагерный режим, и условия жизни в лагерях становились все тяжелее: лагерное население влачило свое жалкое существование в совершенно невыносимых условиях, работало по 12-14 часов в сутки». «При этом у отдельных заключенных, — как осторожно отмечали составители документа, — крепко засела мысль о том, что их здоровье и жизнь нужны постольку, поскольку нужна их рабочая сила».

Пытаясь объяснить причины своего протеста, авторы документа ссылались на беспросветность и бесперспективность такого существования: нереальные сроки наказания и их логический конец — болезнь, инвалидность и смерть в неволе, в лучшем случае — высылка после отбытия срока. Поэтому подавляющее большинство тянет свою лямку «с ропотом, в ошибочной надежде на какие-либо миро-

⁵⁰⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. М. : РОССПЭН, 2005. С. 322.

вые события». Заключенные, писавшие обращение к высшей власти, понимали, что ГУЛАГ при Сталине стал настолько большим и настолько перегруженным «созидательными» функциями, что им давно уже невозможно управлять как обычной тюрьмой: «мы поняли, что мы являемся значительной частью производительных сил нашей социально-экономической формации, а отсюда имеем право предъявить свои справедливые требования, удовлетворение которых в настоящий момент является исторической необходимостью».

В свое время, считали заключенные, практика управления огромной сферой принудительного труда привела «de facto» к созданию извращенных форм лагерного «самоуправления» — использованию в качестве проводников начальственных распоряжений и социальной опоры «обслуги», в большинстве своем состоявшей из стукачей и «сук». Оказывая помощь лагерной администрации в деле соблюдения режима, эта группа заключенных «с целью выслуживания перед начальством превращалась в банду насильников и убийц. Эти «блюстители порядка» не останавливались ни перед какими преступлениями (избиения, изнасилования, убийства). При этом применялись самые разнообразные методы.

Так, в Чаунском и Чаун-Чукотском ИТЛ Дальстроя на Колыме в 1951 году по инициативе заместителя начальника лагеря подполковника Варшавчика в лагерном отделении посёлка Красноармейский была создана, так называемая, «Бригада № 21», которая состояла из больных сифилисом представителей лагерной группировки «сук». В тех случаях, когда при «трюмлении» заключенные из группировки «воров» не переходили на сторону «сук», их отправляли в бригаду 21, где их насиловали, заражая сифилисом⁵⁰⁸.

Ответом были вражда и ненависть остальных заключенных, в конце концов, вылившаяся в террор против «стукачей» в особлагах и в «сучью войну» в обычных ИТЛ. Почувствовав недостаточность или ослабление рычагов воздействия на лагерное население, лагерная администрация попыталась опереться «на отдельные группировки, беря в основу национальный признак, разжигая национальную вражду и ненависть. Были случаи, когда отдельные представители оперечкистского аппарата вручали холодное оружие доверенным лицам для расправы и терроризации неуголовного элемента».

⁵⁰⁸ Из Справки заместителя прокурора Магаданской области Г. М. Сажина секретарю Магаданского областного комитета КПСС Т. В. Тимофееву // Альманах «Воля». 2008. № 10. С. 19–29.

Обращение заключенных Горлага к высшим властям было пропитано надеждой на то, что «верхи» наконец узнают правду о положении в лагерях, попытками истолковать в свою пользу исходившие сверху политические сигналы (амнистия, выступления советского руководства в печати о социалистической законности), тоской по разрушенным при Сталине патерналистским отношениям между народом и властью: «Мы хотим, чтобы с нами говорили не языком пулеметов, а языком отца и сына». К этой патриархальной риторике заключенные добавляли вполне современные аргументы о том, что ГУЛАГ изжил себя, стал пережитком прошлого. Они требовали «пересмотра всех без исключения дел с новой гуманной точки зрения», «признания незаконными всех решений Особого совещания как неконституционного органа».

Власти задумались. Если заключённые научились объединяться против «сук», они могут начать объединяться и против лагерного начальства.

Наконец поняв, что «сучья» война уже приняла такие формы, что может привести к бунтам и открытому неповиновению в 1954 г. МВД СССР распорядилось «в целях изоляции участников враждующих лагерных групп отделить друг от друга <...> определить конкретные лагеря для раздельного содержания рецидивистов каждой из окрасок».

В 1955 году государство приняло радикальные меры. Это был единственный способ пресечь кровопролитие. Враждующие кланы разошлись по отдельным спецлагерям. Начальникам спецлагерей строго запрещалось переводить воров из ИТК в ИТК.

Через год МВД СССР образовало экспериментальный лагерь, где содержались лишь «воры в законе». Это был «ход конем» — воры начали «грызть друг друга». Спецзона даже не пыталась заставить вора работать — вор скорее взял бы в руки «заточку», чем кайло или лопату.

Эксперимент заключался в другом. МВД СССР по официальному заказу ЦК КПСС и Совета Министров СССР попыталось перековать рецидивистов, заставить их письменно отречься от закона. Другими словами, добровольно снять с себя воровской венец — «корону».

К концу 1950-х годов в СССР от прежнего воровского клана осталось лишь 3%. После этого карательная машина успокоилась и торжественно объявила о полной победе над ворами в законе. Исправительно-трудовая система и милиция стали жить по принципу:

воров в законе как бы не существовало, заключёнными правилами как бы начальники отрядов, воровская элита превратилась в как бы обычную преступную группу. Тем не менее, власть в зоне по-прежнему реально принадлежала ворами в законе.

Так, например, одним из воровских лидеров того периода был московский законник Иван Львов, отбывавший наказание в лагере у бухты Ванино. Он слыл интеллигентом: не пил, не курил, читал Достоевского и Чехова, был эрудирован, умел говорить, обладал сильным характером и волей. В целом среди воров выделялся своей индивидуальностью и умом. В конце 1949 — начале 1950 г. находился на пересылке Ванино. В августе 1950 г. был отправлен этапом на Колыму, в сентябре прибыл в СИЗО-1 Магадана. Отбывал наказание на прииске «Широкий» Заплага. Спустя несколько лет он был убит в У-235 Краслага.

Во второй половине 1950-х гг. начала проводиться комплексная работа по нейтрализации негативного влияния «авторитетов» уголовной среды на остальных заключенных. В результате принятых мер преступность среди осужденных в отдельных ИТЛ за 1956-1958 гг. сократилась более чем на 40%, побеги — на 43%, а число массовых беспорядков и разбоев в 3 раза⁵⁰⁹.

Однако нельзя не согласиться с тем, что криминальную субкультуру очень сложно уничтожить или запретить, поскольку взгляды, привычки, образ мышления, унаследованные за долгие годы и ни одним поколением, пускают весьма глубокие корни в сознании людей. Поэтому вовсе не случайным являлся тот факт, что апологеты воровского мира, как правило, изолированные от основной массы заключённых в тюрьмах и бараках усиленного режима, как и прежде, стремились к поддержанию отношений, обусловленных их субкультурой. Более того, в созданных для «авторитетов» условиях изолированного существования, подорвавших их прежнюю безраздельную власть в ИТЛ, они занялись поиском новых форм взаимоотношений. Соответственно менялась и тактика деятельности «воров», одновременно видоизменялся и сам «воровской закон».

Согласно официальной статистике в тюремно-лагерной системе СССР в 1930-1950 годов одновременно содержалось от 0,5 до 2,5 млн. заключенных. Максимум был достигнут в начале 1950-х годов в результате послевоенного ужесточения уголовного законода-

⁵⁰⁹ Анисимков В. М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук.

тельства и социальных последствий голода 1946-1947 годов, когда в лагерях побывало порядка 8,8 млн. человек.

При этом достоверно неизвестно сколько заключённых погибло в результате «сучьих войн», поскольку никто специально не вел таких подсчетов именно в таком разрезе. Более того, как выясняется, в ГУЛАГе вообще оказалось ничтожно мало документов, подтверждающих факт ведения заключенными «сучьих войн». Во всяком случае, когда в 1957 году 1-му отделу ГУИТК МВД СССР понадобилось обобщить сведения о лагерной преступности, массовых «волянках» и беспорядках в лагерях на рубеже 1940-1950-х годов, то они оперировали в основном случайными примерами, извлечёнными из архивов, а иногда и личными историями. Обобщенной и систематизированной информации в их распоряжении просто не было, поскольку не было цельного комплекта архивных документов, обобщенных по критерию их отношения к «сучьим войнам». Речь шла лишь об отдельных случаях уголовно-бандитских проявлений, групповых неповиновениях, совершаемых уголовным элементом убийствах заключённых, честно работающих в лагерной службе, на низовых производственно-хозяйственных должностях и активно помогающих лагерной администрации в укреплении режима и трудовой дисциплины в лагерях.

Неизвестно, сколько бы ещё продолжались «сучьи войны» и сколько бы ещё жизней они унесли, пока наконец система ГУЛАГа не прекратила свое существование, а вместе с ней прекратились и «сучьи войны».

Если исходить из чисто количественных показателей, можно сказать, что «сучья война» окончилась «вничью». Потери были огромны как с той, так и с другой противоборствующей стороны. Огонь кровавых разборок был сбит даже не столько после разделения лагерей на «воровские» и «сучьи», сколько после амнистии 1953 года, связанной со смертью Иосифа Сталина. Амнистия почти не распространилась на «политических», однако, лагеря освободились от многих матерых уголовников. Кто-то из «уроков» получил свободу, кому-то срок был сокращен. Многие «законные воры» не попали под эту амнистию, относясь к категории особо опасных рецидивистов и имея приличные сроки. Зато на свободу вышло большое количество воровской «пристяжи». С другой, «сучьей» стороны, было освобождено даже больше лагерного населения: причем это были как крупные представители этого «раскольничьего движения», так и их прихвостни. Лагерная война утратила свое главное каче-

ство — массовость. А на воле прежний накал страстей быстро остывал и сходил на нет. «Отколовшиеся» не вмешивались в воровское сообщество, а «воры» были заняты другими, более серьёзными, по их мнению, делами. На нескольких сходках, разумеется, «сук» заклеивали, призвали «истинных босяков» бороться с ними и уничтожать — но и только. Конечно, при случае такой возможности не упускали, но специальной охоты не велось.

Гораздо более важными последствиями массовой резни уголовников были следующие: именно массовая бойня между «суками» и «ворами» повлекла за собой значительное укрепление позиций воровского мира и возникновение романтического ореола вокруг «законников» как в местах лишения свободы, так и на воле.

В результате «сучьей войны» удалось укрепить изнутри и сплотить уголовное «братство», подтолкнуть его к серьёзным, глубоким реформам. В итоге, с точностью до наоборот, общество получило внутри себя изошрённое, мощное и искусно организованное преступное сообщество. Многие «воры в законе», чтобы выжить, на словах отказывались от «воровских традиций», то есть волки, по сути, одевали овечьи шкуры. При сложившихся обстоятельствах они предпочитали затаиться, уйти в подполье и соблюдать строгую конспирацию, законсервировав свои прежние криминальные связи и контакты. Но в то же время бескомпромиссная и беспощадная война за колючей проволокой еще больше сплотила воров, а статус воровской масти заметно вырос. Теперь право на получение воровской масти надо было заслужить, и это был удел лишь особо избранных урок.

На официальном же уровне существенное снижение количества воров в законе было поначалу истолковано правоохранительными органами как окончательное разрушение воровской общины, исчезновение воровских обычаев, традиций и воровского кодекса. Внешне создавалось впечатление начала распада уголовно-бандитствующих сообществ в местах лишения свободы. Руководство МВД всех уровней поспешно начало рапортовать руководству страны о полной победе над кастой «воров в законе» и, соответственно, об обезглавлении преступного мира.

В целом же «сучьи войны», на наш взгляд, показали, что советская пенитенциарная система сосредоточила свои усилия на обслуживании интересов советской тоталитарной государственной системы, на реализации политики террора и репрессий в отношении населения по классовым, социальным, национальным, религиозным или

иным признакам. В итоге представители уголовного мира оказались в некоторой степени в привилегированном положении и даже оказывали некоторые услуги государственной администрации в укрощении и подавлении политической части лагерного населения. Забыв о своем истинном предназначении, советская пенитенциарная система тоталитарного периода упустила уголовную часть осужденных, находящихся в местах лишения свободы, что негативно отразилось как на самой пенитенциарной сфере, так и на обществе в целом, в том числе и на гораздо более отдаленном периоде (1960-1990-х годах) вплоть до настоящего времени.

- Заключение -

По разным оценкам через советскую пенитенциарную систему в течение тоталитарного периода прошло порядка 18 миллионов человек.

Сама же пенитенциарная система СССР в тоталитарный период была весьма многообразной и изощренной и включала в себя целый ряд уголовно-исполнительных учреждений различного характера и назначения, которые последовательно сменяли друг друга, либо функционировали параллельно. Кроме того, в свете культивируемой системы принудительного труда имели место такие специфические институты как проверочно-фильтрационные лагеря и трудовая мобилизация, специфика которых заключалась в эксплуатации труда лиц, которые даже не были признаны виновными в совершении каких-либо деяний, а лишь считались неблагонадежными и представляющими опасность для режима.

Наряду и в связи с этим имела место весьма разветвленная система государственных ведомственных органов и их подразделений — управлений, отделов, инспекций, комиссий и прочих, функционировавших в данной сфере, которые систематически создавались, реорганизовывались, переименовывались, упразднялись. Имелась даже собственная система специальных лагерных судов.

При этом правовое регулирование государственной политики противодействия преступности и пенитенциарной политики, а также непосредственно организации и функционирования пенитенциарной системы было, мягко говоря, сомнительным. Верховенство права и легальная иерархия правовых актов в ее общеправовом понимании отсутствовали. Ключевыми актами, имеющими высшую юридическую силу, выступали, прежде всего, акты партийных органов ЦК, Пленума и Политбюро ВКП(б) (КПСС), непосредственно в пенитенциарной системе это были циркуляры, директивы и приказы соответствующих ведомств, издаваемые опять таки в соответствии с генеральными указаниями партии. Общесоюзные основы законодательства и законы, республиканские кодексы играли лишь номинальную роль и выполняли формальные функции.

Соответственно, решения руководством страны принимались быстро, и их исполнение в ведомствах и на местах также не заставляло себя долго ждать, поскольку всякая возможность для обдумывания и раскачки просто исключалась. Требовалось лишь слепое, неукоснительное и эффективное исполнение генеральной линии партии, указаний лично товарища Сталина и производственных нормативов.

Как на высшем уровне, так и в самой пенитенциарной системе исправление и перевоспитание осужденных было далеко не главной целью, точнее — совсем не главной. Прежде всего, перед данной системой ставились политические и экономические цели, в связи с чем посредством нее решались такие задачи как:

- репрессии политически неугодных элементов (кулаков, бывших белогвардейцев, немцев, поляков, троцкистов, антисоветчиков и пр.), а также членов их семей;
- строгая изоляция осужденных;
- колонизация отдаленных, труднодоступных и малонаселенных районов и территорий страны;
- эксплуатация труда осужденных;
- развитие народного хозяйства, промышленности и в целом экономики страны;
- обеспечение обороноспособности и боеготовности страны, развития военно-промышленного комплекса в довоенный и военный периоды);
- восстановление страны в послевоенный период.

Кроме того, как руководство пенитенциарных органов, так и администрация уголовно-исправительных учреждений были обеспокоены не столько государственными идеями, сколько своими частными интересами, в первую очередь, своим положительным имиджем в глазах вышестоящего начальства. Так, начальники лагерей негодовали не столько по поводу высокого уровня нетрудоспособности, заболеваемости и смертности среди заключенных, сколько по поводу того, что им в связи с этим не снижали нормы выработки.

В целом советская уголовно-исправительная система носила тоталитарный характер, была ориентирована на кару и эксплуатацию осужденных, умаляла их человеческое достоинство. Исправление и перевоспитание осужденных не рассматривались в качестве приоритетных целей. Первостепенная задача советского тоталитарного политического режима состояла в нейтрализации и устранении лиц, признававшихся социально опасными для сформировавшегося

советского государства и его политического строя. Формально культивируя идею исправления осужденных трудом, советская система фактически трансформировала ее в беспощадную эксплуатацию дешевого труда заключенных в интересах государственной экономики в угоду политическим амбициям руководства страны.

При этом советская пенитенциарная система тоталитарного периода совершенно упустила из сферы должного внимания, уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия реально криминальную часть осужденных, находившихся в местах лишения свободы. В дальнейшем, в связи с массовой амнистией и истечением сроков наказания, вся эта масса уголовных элементов выплеснулась в общество, что имело существенные негативные последствия в будущем, вплоть до 1990-х годов.

Позднее, с распадом Советского Союза, Российским государством официально были признаны факты массового террора и политических репрессий в отношении населения страны. С принятием Закона РФ о реабилитации жертв политических репрессий нормативно было определено, что «политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями» (ст. 1).

Современное Российское государство осудило многолетние массовые преследования советским тоталитарным режимом своего народа, признало их несовместимыми с идеей права и справедливости, выразило глубокое сочувствие жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, заявило о неуклонном стремлении добиваться реальных гарантий обеспечения законности и прав человека. Од-

нако в отношении самого режима и его идеологов никаких правовых решений принято не было

Новой властью была воспринята идея построения демократического, либерального, социального, правового Российского государства, исповедующего приоритет охраны личности, гарантированности и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Авторы данных строк искренне надеются, что это однозначная и непоколебимая позиция руководства современной России, от которой политические силы, находящиеся сегодня у руля управления страной, не отступят ни при каких обстоятельствах и не найдут оправдания ни ранее имевшим место репрессиям и террору, ни возможности их применения в настоящем и будущем, несмотря на то, что сегодня на самом высоком уровне звучат тревожные слова о том, что «либеральная идея себя изжила» и на всех уровнях и во всех сферах необходимо руководствоваться интересами национальной безопасности.

19 сентября 2019 г. в Страсбурге Европарламент принял Резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы»⁵¹⁰, в которой осудил сталинский тоталитарный режим и в целом коммунистический режим и приравнял его к нацистскому режиму (см. Приложение). Однако, как это ни парадоксально, данный документ вызвал весьма негативную реакцию у руководства Российской Федерации⁵¹¹.

Однако, мы уверены, что работа, начатая после распада Советского Союза, должна быть доведена до своего логического завершения – преступления тоталитарного сталинского режима должны быть однозначно осуждены наравне с преступлениями нацистского режима, ибо преступления против человечества не имеют ни оправдания, ни срока давности. Аналогичная участь должна постичь лично тирана И. В. Сталина. Кроме того, следует предусмотреть ответственность

⁵¹⁰ Официальный сайт Европейского Парламента. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.12.2019).

⁵¹¹ Справедливости ради следует отметить, что поводом для такой реакции послужили оценки Пакта Молотова-Риббентропа 1939 года и начала Второй Мировой войны (см. напр.: Резолюция Европарламента о войне задела Путина // Московский комсомолец. 2019. 20 дек. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/12/20/rezolyuciya-evroparlamenta-o-voyne-zadela-putina.htm> (дата обращения: 20.12.2019)).

за пропаганду и одобрение тоталитаризма и сталинизма наряду с нацизмом, а также за использование соответствующей символики. Коммунистическая партия, под непосредственным руководством которой функционировал тоталитарный режим и совершались данные преступления, также должна быть объявлена вне закона и запрещена, равно как и коммунистическая идеология.

Сложность заключается в том, что подвиг советского народа в Великой Отечественной войне и победа над нацизмом во Второй мировой войне совпали по времени с тоталитарным режимом в нашей стране. В российской исторической памяти сегодня репрессии, сталинизм и тоталитаризм растворяются в подвиге советского народа и Красной Армии над нацизмом и фашизмом. Проникаясь гордостью за свое прошлое, общество и политические лидеры пытаются стереть из исторической памяти негативные аспекты, которые не укладываются в общую идею. Сегодня героической памятью о войне замещается трагическая память о репрессиях. Однако важно понимать, что эти два явления не являются взаимоисключающими. Необходимо дать им объективные оценки и научиться жить с осознанием и того, и другого⁵¹². Для полноты исторической памяти и для торжества справедливости нам необходимы и «Бессмертный полк», и «Бессмертный барак».

⁵¹² Подробнее см.: *Копосов Н. Е.* К оценке масштаба сталинских репрессий // Права человека в России. URL: <https://hro.org> (дата обращения: 20.12.2019).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Правовые акты

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 г. // СПС «Консультант Плюс».
2. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утв. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 г., в ред. на 08.11.1929 г. // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204; 1929. № 72. Ст. 686.
3. УК РСФСР 1926 г., утв. Постановлением ВЦИК от 22.11.1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
4. Положение о народном комиссариате внутренних дел РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28.03.1927 г. // СУ РСФСР. 1927. № 47. Ст. 315.
5. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26.03.1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения» // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 14. С. 417–448.
6. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.05.1928 г. «О дополнении и изменении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре» // СПС «Консультант Плюс».
7. Постановление СНК СССР от 11.07.1929 г. № 16 «Об использовании труда уголовно-заключенных» // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг.: сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров.; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2000.
8. Постановление ВЦИК и СНК СССР от 06.11.1929 г. «Об изменении ст.ст. 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // СЗ СССР. 1929. № 72. Ст. 686.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10.01.1930 г. «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам» // СУ РСФСР. 1930. № 5. Ст. 63.
10. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.01.1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепачков ; под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1.
11. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.02.1930 г. «О ликвидации вредительства на предприятиях военной промышленности» // <http://istmat.info/node/30358> (дата обращения: 20.09.2019).
12. Положение об исправительно-трудовых лагерях, утв. 07.04.1930 г. Постановлением СНК СССР // СЗ СССР. 1930. № 22. Ст. 249.

13. Совместный циркуляр ВСНХ и ОГПУ от 15.05.1930 г. «Об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство».

14. Постановление Президиума ЦИК СССР от 13.06.1930 г. «Об ответственности административно-технического персонала исправительно-трудовых лагерей и об ответственности лиц, совершивших побег из ИТЛ» // ГА РФ. Ф. Р. 3316. Оп. 64 Д. 912. Л. 5.

15. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утв. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 г. // СУ РСФСР. 1933. № 48. Ст. 208.

16. Постановление ЦИК СССР от 10.07.1934 г. «Об образовании общесоюзного народного комиссариата внутренних дел» // СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283.

17. Постановление ЦИК и СНК СССР № 110/2467 от 27.10.1934 г. «О передаче исправительно-трудовых учреждений народных комиссариатов юстиции союзных республик в ведение Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 56. Ст. 421.

18. Положение об Особом совещании при НКВД СССР, утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 05.11.1934 г. «Об Особом совещании при НКВД СССР» // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 84.

19. Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» // СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.

20. Приказ НКВД СССР от 09.06.1935 г. № 074 «О порядке применения Постановления ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних»» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 192.

21. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) СССР от 31.05.1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Известия. 1935. 1 июня.

22. Приказ НКВД СССР от 07.06.1935 г. № 071 «Об организации работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 187—191.

23. Распоряжение ОТК НКВД СССР от 23.07.1935 г. № 886503 «О типизации трудовых колоний НКВД» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 194—195.

24. Положение о трудовой колонии НКВД СССР для несовершеннолетних, утв. Приказом НКВД СССР от 29.07.1935 г. // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 195—197.

25. Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.10.1935 г. № 23/2406 «О передаче Центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомо-

бильного транспорта в Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР» // СЗ СССР. 1935. № 56. Ст. 452.

26. Постановление ЦИК и СНК СССР от 25.11.1935 г. «Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью» // СУ РСФСР. 1936. № 1. Ст. 2.

27. Приказ НКВД СССР от 27.09.1936 г. № 406 «О результатах обследования трудовых колоний для несовершеннолетних УНКВД Западно- и Восточно-Сибирского краев» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Аتماшкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 200.

28. Приказ НКВД СССР от 03.10.1936 г. № 413 «О производственной деятельности трудколоний НКВД для несовершеннолетних» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Аتماшкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 201–203.

29. Конституция (Основной закон) СССР, утв. Постановлением Чрезвычайного VIII-го Съезда Советов Союза ССР от 05.12.1936 г. // СПС «Консультант Плюс».

30. Приказ НКВД СССР от 23.05.1937 г. № 205 «Об организации трудколоний для несовершеннолетних закрытого типа» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Аتماшкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 228–229.

31. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.05.1937 г. «Вопрос НКВД» (протокол № 49) // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 189–190.

32. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 02.07.1937 г. «Об антисоветских элементах» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 234–235.

33. Приказ НКВД СССР от 30.07.1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» // Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая» операция в Украинской ССР 1937-1940 гг. Т. 1: 1937 г. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 99–115.

34. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 05.07.1937 г. «Вопрос НКВД» (протокол № 51) // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 238–239.

35. Оперативный Приказ НКВД СССР от 15.08.1937 г. № 00486 «Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины» // ГУЛАГ

(Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под общ. ред. академика А. Н. Яковлева. Москва : Фонд «Демократия», 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://document.wikireading.ru/17922> (дата обращения: 11.11.2019).

36. Оперативный Приказ НКВД СССР от 11.08.1937 г. № 00485 «О ликвидации польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 301–303.

37. Приказ НКВД СССР от 16.08.1937 г. № 078 «Об организации лесозаготовительных лагерей» // История сталинского ГУЛАга. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 131–132.

38. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21.08.1937 г. № 1647/377с «О выселении корейского населения с территории пограничных районов Дальневосточного края» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. / под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999. Ч. 1. С. 240–241.

39. Циркуляр НКВД СССР от 22.08.1937 г. «Об иностранцах, живущих в СССР». URL: <http://www.istmat.info/node/60003> (дата обращения: 22.11.2019).

40. Оперативный Приказ НКВД СССР от 20.09.1937 г. № 00593 «Об операции по репрессированию бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и резмигрантов Маньчжоу-Го» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 281–283.

41. Приказ НКВД СССР от 22.10.1937 г. № 00690 «Об организации политотдела в составе ГУЛАГа НКВД и политотделом в составе Управлений лагерей» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 134.

42. Приказ НКВД СССР от 27.10.1937 г. № 0130 «Об организации Кировской трудколони для несовершеннолетних закрытого типа» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Агмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 240.

43. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.01.1938 г. «О продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 468–469.

44. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31.01.1938 г. «О утверждении дополнительных лимитов на репрессии по приказу НКВД СССР

№ 00447 от 30.07.1937 г.» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937-1939. Кн. 2: 1938-1939. Москва : РОССПЭН, 2006. С. 34–35.

45. Постановление ЦК ВКП(б) от 01.02.1938 г. «Вопросы НКВД по Дальнему Востоку» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937-1939. Кн. 2: 1938-1939. Москва : РОССПЭН, 2006. С. 35.

46. Приказ НКВД СССР от 04.1938 г. № 054 «О порядке вывода осужденных несовершеннолетних старше 16 лет из трудовых колоний НКВД в лагеря, тюрьмы и исправительно-трудовые колонии ГУЛАГа НКВД» // Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Агмашкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2002. С. 282–283.

47. Приказ НКВД СССР от 09.06.1938 г. № 00362 «Об организационном устройстве НКВД СССР». URL: <http://istmat.info/node/38985> (дата обращения: 07.08.2019).

48. Приказ НКВД СССР от 29.09.1938 г. № 00641 «Об изменении организационной структуры Наркомвнутдела СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 150–151.

49. Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 г. № 81/П4387 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 305–308.

50. Приказ НКВД СССР от 26.11.1938 г. № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17.11.1938 г.» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 612–617.

51. Временное наставление по службе военизированной охраны ИТЛ НКВД СССР от 04.03.1939 г. Москва : ГУЛАГ НКВД СССР, 1939.

52. Положение о Главном управлении конвойных войск НКВД СССР, утв. Приказом НКВД СССР от 27.03.1939 г. № 00296 «Об объявлении Положений о главных управлениях войск НКВД СССР» // Лубянка. ВЧК-ОГПУ-КВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960 : справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 1997. С. 280–295.

53. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15.06.1939 г. № Вс-30/с «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТЛ НКВД СССР» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Москва : МФД, 2000. С. 116.

54. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20.06.1939 г. «Об отмене условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в НТК и тюрьмах НКВД СССР» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Москва : МФД, 2000. С. 117.

55. Приказ НКВД СССР от 15.06.1939 г. № 0168 «О прекращении практики зачетов рабочих дней и условно-досрочного освобождения» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. С. 116.

56. Приказом НКВД СССР от 29.07.1939 г. № 00859 «Об объявлении Положения о тюрьмах НКВД СССР для содержания подследственных» // Содержание под стражей в РСФСР и СССР. Сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Тюмень : Изд-во Тюменского ЮИ МВД РФ, 2003. С. 168–207.

57. Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях, утв. Приказом НКВД СССР от 02.08.1939 г. № 00889 // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. С. 456–475.

58. Устав службы конвойных войск НКВД СССР (УСКВ-39), утв. Приказом НКВД СССР от 29.09.1939 г. № 646. URL: <http://rkka.ru/docs/real/uskv-39.pdf> (дата обращения: 02.11.2019).

59. Приказ НКВД СССР от 14.08.1939 г. № 00943 г. «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных ИТЛ и ИТК НКВД СССР». URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/390814.htm> (дата обращения: 14.08.2019).

60. Приказ НКВД СССР от 19.09.1939 г. № 0308 «Об организации лагерей военнопленных». URL: <http://doc20vek.ru/node/2718> (дата обращения: 02.12.2019).

61. Приказ НКВД СССР от 27.10.1939 г. № 001289 «Об объявлении Положения о Главном Тюремном управлении НКВД СССР» // Лубянка. ВЧК-ОГПУ-КВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960 : справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 1997. С. 244–246.

62. Приказ НКВД СССР от 31.12.1939 г. № 001560 «О введении с 1 января 1940 г. новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в тюрьмах Главного тюремного управления НКВД СССР» // Содержание под стражей в РСФСР и СССР : сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Москва ; Тюмень : Изд-во ТюмЮИ МВД РФ, 2003. С. 210–212.

63. Приказ НКВД СССР от 04.01.1940 г. № 0014 «О реорганизации руководства железнодорожным строительством НКВД СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов :

собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 165–166.

64. Инструкция о режиме содержания несовершеннолетних правонарушителей в тюрьмах НКВД для подследственных, утв. Приказом НКВД СССР от 09.07.1940 г. № 0284 // Содержание под стражей в РСФСР и СССР. Сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Тюмень : Изд-во Тюменского ЮИ МВД РФ, 2003. С. 215–220.

65. Приказ НКВД СССР от 19.08.1940 г. № 001019 «О переустройстве ГУЛАГа» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000.

66. Приказ НКВД СССР от 12.11.1940 г. № 001417 «О вывозе заключенных из тюрем в лагеря и колонии» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 190.

67. Приказ НКВД СССР от 13.09.1940 г. № 001159 «Об организации Главного управления гидротехнического строительства НКВД СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 189–190.

68. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. «О военном положении» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. Москва : Госюриздат, 1956. С. 213–215.

69. Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий, утв. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.06.1941 г. // СПС «Консультант Плюс».

70. Постановление СНК СССР от 27.06.1941 г. «О сокращении плана капитальных работ на 1941 год по НКВД СССР» // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <http://alexanderyakovlev.org> (дата обращения: 06.06.2019).

71. Приказ НКВД СССР от 28.06.1941 г. № 0311 «О прекращении работ по строительству в связи с началом войны». URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010448> (дата обращения: 06.06.2019).

72. Приказ НКВД СССР от 11.07.1941 г. № 00911 «О плане капитальных работ на 3-й квартал 1941 года». URL: <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1010459> (дата обращения: 06.06.2019).

73. Постановление СНК СССР от 25.06.1941 г. № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств» // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 51.

74. Совместный Приказ Прокуратуры СССР и НКВД СССР от 26.06.1941 г. № 59/595 «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне». URL: <http://istmat.info/node/24368> (дата обращения: 12.12.2019).

75. Совместный Приказ НКВД СССР и НКГБ СССР от 16.07.1941 г. № 00931/00272 «Об обеспечении бесперебойной работы органов НКВД и НКГБ в условиях военного времени» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000.

76. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16.07.1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917-1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. Москва : Зерцало, 1997. С. 281.

77. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28.08.1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» // Немцы в России: история и судьба / Н. Э. Вашкау. Волгоград : ВГУ, 1994. С. 68.

78. Приказ НКВД СССР от 27.08.1941 г. № 001158 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 455—457.

79. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) СССР от 31.08.1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР». URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58835> (дата обращения: 21.10.2019).

80. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.09.1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. Москва : Госюриздат, 1956. С. 41.

81. Указ Президиумам Верховного Совета СССР от 24.11.1941 г. «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» // СПС «Консультант Плюс».

82. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.12.1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» // СПС «Консультант Плюс».

83. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.04.1942 г. № 508 «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» // Соц. законность. 1942. № 8. С. 1—2.

84. Приказ НКВД СССР от 12.01.1942 г. № 0083 «Об организации отрядов из мобилизованных немцев при лагерях НКВД» // История немцев России / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева. Москва : МСНК-Пресс, 2005. 542 с. URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/63>

85. Постановление ГКО от 14.02.1942 г. № ГКО-1281сс «О мобилизации немцев мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html>

86. Постановлением ГКО от 07.10.1942 г. № ГКО-2383сс «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР». URL: <http://www.soldat.ru/doc/gko/gko1942.html>

87. Постановление СНК СССР от 10.08.1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» // СДЗ СССР. Т. 30. Раздел XII. Книга вторая. С. 151.

88. Приказ НКО СССР от 28.07.1942 г. № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» // Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. Москва : Терра, 1997. Т. 13. С. 276—279.

89. Положение о штрафных батальонах и ротах и штатах штрафного батальона, роты и заградительного отряда действующей армии, утв. Приказом НКО СССР от 28.09.1942 г. № 298 // Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссариата обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1942 г. Москва : Терра, 1997. Т. 13. С. 312—315.

90. Приказ НКО СССР от 16.10.1942 г. № 323 «О направлении в штрафные части военнослужащих, осужденных военными трибуналами с применением отсрочки исполнения приговора до окончания войны». URL: http://www.faito.ru/oboznik/Mater/pr_323.html (дата обращения: 04.09.2019).

91. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22.04.1943 г. «О мерах наказания изменникам Родины и предателям и о введении для этих лиц, как меры наказания, каторжных работ». URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/430419.htm> (дата обращения: 03.04.2019).

92. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и их пособников» // СПС «Консультант Плюс».

93. Приказ НКВД СССР от 11.06.1943 г. № 00968 «Об организации отделений каторжных работ при исправительно-трудовых лагерях НКВД» // НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956) : сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. Москва : Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 113—115.

94. Инструкция по учету и этапированию заключенных, осужденных к каторжным работам, утв. Приказом НКВД СССР от 17.06.1943 г. № 001241 // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960: Сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 124).

95. Приказ НКВД СССР от 19.07.1944 г. № 0149 «О передаче спецлагерей НКВД СССР в ведение ГУЛАГа НКВД СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : Собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 241.

96. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.1944 г. «Об организации специальных лагерных судов» // ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 341.

97. Приказ НКЮ СССР от 16.04.1945 г. «Об организации специальных лагерных судов» // ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 5. Д. 1. Л. 2.

98. Положение о спецкомендатурах НКВД, утв. Постановлением СНК СССР от 08.01.1945 г. № 34-14 // Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII / сост. О. Л. Милова ; предисл. Т. Ф. Павловой. Москва, 1992. С. 77–80.

99. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 07.07.1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 39.

100. Постановление СНК СССР от 08.01.1945 г. № 35 «О правовом положении спецпереселенцев» // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Верховный Совет РФ ; отв. за вып. Е. А. Зайцев. Москва : Республика, 1993. С. 113.

101. Положение о спецкомендатурах НКВД СССР, утв. Постановлением СНК СССР от 08.01.1945 г. № 34-14с // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепяков ; под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999. С. 80.

102. Закон СССР от 18.03.1946 г. «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.» // СПС «Консультант Плюс».

103. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» // СПС «Консультант Плюс».

104. Постановление Совмина СССР от 21.02.1948 г. № 416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии на поселение в отделенные местности СССР» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 326–327.

105. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 02.06.1948 г. «О выселении в отдаленные районы лиц, злобно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни». URL: <https://memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/480602.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

106. Постановление Совмина СССР от 03.06.1948 г. № 1841-730сс «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1945 г. «О высылении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни» // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 325. Л. 258-262.

107. Постановление СНК СССР от 24.11.1948 г. № 4637-1726 «О выселенцах». URL: <https://rosagr.natm.ru/dynamic/docs/oviselencax.doc> (дата обращения: 12.06.2019).

108. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны» // СПС «Консультант Плюс».

109. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11.03.1952 г. «О направлении на спецпоселение отбывших наказание осужденных, члены семей которых находятся на спецпоселении» // ГА РФ. Ф. Р- 7523. Оп. 57. Д. 588. Л. 1.

110. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.01.1953 г. «О мерах по борьбе с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях» // Сборник документов по истории уголовного законодательства РСФСР 1953-1991 гг. Казань, 1992. С. 15.

111. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 г. «Об амнистии» // Правда. 1953. 28 марта. № 87(12655).

112. Совместный Приказ МЮ СССР и МВД СССР от 28.01.1954 г. № 005/0041 «О передаче из МЮ СССР в МВД СССР ИТЛК» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 81).

113. Постановление Президиума ЦК КПСС от 12.03.1954 г. «Об основных задачах Министерства внутренних дел СССР» // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 169. Л. 47.

114. Приказ МВД СССР от 17.07.1954 г. № 00610 «Об объявлении Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 45).

115. Совместное Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 25.10.1956 г. № 1443-719с «О мерах по улучшению работы Министерства внутренних дел СССР» // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 49).

116. Закон РФ от 18.10.1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1428.

117. Резолюция Европарламента от 19.09.2019 г. № 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (Страсбург). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 20.12.2019).

Специальная литература

116. *Parker H.* The Limits of the Criminal Sanctions. Stanford. California, 1968.

117. *Абатуров А. И.* Историко-правовой анализ оказания постпенитенциарной помощи в Советской России (1917-1990 гг.) // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 75–78.

116. *Анисимков В. М.* Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России : автореф. дис. ... докт. юрид. наук / СГАП. Саратов, 1998.

117. *Анисимков В. М.* Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. Санкт-Петербург, 2003.

118. *Афанасова Е. Н.* Деятельность детских учреждений закрытого типа системы НКВД СССР на территории Иркутской области во второй половине 1930-х гг. [Электронный ресурс] // Сибирь и ссылка: Siberia and the Exile. История пенитенциарной политики российского государства и Сибирь XVII-XXI веков. Проект кафедры политологии и отечественной истории Иркутского государственного университета. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1096 (дата обращения: 15.04.2019).

119. *Бацаев И. Д.* Амнистия 1953 г. и её последствия // Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой. Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 173–184.

120. *Бердинских В., Веремьев В.* Краткая история ГУЛАГа. Москва : ЛомоносовЪ, 2019.

121. *Березин П. Н.* УСОЛЬЛАГ: история становления // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2008. Вып. 3. С. 118–133.

122. *Бугай Н.* Репатриация военнопленных немцев из СССР в 40-50-е годы [Электронный ресурс] // Обозреватель. 1996. № 3(74). URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N03_96/3_11.HTM (дата обращения: 03.06.2019).

123. *Вашкау Н. Э.* Немцы в России: история и судьба. Волгоград : Изд-во ВГУ, 1994.

124. *Водолазский Б. Ф.* Преступные группировки, их обычаи, традиции, «законы» (Прошлое и настоящее) : учеб. пособ. Омск, 1979.

125. *Вольтер Г. А.* Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев / под ред. В. Ф. Дизендорфа ; Межгос. совет рос. немцев ; Обществ. Акад. наук рос. немцев. 2-е изд., испр. и доп.. Москва : Варяг, 1998.

126. *Гамидуллаева Х. С.* Уголовная ответственность за хищение социалистической собственности в СССР в 1930-1940-х гг. // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 4. С. 161–165.

127. *Герман А. А.* История немцев России / А. А. Герман, Т. С. Иларионова, И. Р. Плева. Москва : МСНК-Пресс, 2005.

128. *Гилинский Я. И.* Социальное насилие : монография. Санкт-Петербург : Альфа-Пресс, 2013.

129. *Голодяев К.* Тюрьмы и лагеря столицы Сибири // Репрессированная сибирская провинция: матер. Второго регион. науч.-практич. семинара, Новосибирск, 18-19 окт. 2016 г. / отв. ред. С. А. Красильников, А. Л. Рудницкий. Новосибирск, 2016.

130. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000.

131. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт-на-Майне ; Москва, 1999.

132. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / под ред. Л. И. Бородинкина, П. Грегора, О. В. Хлевнюка. Москва : РОССПЭН, 2005.

133. Гулаговские тайны освоения Севера / Е. В. Маркова, В. А. Волков, А. Н. Родный, В. К. Ясный ; отв. ред. И. С. Пашковский. Москва : Стройиздат, 2001.

134. *Дашин А. В.* Уголовно-правовые особенности содержания заключенных и деятельность администрации по предупреждению массовых неповиновений в исправительно-трудовых лагерях СССР // Общество и право. 2012. № 2(39). С. 97–102.

135. *Девяшин Д. Г.* Создание штрафных рот и батальонов в действующей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Кузбасского института. 2015. № 2(23). С. 57–63.

136. Депортации народов СССР (1930-1950-е годы). Ч. 1: Документальные источники Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к сер.: Народы и культуры. Вып. XII / сост. О. Л. Милова ; предисл. Т. Ф. Павловой. Москва, 1992.

137. Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Документы / сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Аتماшкин, И. Ю. Новиченко ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2002.

138. *Джекобсон М., Смирнов М. Б.* Система мест заключения в РСФСР и СССР (1917-1929) [Электронный ресурс]. URL: http://www.pseudology.org/GULAG/Gulag1917_1929.htm (дата обращения: 12.11.2019).

139. *Дизендорф В. Ф.* Чтобы помнили: трудармия, лесные лагеря, Усольлаг // Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Усольлага НКВД / МВД СССР, 1942-1947 / Э. А. Гриб, В. Ф. Дизендорф. Москва : Обществ. Академ. наук рос. немцев, 2005.

140. *Дмитриев, Ю. А., Казак Б. Б.* Пенитенциарная психология : учебник для образовательных учреждений Минюста РФ. Ростов н/Д : Феникс, 2007.
141. *Желтов А. А.* Экономические факторы в организации пенитенциарных систем // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов СЮИ ФСИН России. Самара : Изд. СЮИ ФСИН России, 2019. С. 87–88.
142. *Жиганец Ф.* Глазами «битого фраера»: Варлам Шаламов как летописец «сучьей войны» // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс/Досье на цензуру». 2014. № 39.
143. *Жигулин А. В.* Чёрные камни: Автобиографическая повесть; Урановая удочка: Стихотворения. Москва : Культура, 1996.
144. *Захарченко А., Репинецкий А.* Лагерная преступность и карательная политика в системе ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны (на материалах Безьянлага) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 75–83.
145. *Земсков В. Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 10–27.
146. *Земсков В. Н.* О масштабах политических репрессий в СССР [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2012. № 1(66). URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=783> (дата обращения: 11.09.2019).
147. *Земсков В. Н.* Ситуация с заключенными в первые послесталинские годы // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 130–136.
148. *Земсков В. Н.* Спецпереселенцы (по документам НКВД – МВД СССР), 1990 г. [Электронный ресурс] // Экономика. Социология. Менеджмент. URL: <http://ecsosman.hse.ru> (дата обращения: 19.09.2019).
149. *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в советской государственной системе: конец 1920-х — середина 1950-х гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2002.
150. *Иванова Г. М.* Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954 // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. Москва, 2005. С. 287–308.
151. *Игнатов В. Д.* Палачи и казни в истории России и СССР: Историческое расследование. Москва : Вече, 2013.
152. *Исаков В. М., Мельник Е. В.* Правовые формы организации труда заключенных в местах лишения свободы в период 1930-1940 гг. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 67–76.
153. Исправительная система в годы Великой Отечественной войны: неизвестные страницы истории, мифы и реальность, ее боевой и трудовой вклад в Великую Победу. Владимир, 2005.
154. Исправительно-трудовая политика реконструктивного периода // Сов. юстиция. 1931. № 25. С. 25.
155. История отечественных органов внутренних дел : учебник для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Елифанов. Москва : NOTA BENE, 2005.

156. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. Москва : РОССПЭН, 2004.

157. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР. Москва : РОССПЭН, 2004.

158. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 2: Карательная система: структура и кадры. Москва : РОССПЭН, 2004.

159. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. Москва : РОССПЭН, 2005.

160. Кареева И. В., Кикта О. Д. Тюремно-лагерная система в СССР в годы Великой Отечественной войны // Международный пенитенциарный журнал. 2015. № 2. С. 24—27.

161. *Клеймёнов М. П.* Уголовно-правовое прогнозирование : автореф. дис... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992.

162. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953-1985 гг. Москва : Олма-пресс, 2006.

163. *Козлов В. А.* Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления Гулагом (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // Общественные науки и современность. 2004. № 6.

164. *Кокурин А. И., Моруков Ю. Н.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 7. С. 107—121; № 8. С. 111—128; № 9. С. 103—124; № 10. С. 104—119.

165. *Кокурин А. И., Петров Н. В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 5. С. 99—116.

166. *Копосов Н. Е.* К оценке масштаба сталинских репрессий [Электронный ресурс] // Права человека в России. URL: <https://hrgo.org> (дата обращения: 20.12.2019).

167. *Кудимов А. Ф.* Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 3. С. 13—19.

168. *Кудоярова Г. Р.* Реализация Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 в судебной практике СССР // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 28—31.

169. *Кудрявцев С. В.* Партийные организации и органы НКВД в период массовых политических репрессий 1930-х годов (на материалах областей Верхнего Поволжья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2000.

170. *Кузьмин С. И.* О протестных действиях заключенных при организации их труда в предвоенные годы (1937 г. — июнь 1941 г.) // Вестник Волгоградского института права и экономики ФСИН России «Пенитенциарная наука». 2017. № 1(37). С. 10—15.

171. *Кузьмин С. И., Якушина Е. С.* Система мер борьбы с побегам и другими протестными действиями заключенных в местах лишения свободы в 30-е гг. XX в. В СССР // Вестник Волгоградского института права и экономики ФСИН России «Пенитенциарная наука». 2016. № 3(35). С. 4–8.
172. *Кузьминых А. Л.* Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939-1956 гг.) : монография. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2013.
173. *Курбатов Г. В., Кутякин С.А.* «Воры в законе»: на рубеже веков : лекция. Рязань, 2003.
174. *Куц В. Т.* Поединок с судьбой. 2-е изд., доп. Москва : РИО Упрполиграфиздата Администрации МО, 1999.
175. *Лавинская О. В.* Внесудебная реабилитация жертв политических репрессий в СССР в 1953-1956 гг. : дис ... канда ист. наук / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2007.
176. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов, Ю. Сигачев ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 1999.
177. *Ларин С.* Неизжитое прошлое [Электронный ресурс] // Новый мир. 2000. № 12. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/12
178. *Латышев А. В.* Проверочно-фильтрационные лагеря НКВД СССР: кадры, ведомственные интересы и проверка военнослужащих Красной Армии (1941-1945) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6(361). История. Вып. 63. С. 72–79.
179. *Лиджиева И. В.* Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40-50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 34–39.
180. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-КВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1960: Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. Р. Г. Пихоя ; под общ. ред. А. Н. Яковлева. Москва : МФ «Демократия», 1997.
181. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004.
182. *Луканин В. В.* Каторжные работы в СССР как мера уголовного наказания // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 105–110.
183. *Лунеев В.* Преступность в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Демоскоп Weekly». 2006. № 239-240. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0239/tema03.php> (дата обращения: 09.09.2019).
184. *Лысенков С. Т., Олейник С. А.* Уголовная ответственность военнослужащих в период Великой Отечественной войны // История государства и права. 2010. № 9. С. 35.
185. *Малысова Н. Б.* Организация и функционирование отдельного рабочего батальона военнопленных и интернированных № 1115 в 1946-1949 годах // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 41–43.

186. *Малясова Н. Б.* Организация и функционирование отдельного рабочего батальона военнопленных и интернированных № 1115 в 1946-1949 годах // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 41–43.

187. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): Сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин А.И. Москва : МВД России, 2008.

188. *Нуриев Р. Т.* Появление первых особых конструкторских бюро в пенитенциарной системе Советского Союза. // Казанский Вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. № 2. С. 99–107.

189. *Олейник А. Н.* Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. Москва : ИНФРА-М, 2001.

190. *Очередыко В. П., Смирнов Л. Б.* Пенитенциарная система Советского государства в предвоенные и военные годы (1930-1945 г.г.) и ее роль в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 2(26). С. 61–66.

191. *Папков С. А.* Сталинский террор в Сибири. 1928-1941 / отв. ред. В. А. Исупов ; Сиб. отд. РАН. Новосибирск, 1997.

192. *Перлик М. И.* Политико-правовая характеристика протестных выступлений заключенных в исправительно-трудовых лагерях МВД СССР послевоенного времени // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3(33). С. 182–186.

193. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Москва : РОССПЭН, 2005-2006.

194. *Пыхалов И. В.* Каковы масштабы «сталинских репрессий»? [Электронный ресурс]. URL: <https://ss69100.livejournal.com/2400901.html> (дата обращения: 09.09.2019).

195. *Пыхалов И. В.* О масштабах «сталинских репрессий» [Электронный ресурс]. URL: <https://fishki.net/2068937-masshtaby-stalinskih-repressij-tochnye-cifry.html> (дата обращения: 09.09.2019).

196. *Разгон Л. Э.* Непридуманное: биография и мемуары. Москва : Правда, 1988.

197. Реабилитирован посмертно. Серия «Возвращение к правде». Вып. 2. Москва : Юрид. лит., 1988.

198. *Реент Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы России: учебник / Академия права и управления ФСИН России. Рязань, 2006.

199. *Реент Ю. А.* Проблемы обеспечения режима и трудовой деятельности подразделений ГУЛАГа в условиях военного времени (1941-1943 гг.) // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 132–137.

200. Резолюция Европарламента о войне задела Путина // Московский комсомолец. 2019. 20 дек. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/12/20/rezolyuciya-evroparlamenta-o-voyne-zadela-putina.htm> (дата обращения: 20.12.2019)).

201. *Родионов А. В.* Деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны (1941-1944) // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 4. С. 382–387.

202. *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу : в 2 частях. 2-е изд., доп. Москва : Просвет, 1991.

203. *Рудевич А.* Война воров: неизвестная гражданская война в СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liveinternet.ru/users/bolivarsm/post338215574> (дата обращения: 04.04.2018).

204. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссариата обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1942 г. Москва : Терра, 1997.

205. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. / под ред. Ю. И. Мандельштам. Москва : Госюриздат, 1956.

206. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий / Верховный Совет РФ ; отв. за вып. Е. А. Зайцев. Москва : Республика, 1993.

207. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий : в 2 ч. / сост. В. С. Кулагина, В. А. Щепачков ; под ред. Г. Ф. Весновской. Курск : ГУИПП «Курск», 1999.

208. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1942 год / под ред. И. Т. Голякова. Москва : Юрид. изд. Минюста СССР, 1947.

209. *Север А.* Опыты Сталина с «пятой колонной» [Электронный ресурс]. URL: <https://nice-books.ru/books/proza/istoricheskaja-proza/167988-aleksandr-sever-opyty-stalina-s-pyatoi-kolonnoi.html> (дата обращения: 25.02.2019).

210. *Север А.* Сталин против «выродков Арбата». 10 сталинских ударов по «пятой колонне» [Электронный ресурс]. URL: <https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/publicism/216382-aleksandr-sever-stalin-protiv-vyrodkov-arbata-10.html> (дата обращения: 25.02.2019).

211. *Сиганова Т. В.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Омский научный вестник. 2004. № 4(29). С. 40–44.

212. *Сиделев В. В.* История организованной преступности и борьбы с ней в России // Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности / под ред. проф. А. И. Долговой. Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2019. С. 24–30.

213. *Сидоркин А. И.* Особенности борьбы с бандитизмом в местах лишения свободы в 1930-1950-е гг. // Lex Russica. 2015. № 5 (Том СII). С. 99–109.

214. *Сидоров А. А.* Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 гг.). Ростов н/Д, 1999.

215. *Сипакова Е.* К вопросу о санитарной службе Тюремного управления НКВД СССР на Южном Урале (1941-1953 гг.) // Гуманитарно-пенитен-

циарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 113—119.

216. Система исправительно-трудовых лагерей СССР: 1923-1960 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. Москва : Звенья, 1998.

217. *Ситко Л. К.* Где мой ветер? Книга воспоминаний. Москва, 1996.

218. Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917-1930 годов. Москва, 1992.

219. Содержание под стражей в РСФСР и СССР. Сборник правовых актов / сост. В. Н. Андреев ; науч. ред. Г. С. Корепанов, В. А. Михайлов. Тюмень : Изд. Тюменского ЮИ МВД РФ, 2003.

220. *Сталин И. В.* Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. и 9 февраля 1946 г. Москва : Госполитиздат, 1949.

221. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. Москва : Госполитиздат, 1951.

222. *Стариков Н. Н.* Войска НКВД на фронте и в тылу. Москва : Алгоритм, 2014.

223. *Сувениров О. Ф.* Трагедия РККА 1937-1938. Москва : Терра, 1998.

224. *Суржик Д. В.* Роль ГУЛАГа в годы Великой Отечественной войны: к истории одного стереотипа // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2016. № 6. С. 33—39.

225. *Таймасов Р. Н.* Правовое регулирование борьбы с бандитизмом в Советском государстве 1917-1958 гг.: историко-правовое исследование : автореф. дис ... канд. юрид. наук / Российский университет кооперации. Москва, 2011.

226. *Герц А.* Голос из хора. Лондон : Стенвали, 1975.

227. *Тимофеев В. Г.* Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события : учебное пособие. Чебоксары, 1999. 206 с.

228. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5. 1937-1939. Кн. 2: 1938-1939. Москва : РОССПЭН, 2006.

229. *Туманов В. И.* Все потерять — и вновь начать с мечты... 3-е изд. Москва : Либрика, 2017.

230. Уголовно-исполнительная система. 130 лет / М. Г. Детков, Г. В. Алексушин, П. В. Ященко, В. И. Селиверстов. Москва : Юриспруденция, 2009.

231. Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. А. И. Зубкова. Москва, 1997.

232. *Упоров И. В.* Уголовная и исправительно-трудовая политика советского государства в отношении несовершеннолетних преступников в предвоенный период [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 44. С. 134—141. URL: <http://e-koncept.ru/2017/570161.htm> (дата обращения: 07.07.2019).

233. *Федина К. С., Федин С. А.* Из истории специальных лагерных судов в 1944-1954 годах (по материалам архивов Астрахагской области) // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки : матер. VII-й Междунар. студ. заоч. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 24 янв. 2013 г.). - Новосибирск : Изд-во «СибАК», 2013. С. 37–45.

234. *Федоров П. А.* Охрана мест лишения свободы в СССР в 1918-1960 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2008. № 4(40). С. 17–22.

235. *Федотова И. Н.* Уголовно-исполнительная система в годы Великой Отечественной войны: народно-хозяйственный профиль ГУЛАГа // Гуманитарно-пенитенциарный вестник: науч.-публицист. альманах / под общ. ред. Ю. А. Реента. Рязань : Академия ФСИН РФ, 2012. Вып. 6. С. 120–135.

236. *Фельдгун Г. Г.* Записки лагерного музыканта. Новосибирск, 1998.

237. *Хвощевский Г. И.* Страницы истории авиационного завода № 39 им. Менжинского. Иркутск, 2009.

238. *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. Москва : РОССПЭН, 2010.

239. Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917-1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. Москва : Зерцало, 1997.

240. Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т. Т. 1: 1937 г. Москва : РОССПЭН, 2010.

241. Через трупы врага на благо народа. «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т. Т. 2: 1938-1941 гг. Москва : РОССПЭН, 2010.

242. *Черепанова Е. В.* Уголовное право в годы Великой Отечественной войны: основные тенденции развития // Журнал российского права. 2010. № 10(166). С. 139–145.

243. *Чернолуцкая Е. Н.* Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию антисоветских элементов». Дальний Восток. 1937-1938 гг. // Россия и АТР. 2005. № 3. С. 55–65.

244. *Чхиквадзе В. М.* Военно-уголовное право в 2-х частях / под ред. И. Т. Голякова. Ч. 1: Общая. Москва : РИО ВЮА КА, 1947.

245. *Шаламов В.* «Сучья война». Очерки преступного мира. Москва : ФТМ, 2016.

246. *Шаламов В.* Левый берег. Серия «Колымские рассказы». Москва : Вагриус, 1998.

247. *Шеуджен Н. А., Яблонский И. В.* Особенности использования труда несовершеннолетних, приговоренных к лишению свободы, в исправительных учреждениях ГУЛАГа (1935-1940 годы) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 176–178.

248. *Широков А. И.* Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920–1950-х гг.: Опыт и уроки истории / под ред. Э. И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009.

249. *Шкаревский Д. Н.* Специальные лагерные суды в СССР (вторая половина 1940-х гг.) // Lex Russica. 2017. № 4(125). С. 209–213.

250. *Шмараева Е.* ГУЛАГ для самых маленьких [Электронный ресурс]. URL: <https://zona.media/article/2014/09/26/gulag-dlya-samykh-malenskikh> (дата обращения: 26.09.2019).

251. *Шмараева Е.* Краткая история этнических немцев в ГУЛАГе [Электронный ресурс] // <https://zona.media/article/2016/16/11/deutsch-2> (дата обращения: 26.09.2019).

252. *Эли М.* Слух о бандитском разгуле в 1953-1954 гг. // Слухи в России XIX-XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории : сб. статей / под ред. И. В. Нарского и др. ; Южно-Уральский гос. ун-т, Центр культ.-ист. исслед. ; Германский ист. ин-т в Москве ; Челяб. отд. Рос. общ-ва интел. истории. Челябинск, 2011. С. 146–167.

253. *Этлбаум Э.* ГУЛАГ. Паутина Большого террора. Москва : МШПИ, 2006.

254. *Юрченков Р. В.* ГУЛАГ и пенитенциарная система в СССР в 1930-х – первой половине 1980-х годов (на примере Темлага-Дубравлага : дис. ... канд. ист. наук / Чувацкий гос. ун-т им. И. Н. Ульянова.- Саранск, 2013.

Практические материалы

247. Спецсообщение наркома НКВД СССР Н.И. Ежова Сталину от 08.09.1937 г. № 59750 «О первых итогах операции по репрессированию антисоветских элементов» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938. Москва : МФД, 2004. С. 337–343.

248. Директива НКВД СССР от 05.08.1937 г. № 409 // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937-1939. Кн. 2: 1938-1939. Москва : РОССПЭН, 2006. С. 35.

249. Меморандум (шифротелеграмма) наркомвнутдела Н. И. Ежова от 30.11.1937 г. № 49990. URL: <http://www.timenote.info/ru> (дата обращения: 14.01.2018).

250. Директива (телеграмма) наркомвнутдела Н.И. Ежова от 11.12.1937 г. № 50215. URL: http://www.bessmertnybarak.ru/article/derektivna_nkvd_ssr_50215/ (дата обращения: 08.08.2018).

251. Предложение комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче осужденных к лишению свободы на сроки 3 года и выше в лагеря ОГПУ и организации новых концлагерей (приложение № 3 к п. 11 протокола Политбюро № 86) // ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917-1960 гг. : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. Москва : МФД, 2000.

252. Директива НКВД СССР от 29.01.1938 г. № 202 // Международная энциклопедия людей, мест и событий. URL: <https://timenote.info/ru/events/Direktivna-NKVD-ob-iranskoj-operacii> (дата обращения: 19.09.2019).

253. Стенограмма выступления Сталина на заседании Президиума Верховного Совета СССР 25.08.1938 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / под ред. А. Н. Яковлева ; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Москва : МФД, 2000. С. 113.

254. Справка 1-го спецотдела НКВД СССР «О количестве осужденных за время с 1 октября 1937 г. по 1 ноября 1938 г.» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 5: 1937-1939. Кн. 1, 2: 1938-1939. Москва : РОССПЭН, 2006.

255. Справка 1-го спецотдела МВД СССР «О количестве осужденных по делам органов НКВД СССР за 1937-1938 гг.» от 11.12.1953 г. URL: <http://istmat.info/node/17751> (дата обращения: 07.08.2019).

256. Специальный совместный Циркуляр Генпрокуратуры СССР и Верховного Суда СССР от 20.04.1935 г. № 1/001537-30/002517 «Разъяснение прокурорам и председателям судов о порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним» // ГА РФ. Ф Р-8131. Оп. 38. Л. 6. П. 47а.

257. Справка 2-го отдела ГУЛАГа о численности и составе заключенных в лагерях НКВД на 1 января 1939 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 75–78.

258. Циркуляр НКВД СССР от 05.08.1940 г. № 27/7038 касательно спецпоселенцев // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930-1940 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Н. Покровский. Москва : РОССПЭН, 2006. Кн. 2. С. 638–642.

259. Докладная записка начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина заместителю наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглову о мерах по увеличению емкости колоний для несовершеннолетних от 15.03.1941 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х - первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 81–82.

260. Совместный циркуляр НКВД, НКЮ и Генпрокуратура СССР от 28.04.1941 г. «Об усилении борьбы с побегами заключенных из ИТЛ» // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собрание документов в 7 т. Т. 4: Население Гулага: численность и условия содержания. Москва : РОССПЭН, 2004. С. 188.

261. Совместная Директива НКВД СССР и Генпрокуратуры СССР от 22.06.1941 г. № 221 о переходе на военное положение. URL: <http://memorial.krsk.ru/DOCUMENT/USSR/410622-1.htm> (дата обращения: 02.02.2019).

262. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14.07.1941 г. № 29/13/у «О квалификации случаев уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств». URL: <http://istmat.info/node/24368> (дата обращения: 12.12.2019).

263. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.06.1941 г. № 25/10/у «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» // СПС «Консультант Плюс».

264. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.06.1942 г. № 12/М/4/у «О квалификации повреждения посевов и урожая на землях, отведенных под коллективные и индивидуальные огороды для рабочих и служащих» // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1942 год / под ред. И. Т. Голякова. Москва : Юрид. изд. Минюста СССР, 1947.

265. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 24.12.1942 г. № 21/М/25/у «О судебной практике по делам о самогоноварении» // Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1942 год / под ред. И. Т. Голякова. Москва : Юрид. изд. Минюста СССР, 1947.

266. Справка Тюремного управления НКВД СССР «Об итогах эвакуации заключенных из тюрем НКВД-УНКВД» от 23.01.1942 г. // НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956): Сборник документов / сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. Москва : МВД России, 2008. С. 67–68.

267. Совместная Директива НКВД СССР и Генпрокуратуры СССР от 29.04.1942 г. № 185 о переводе немцев в «рабочие колонны» // СПС «Консультант Плюс».

268. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22.04.1942 г. № 8/м/1/у «О возможности и порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о дезертирстве в военное время» // Соц. законность. 1942. № 9. С. 32.

269. Докладная записка Г. Покровского руководству ГУЛАГа НКВД СССР о работе северных лагерей в 1941-1943 гг. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1146. Л.Л. 34-38об.

270. Доклад начальника ГУЛАГа В.Г. Наседкина наркомун внутренних дел Берия Л.П. от 17.08.1944 г. «О работе ГУЛАГа за годы войны (1941-1944)» // Исторический архив. 1994. № 3. С. 60–86.

271. Директивное указание Оперативного отдела ГУЛАГа начальникам оперативно-чекистских отделов и отделений лагерей и колоний от 30.03.1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-9214. Оп. 8. Д. 5. Л. 92-9.

272. Докладная записка заместителя наркомвнутдела СССР В.В. Чернышева наркомвнутделу СССР Л.П. Берия об опыте работы каторжан в Воркутлаге НКВД от 20.05.1945 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 39).

273. Справка начальника 2-го отдела ГУПВИ НКВД СССР А. Н. Бронникова на имя зам. начальника ГУПВИ НКВД СССР Н. Т. Рагушного от 27.06.1945 г. «О количестве, национальном и кадровом составе военнопленных, попавших в лагерь ГУПВИ в ходе Великой отечественной войны 1941-1945 гг.». URL: <http://istmat.info/node/21501> (дата обращения: 25.05.2019).

274. Справка об истории возникновения и развития ИТЛ и ГУЛАГа ОГПУ-НКВД-МВД СССР от 25.05.1950 г., подготовленная референтом референтской группы при начальнике ГУЛАГа МВД СССР Лебедевым В. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 77).

275. Приговора лагерного суда Норильского ИТЛ по обвинению Н. Н. Попова, М. И. Степанова, Е. Т. Иванова, Л. Л. Шахназарова в организации массовых беспорядков заключённых. 1950 г. // ГА РФ. Ф. Р-9474. Оп. 18. Д. 1476. Л. 2-4.

276. Справка заместителя прокурора Магаданской области Г. М. Сажина секретарю Магаданского областного комитета КПСС Т. В. Тимофееву. // Альманах «Воля». 2008. № 10. С. 19–29.

277. Доклад председателя лагерного суда Норильского ИТЛ Самохвалова «Отчет о работе суда за 1951 год» // ГА РФ. Ф. 9492. Оп. 14. Д. 479. Л. 12.

278. Докладная записка и.о. начальника ГУЛАГа А. З. Кобулова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову о массовых беспорядках и убийстве заключённых в отделении общего режима Черногорского ИТЛ 04.01.1952 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. Д. 20. Л. 8-8.

279. Спецсообщение начальника ГУЛЛП МВД СССР М. М. Тимофеева министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову об инциденте в Усольлаге 19.01.1952 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 8. Д. 9. Л. 37-38.

280. Письмо Генпрокурора СССР Г. Н. Сафонова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову о применении силы при подавлении беспорядков в Ахтубинском ИТЛ от 19.09.1952 г. // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 1812. С. 160–163.

281. *Письмо Л. П. Берия* председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову от 17.03.1953 г. о передаче из МВД СССР производственно-хозяйственных и строительных организаций в ведение других министерств // Исторический архив. 1996. № 4. С. 137–138.

282. Проект Постановления Совмина СССР «О передаче из Министерства внутренних дел СССР производственно-хозяйственных и строительных организаций» от 17.03.1953 г., внесенный Л. П. Берией // Исторический архив. 1996. № 4. С. 138–139.

283. *Письмо Л. П. Берия* в Президиум Совета Министров СССР от 21.03.1953 г. об изменении строительной программы 1953 года // Исторический архив. 1996. № 4. С. 140–142.

284. Проект Постановления Совмина СССР «Об изменении строительной программы 1953 года» от 21.03.1953 г., внесенный Л. П. Берией // Исторический архив. 1996. № 4. С. 142–143.

285. Секретная записка Л. П. Берии в Президиум ЦК КПСС от 26.03.1953 г. № ЛБ-25 с предложением и обоснованием амнистии // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / сост. В. Наумов, Ю. Сигачев ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 1999. С. 19–21.

286. Письмо Л. П. Берии в Президиум Совета Министров СССР от 28.03.1953 г. о передаче из МВД СССР в МЮ СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний // Исторический архив. 1996. № 4. С. 148.

287. Проект Постановления Совета Министров СССР «О передаче из МВД СССР в Министерство юстиции СССР исправительно-трудовых лагерей и колоний» от 28.03.1953 г., внесенный Л. П. Берией // Исторический архив. 1996. № 4. С. 149–150.

288. Справка старшего оперуполномоченного лагерного отделения № 11 Кунеевского ИТЛ Феклистова о массовом неповиновении заключенных, прибывших из Ахтубинского ИТЛ, 03.06.1953 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 724. Л. 12.

289. Докладная записка комиссии Минюста СССР начальнику ГУЛАГа И.И. Долгих о результатах проверки условий размещения и режима содержания заключенных, прибывающих в Кунеевский ИТЛ от 27.06.1953 г. // ГА РФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 724. Л. 96-102.

290. Письменное обращение заключенных Горлага в Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР и ЦК КПСС от 27.06.1953 г. // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 6: Восстания, бунты и забастовки заключенных. Москва : РОССПЭН, 2005. С. 322.

291. Докладная записка министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 26.05.1954 г. «О состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях». URL: <http://istmat.info/node/57853> (дата обращения: 25.05.2019 г.).

292. Акт приема-передачи ИТЛК из МЮ СССР в МВД СССР от 15.02.1954 г. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 82).

293. Докладная записка министра внутренних дел С. Н. Круглова в ЦК КПСС от 26.05.1954 г. «О состоянии дел в исправительно-трудовых лагерях и колониях». URL: <http://istmat.info/node/57853> (дата обращения: 25.05.2019 г.).

294. Справка ГУЛАГа о наличии, движении и составе заключенных ИТЛ и ИТК МВД СССР за период 1953-1955 гг. // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. (Документ № 102).

295. Справка о смертности заключенных в системе ГУЛАГа за период 1930-1956 гг., подготовленная по материалам ОУРЗ ГУЛАГа // ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 : сборник документов / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров ; науч. ред. В. Н. Шостаковский ; под ред. А. Н. Яковлева. Москва : МДФ, 2000. С. 441–442.

Электронные ресурсы

296. Информационный портал «Документы XX века». URL: <http://doc20vek.ru>

297. Информационный портал «Исторические материалы». URL: <http://www.istmat.info.ru>

298. Информационный портал «Международная энциклопедия людей, мест и событий». URL: <https://timenote.info/ru>

299. Информационный портал «Рабоче-крестьянская Красная Армия. 1918-1945». URL: <http://rkka.ru>

300. Официальный сайт Аналитического центра Юрия Левады «Левада-Центр». URL: <https://www.levada.ru>

301. Официальный сайт Европейского Парламента. URL: <https://www.europarl.europa.eu>

302. Официальный сайт Фонда Александра Н. Яковлева. URL: <http://alexanderyakovlev.org>

303. Проект «Бессмертный барак». URL: <http://www.bessmertnybarak.ru>

304. Сайт отделения Правозащитного центра «Мемориал» в Красноярске. URL: <http://memorial.krsk.ru>

305. Сайт Правозащитного центра «Мемориал». URL: <http://www.old.memo.ru>

306. Сайт Сахаровского Центра. URL: <http://sakharov-center.ru>

307. Сайт Центра «Возвращённые имена» при Российской национальной библиотеке. URL: <http://vizz.nlr.ru>

308. Федеральный образовательный портал «ЭСМ: Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsocman.hse.ru>

– Приложение –

Резолюция Европарламента № 2019/2819(RSP) «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (Страсбург, 19.09.2019 г.)⁵¹³

Четверг, 19 сентября 2019 г., Страсбург, предварительное издание

Резолюция Европейского Парламента от 19 сентября 2019 года
О важности исторической памяти для будущего Европы (2019/2819(RSP)).

Европейский Парламент,

– принимая во внимание универсальные принципы прав человека и основополагающие принципы Европейского Союза как сообщества, основанного на общих ценностях,

– принимая во внимание заявление, сделанное 22 августа 2019 года первым вице-президентом Тиммермансом и комиссаром Журовой в преддверии общеевропейского Дня памяти жертв всех тоталитарных и авторитарных режимов,

– принимая во внимание Всеобщую Декларацию прав человека Организации Объединенных Наций, принятую 10 декабря 1948 года,

– принимая во внимание свою резолюцию от 12 мая 2005 года о 60-й годовщине окончания Второй мировой войны в Европе 8 мая 1945 года,

– принимая во внимание резолюцию 1481 Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 26 января 2006 года о необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов,

– принимая во внимание рамочное решение 2008/913/JHA Совета от 28 ноября 2008 года «О борьбе с определенными формами и проявлениями расизма и ксенофобии с помощью уголовного права»,

– принимая во внимание Пражскую Декларацию о европейском сознании и коммунизме, принятую 3 июня 2008 года,

– принимая во внимание свою Декларацию о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма, принятую 23 сентября 2008 года,

⁵¹³ Перевод не является официальным. Оригинал текста резолюции на английском языке размещен на официальном сайте Европейского Парламента. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.htm (дата обращения: 20.12.2019).

— принимая во внимание свою Резолюцию от 2 апреля 2009 года о европейском сознании и тоталитаризме,

— принимая во внимание доклад комиссии от 22 декабря 2010 года о памяти преступлений, совершенных тоталитарными режимами в Европе (СОМ (2010)0783),

— принимая во внимание выводы Совета от 9-10 июня 2011 года о памяти преступлений, совершенных тоталитарными режимами в Европе,

— принимая во внимание Варшавскую Декларацию от 23 августа 2011 года о Европейском Дне памяти жертв тоталитарных режимов,

— принимая во внимание совместное заявление представителей правительств государств-членов ЕС от 23 августа 2018 года о поминовении жертв коммунизма,

— принимая во внимание свою историческую Резолюцию о положении в Эстонии, Латвии и Литве, принятую 13 января 1983 года в ответ на «Балтийский призыв» 45 граждан этих стран,

— принимая во внимание резолюции и декларации о преступлениях тоталитарных коммунистических режимов, принятые рядом национальных парламентов,

— принимая во внимание правило 132(2) и (4) своих правил процедуры,

A. учитывая, что в этом году исполняется 80 лет со дня начала Второй Мировой войны, которая привела к беспрецедентному уровню человеческих страданий и оккупации стран Европы на многие десятилетия вперед;

B. учитывая, что 80 лет назад, 23 августа 1939 года, коммунистический Советский Союз и нацистская Германия подписали Договор о ненападении, известный как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретные протоколы, разделив Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами и сгруппировав их в сферы интересов, что подготовило почву для начала Второй Мировой войны;

C. учитывая, что прямым следствием пакта Молотова-Риббентропа стал советско-нацистский договор о границе и дружбе от 28 сентября 1939 года, вторжение в Польскую Республику сначала Гитлера, а через две недели Сталина, что лишило страну независимости и стало беспрецедентной трагедией для польского народа, коммунистический Советский Союз начал агрессивную войну против Финляндии 30 ноября 1939 года, а в июне 1940 года оккупировал и аннексировал части Румынии — территории, которые никогда не были возвращены, и аннексировал независимые республики Литву, Латвию и Эстонию;

Д. учитывая, что после поражения нацистского режима и окончания Второй Мировой войны некоторые европейские страны смогли восстановить и начать процесс примирения, в то время как другие европейские страны оставались под диктатурой – некоторые под прямой советской оккупацией или влиянием – в течение полувека и продолжали оставаться лишенными свободы, суверенитета, достоинства, прав человека и социально-экономического развития;

Е. учитывая, что преступления нацистского режима были оценены и наказаны на Нюрнбергском процессе, по-прежнему существует острая необходимость в повышении осведомленности, проведении моральных оценок и проведении юридических расследований преступлений сталинизма и других диктатур;

Ф. учитывая, что в некоторых государствах-членах ЕС коммунистическая и нацистская идеологии запрещены законом;

Г. учитывая, что европейская интеграция с самого начала была ответом на страдания, причиненные двумя мировыми войнами и нацистской тиранией, приведшей к Холокосту, и на экспансию тоталитарных и недемократических коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, а также способом преодолеть глубокие разногласия и враждебность в Европе путем сотрудничества и интеграции и положить конец войне и обеспечить демократию в Европе; в то время как для европейских стран, которые пострадали от советской оккупации и коммунистических диктатур, расширение ЕС, начиная с 2004 года, означает их возвращение в европейскую семью, к которой они принадлежат;

Н. учитывая, что память о трагическом прошлом Европы должна быть сохранена, чтобы почтить память жертв, осудить виновных и заложить основу для примирения, основанного на истине и памяти;

І. учитывая, что память о жертвах тоталитарных режимов и признание и повышение осведомленности об общем европейском наследии преступлений, совершенных коммунистическими, нацистскими и другими диктатурами, имеет жизненно важное значение для единства Европы и ее народов и для укрепления европейской устойчивости к современным внешним угрозам;

Ј. учитывая, что 30 лет назад, 23 августа 1989 года, была отмечена 50-я годовщина пакта Молотова-Риббентропа, и жертвы тоталитарных режимов вспомнили во время Балтийского пути, беспрецедентную демонстрацию двух миллионов литовцев, латышей и эстонцев, которые взялись за руки, чтобы сформировать живую цепь, протянувшуюся от Вильнюса до Таллина через Ригу;

К. учитывая, что 24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР осудил подписание пакта Молотова-Риббентропа, помимо других соглашений, заключенных с нацистской Германией, российские власти отрицали ответственность за это соглашение и его последствия в августе 2019 года и в настоящее время пропагандируют мнение о том, что Польша, Прибалтика и Запад являются истинными зачинщиками Второй Мировой войны;

Л. учитывая, что память о жертвах тоталитарных и авторитарных режимов и признание и повышение осведомленности об общем европейском наследии преступлений, совершенных сталинскими, нацистскими и другими диктатурами, имеет жизненно важное значение для единства Европы и ее народов и для укрепления европейской устойчивости к современным внешним угрозам;

М. учитывая, что явно радикальные, расистские и ксенофобские группы и политические партии разжигают ненависть и насилие в обществе, например, посредством распространения в интернете ненавистнических высказываний, что зачастую приводит к росту насилия, ксенофобии и нетерпимости;

1. Напоминает, что, как закреплено в статье TEU, Европейский Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и уважения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам; напоминает, что эти ценности являются общими для всех государств-членов ЕС;

2. Подчеркивает, что Вторая Мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявших цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния;

3. Напоминает, что нацистский и коммунистический режимы совершили массовые убийства, геноцид и депортации и привели к гибели людей и потере свободы в 20 веке в невиданных в истории человечества масштабах, и напоминает об ужасающем преступлении Холокоста, совершенном нацистским режимом; самым решительным образом осуждает акты агрессии, преступления против человечности и массовые нарушения прав человека, совершенные нацистским, коммунистическим и другими тоталитарными режимами;

4. Выражает свое глубокое уважение к каждой жертве этих тоталитарных режимов и призывает все институты и субъекты ЕС сделать все возможное для обеспечения того, чтобы ужасающие тоталитарные

преступления против человечности и систематические грубые нарушения прав человека были запомнены и доведены до суда, а также гарантировать, что такие преступления никогда не повторятся; подчеркивает важность сохранения памяти о прошлом, поскольку без памяти не может быть примирения, и вновь заявляет о своей единой позиции против всего тоталитарного правления, независимо от идеологической подоплеки;

5. Призывает все государства-члены ЕС дать четкую и принципиальную оценку преступлениям и актам агрессии, совершенным тоталитарными коммунистическими режимами и нацистским режимом;

6. Осуждает все проявления и распространение тоталитарных идеологий, таких как нацизм и сталинизм, в ЕС;

7. Осуждает исторический ревизионизм и прославление нацистских коллаборационистов в некоторых государствах-членах ЕС; глубоко обеспокоен растущим признанием радикальных идеологий и возвращением к фашизму, расизму, ксенофобии и другим формам нетерпимости в Европейском Союзе и обеспокоен сообщениями в некоторых государствах-членах о сговоре между политическими лидерами, политическими партиями и правоохранительными органами и радикальными, расистскими и ксенофобными движениями различных политических конфессий; призывает государства-члены ЕС самым решительным образом осудить такие акты, поскольку они подрывают ценности ЕС-мир, свободу и демократию;

8. Призывает все государства-члены ЕС отмечать 23 августа как Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов как на уровне ЕС, так и на национальном уровне и повышать осведомленность молодого поколения об этих вопросах путем включения истории и анализа последствий тоталитарных режимов в учебные программы и учебники всех школ ЕС; призывает государства-члены ЕС поддерживать документирование проблемного прошлого Европы, например посредством перевода материалов Нюрнбергского процесса на все языки ЕС;

9. Призывает государства-члены ЕС осудить и противодействовать всем формам отрицания Холокоста, включая тривиализацию и минимизацию преступлений, совершенных нацистами и их пособниками, а также не допускать тривиализации в политическом и медийном пространстве;

10. Призывает к созданию общей культуры памяти, которая отвергала бы преступления фашистских, сталинских и других тоталитарных и авторитарных режимов прошлого в качестве средства укрепления устойчивости к современным угрозам демократии, особенно среди молодого поколения; призывает государства-члены содействовать просвещению посредством массовой культуры о разнообразии нашего общества и нашей общей истории, включая просвещение о зверствах

Второй мировой войны, таких как Холокост, и систематической дегуманизации ее жертв в течение ряда лет;

11. Призывает, кроме того, учредить 25 мая (годовщину казни Героя Освенцима Ротамастера Витольда Пилецкого) в качестве Международного Дня героев борьбы с тоталитаризмом, который станет выражением уважения и данью уважения всем тем, кто, борясь с тиранией, проявил свой героизм и истинную любовь к человечеству, а также даст будущим поколениям наглядный пример правильного отношения к угрозе тоталитарного порабощения;

12. Призывает комиссию оказывать эффективную поддержку проектам исторической памяти и памяти в государствах-членах ЕС и деятельности Платформы европейской памяти и совести, а также выделять достаточные финансовые ресурсы в рамках программы «Европа для граждан» для поддержки мероприятий по увековечиванию памяти и памяти жертв тоталитаризма, как это предусмотрено в позиции парламента по программе прав и ценностей на период 2021-2027 годов;

13. Заявляет, что европейская интеграция в качестве модели мира и примирения является свободным выбором народов Европы в отношении приверженности общему будущему и что Европейский Союз несет особую ответственность за поощрение и защиту демократии, уважения прав человека и верховенства права не только в рамках Европейского Союза, но и за его пределами;

14. Указывает, что в свете вступления в ЕС и НАТО страны Восточной и Центральной Европы не только вернулись в европейскую семью свободных демократических стран, но и продемонстрировали успех, при содействии ЕС, в реформах и социально-экономическом развитии; подчеркивает, однако, что этот вариант должен оставаться открытым для других европейских стран, как это предусмотрено в статье 49 TEU;

15. Утверждает, что Россия остается величайшей жертвой коммунистического тоталитаризма, и что ее становление в демократическое государство будет тормозиться до тех пор, пока правительство, политическая элита и политическая пропаганда будут продолжать обелять коммунистические преступления и прославлять советский тоталитарный режим, поэтому призывает российское общество примириться со своим трагическим прошлым;

16. Глубоко обеспокоен попытками нынешнего российского руководства исказить исторические факты и обелить преступления, совершенные советским тоталитарным режимом, и считает их опасным компонентом информационной войны, развязанной против демократической Европы, которая направлена на раскол Европы, и поэтому призывает комиссию решительно противодействовать этим усилиям;

17. Выражает обеспокоенность в связи с продолжающимся использованием символики тоталитарных режимов в общественной сфере и в коммерческих целях и напоминает, что ряд европейских стран запретили использование как нацистской, так и коммунистической символики;

18. Отмечает, что продолжающееся существование в общественных местах некоторых государств-членов памятников и мемориалов (парки, площади, улицы и др.) прославление тоталитарных режимов, что открывает путь для искажения исторических фактов о последствиях Второй Мировой войны и для пропаганды тоталитарной политической системы;

19. Осуждает тот факт, что экстремистские и ксенофобские политические силы в Европе все чаще прибегают к искажению исторических фактов и используют символику и риторику, которые перекликаются с аспектами тоталитарной пропаганды, включая расизм, антисемитизм и ненависть к сексуальным и другим меньшинствам;

20. Настоятельно призывает государства-члены ЕС обеспечить соблюдение положений Рамочного решения Совета, с тем чтобы противостоять организациям, распространяющим ненавистнические высказывания и насилие в общественных местах и в интернете, и эффективно запретить неофашистские и неонацистские группы и любые другие фонды или ассоциации, которые превозносят и прославляют нацизм и фашизм или любую другую форму тоталитаризма, соблюдая при этом внутренний правопорядок и юрисдикцию;

21. Подчеркивает, что трагическое прошлое Европы должно и впредь служить моральным и политическим вдохновением для решения задач сегодняшнего мира, включая борьбу за более справедливый мир, создание открытых и толерантных обществ и общин, охватывающих этнические, религиозные и сексуальные меньшинства, и обеспечение того, чтобы европейские ценности работали на благо всех;

22. Поручает своему председателю направить настоящую резолюцию Совету, Комиссии, правительствам и парламентам государств-членов ЕС, Российской Госдуме и парламентам стран Восточного партнерства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Предисловие	7
Введение	10
Глава 1. Уголовно-исполнительная система и уголовно-исполнительное законодательство СССР в тоталитарный период	15
1.1. Уголовно-исполнительная политика советского государства в конце 1920-х — начале 1930-х гг.	15
1.2. Карательная политика советского государства в период массовых репрессий 1930-х годов	25
1.3. Воздействие на преступность и пенитенциарная политика в предвоенный период и во время Великой Отечественной войны	61
1.4. Политика противодействия преступности в послевоенный период и в 1950-е годы	102
Глава 2. Общая характеристика оперативной и криминальной обстановки внутри тюремно-лагерной системы в СССР в 1930-1950-е гг.	146
Глава 3. Противостояние среди осужденных в местах лишения свободы в 1940-1950-х гг. («сучьи войны»)	159
3.1. Предпосылки раскола среди заключенных	159
3.2. Противостояние «воров» и «сук»	192
3.3. Криминальные и националистические группировки заключенных	214
3.4. Роль лагерной администрации в условиях противостояния заключенных. Итог «сучьих войн»	222
Заключение	244
Список использованных источников	249
Приложение	275

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Закомолдин Руслан Валериевич

Герман Сергей Эдуардович

Тюремно-лагерная система СССР в тоталитарный период
(1930-1950-е годы)

Монография

Публикуется в авторской редакции

Компьютерная верстка, макет *С. В. Бородина*

Подписано в печать 24.02.2020. Формат Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Усл.-печ. л. 16,51. Уч.-изд. л. 16,03.

Гарнитура Petersburg. Тираж 500 экз.

Самарская гуманитарная академия

443011, Самара, 8 Радиальная, 31.

Тел. 8 (846) 926 26 40. E-mail: oraborodina@yandex.ru

Отпечатано с предоставленного оригинал-макета

в типографии ООО «Прайм».

г. Самара, Байкальский переулок, 12

Тел. 8 927 201 82 95